

+ ВЛАСТЬ ТЬМЫ.
+ Плоды просвѣщенія.
Первый винокуръ.

Self Thoughts

Л. Н. Толстой.

1307644
1210013

а.

245

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

I-я СЕРИЯ.

СЕДЬМОЙ ТОМЪ.

505

~~Instytut
Filologii Słowiańskiej~~

ИЗДАНИЕ В. М. САБЛИНА.

МОСКВА. — 1911

Nie pożyczka się do domu

860102 // 7

Biblioteka
Uniwersytetu Gdańskiego

1100683647

ТИПОГРАФИЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 131-34.
Москва. — 1911.

D 102/14/09

ВЛАСТЬ ТЬМЫ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Дѣйствіе происходитъ осенью въ большомъ селѣ. Сцена представляетъ просторную избу Петра. Петръ сидитъ на лавкѣ, чинитъ хомуть. Анисья и Акулина прядутъ.

ЛИЦА 1-го ДѢЙСТВІЯ.

Петръ — мужикъ богатый, 42-хъ лѣтъ, женатъ вторымъ бракомъ, болѣзненный. Анисья — его жена. 32-хъ лѣтъ, щеголиха. Акулина — дочь Петра отъ перваго брака, 16-ти лѣтъ, крѣпка на ухо, дурковатая. Анютка — вторая дочь, 10-ти лѣтъ. Никита — ихъ работникъ, 25-ти лѣтъ, щеголь. Акимъ — отецъ Никиты, 50-ти лѣтъ, мужикъ невзрачный, богобоязненный. Матрена — его жена, 50-ти лѣтъ. Марина — дѣвка-сирота, 22-хъ лѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Петръ, Анисья и Акулина, послѣднія поютъ въ два голоса.

Петръ выглядываетъ изъ окна. Опять лошади ушли. Того и гляди жеребенка убьютъ. Микита, а Микита! Оглохъ! Прислушивается. На бабъ. Будетъ вамъ, — не слышать ничего.

Голосъ Никиты съ надворья. Чего?

ПЕТРЪ. Лошадей загни.

Голосъ Никиты. Загнѹю, дай срокъ.

ПЕТРЪ, качая головой. Ужъ эти работники! Былъ бы здоровъ, ни въ жизнь бы не сталъ держать. Одинъ грѣхъ съ ними... Встаетъ и опять садится. Микитъ!.. Не докличешься. Подите, что-ль, кто изъ васъ. Акуль, поди загни.

Акулина. Лошадей-то?

ПЕТРЪ. А то чего-жь?

Акулина. Сейчасъ. Уходить.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

ПЕТРЪ и АНИСЬЯ.

ПЕТРЪ. Да и лодырь малый... нехозяйственный. Коли повернется, коли что.

АНИСЬЯ. Самъ-то ты больно шустерь—съ печи да на лавку. Только съ людей взыскивать.

ПЕТРЪ. Съ васъ не взыскивать, такъ въ годъ дома не найдешь! Охъ, народъ!

АНИСЬЯ. Десять дѣловъ въ руки сунешь, да и ругаешься. На печи лежа, приказывать легко.

ПЕТРЪ вздыхая. Эхъ, кабы не хворь эта привязалась, и дня бы не сталъ держать.

За сценой голосъ Акулины. Псе, псе, псе...

Слышно—жеребенокъ ржетъ, и лошади вбѣгаютъ въ ворота. Ворота скрипятъ.

ПЕТРЪ. Бахарить—вотъ это его дѣло. Право, не сталъ бы держать.

Анисья передразнивая. Не стану держать... Ты бы самъ поворочалъ, тогда бы говорилъ.

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тѣ же и Акулина.

Акулина входитъ. Насилу загнала. Все чалый...

Петръ. Никита-то гдѣ-жъ?

Акулина. Микита-то? На улицѣ стоитъ.

Петръ. Чего-жъ онъ стоитъ?

Акулина. Чего стоитъ-то? Стоитъ за угломъ, калякаетъ.

Петръ. Не добьешься отъ нея толковъ. Да съ кѣмъ калякаетъ-то?

Акулина не разслышавъ. Чего?

Петръ махаетъ на Акулину рукой; она садится за пряжу.

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Тѣ же и Анютка.

Анютка вбѣгаетъ; къ матери. Къ Микиткѣ отецъ съ матерью пришли. Домой берутъ жить, однаво дыхнуть.

Анисья. Врешь?

Анютка. Пра! сейчасъ умереть. Смѣется. Я мимо иду, Микитка и говоритъ: прощай, говоритъ, теперь, Анна Петровна. Приходи уже ко мнѣ на свадьбу гулять. Я, говоритъ, ухожу отъ васъ. Смѣется самъ.

Анисья къ мужу. Не больно тобой нуждаются. Вонъ онъ и самъ сходить собрался... «Сгоню!» говоритъ...

Петръ. И пушай идетъ,—развѣ другихъ не найду?

Анисья. А денѣги-то зададены?..

Анютка подходитъ къ двери
слушаетъ, что говорятъ, и уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Анисья, Петръ и Акулина.

ПЕТРЪ хмурится. Денѣги, коли что, лѣтомъ отслужить.

Анисья. Да ты радъ отпустить, — тебѣ съ хлѣба до-
лой. Да зиму-то я одна и ворочай, какъ меринъ какой.
Дѣвка-то не больно охоча работать, а ты на печи лежать
будешь. Знаю я тебя.

ПЕТРЪ. Да что, ничего не слыхамши, попусту языкъ
трепать.

Анисья. Полонъ дворъ скотины. Не продалъ корову-
то и овецъ всѣхъ на зиму пустилъ, корму и воды не на-
готовишься, а работника отпустить хочешь. Да не стану
я мужицкую работу работать! Лягу вотъ, какъ ты же, на
печь — пропадай все; какъ хочешь, такъ и дѣлай.

ПЕТРЪ къ Акулинѣ. Иди за кормомъ-то, что-ли, — пора-
Акулина. За кормомъ? Ну что-жъ.

Надѣваетъ кафтанъ и беретъ ве-
ревку.

Анисья. Не буду я тебѣ работать, — буде ужъ, ея
стану. Работай самъ.

ПЕТРЪ. Да буде. Чего взбеленилась? Ровно овца кру-
говая.

Анисья. Самъ ты кобель бѣшенный! Ни работы отъ тебя
ни радости. Только поѣдомъ ѣшь. Кобель потрясучій,
право.

ПЕТРЪ плюетъ и одѣвается. Тьфу ты! прости, Господи! Пойти узнать толкомъ.

Выходить.

Анисья вдогонку. Гнилой чертъ, носастый!

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Анисья и Акулина.

Акулина. Ты за что батю ругаешь?

Анисья. Ну тебя, дура. Молчи.

Акулина подходитъ къ двери. Знаю, чего ругаешь. Сама дура, песь ты. Не боюсь я тебя.

Анисья. Ты чего? Вскакиваетъ и ищетъ чѣмъ бы ударить. Мотри, я тебя рогачемъ.

Акулина, отворивъ дверь. Песь ты, дьяволь, вотъ ты кто! Дьяволь, песь, песь, дьявол! Убѣгаетъ.

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Анисья одна.

Анисья задумывается. На свадьбу, говорить, приходи. Это что-жъ они вздумали? женить? Мотри, Микитка: коли это твои умыслы, я то сдѣлаю... Нельзя мнѣ безъ него жить. Не пушу я его.

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Анисья и Никита.

Никита входитъ оглядываясь; видя, что Анисья одна, быстро подходитъ къ ней; шепотомъ. Что, братецъ, ты мой, бѣда! Приѣхалъ родитель, снимать хочеть,—домой итти велить. Окончательно, говорить, женимъ тебя, и живи дома.

Анисья. Что же, женись. Мнѣ-то что?

Никита. Вотъ такъ такъ! Я рассчитываю, какъ лучше дѣло обсудить, а она вонъ какъ: жениться велитъ! Что жъ такъ? Подмигиваетъ. Аль забыла?..

Анисья. И женись. Очень нужно...

Никита. Да ты что фыркаешь-то? Вишь ты, и поглядиться не дается... Да ты чего?

Анисья. А того, что бросить хочешь... А хочешь бросить, такъ и я не нуждаюсь. Вотъ тебѣ и сказъ!

Никита. Да буде, Анисья. Развѣ я тебя забыть хочу? Ни въ жизни. Окончательно, значить, тебя не брошу. А я такъ рассчитываю: что и женять, такъ къ тебѣ же назадъ приду; только бы домой не бралъ.

Анисья. Очень ты мнѣ нуженъ женатый-то.

Никита. Да какъ же, братецъ ты мой,—изъ отцовской воль опять-таки невозможно никакъ.

Анисья. На отца сворачиваешь, а умыслы—твои все. Давно ты подлаживаешь съ мазихой своей, съ Маринкой. Она тебѣ это намазала. Не даромъ наемни прибѣгала.

Никита. Маринка?! Очень она мнѣ нужна!.. Мало ихъ вѣшаются-то...

Анисья. Зачѣмъ же отецъ пріѣхалъ? Ты велѣлъ! Обманывалъ ты!..

Плачетъ.

Никита. Анисья, вѣришь ты Богу аль нѣтъ? Ничего-то я и во снѣ не видалъ. Окончательно знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Все мой старикъ съ своей головы вздумалъ.

Анисья. Самъ не захочешь, такъ кто жъ тебя, оселомъ, что-ль, притянетъ.

Никита. Тоже, рассчитываю, невозможно супротивъ родителя будетъ и сдѣлать. А неохота мнѣ.

Анисья. Упрись, да и все.

Никита. Уперся одинъ такой-то, такъ его въ воло-
стной такъ вспрыснули... Очень просто. Тоже не хочется.
Сказываютъ—щекотно...

Анисья. Буде шутить-то. Ты слушай, Никита: коли ты
за себя Маринку возьмешь, я не знаю, что надъ собой
сдѣлаю... Жизни рѣшусь! Согрѣшила я, законъ рушила, да
ужъ не ворочаться стать. Коли ты только уйдешь, я то
сдѣлаю...

Никита. Мнѣ что жъ уходить? Кабы я уйти хотѣлъ,
я бы давно ушелъ. Меня какъ намени Иванъ Семенычъ
приглашалъ въ кучера... А ужъ жизнь какая! Не пошелъ же.
Потому я такъ разсчитываю, что я всякому хорошъ. Если бъ
ты меня не любила, то другой расчетъ.

Анисья. То-то и помни. Старикъ не нынче-завтра по-
мереть, думаю,—всѣ грѣхи прикроемъ. Законъ приму, ду-
мала, будешь хозяиномъ.

Никита. И, что загадывать. Мнѣ что? Я работаю,
какъ для себя стараюсь. Меня и хозяинъ любить, и баба
его, значить, любить. А что меня бабы любятъ, такъ я
въ этомъ не причиненъ,—очень просто.

Анисья. Будешь меня любить?

Никита обнимаетъ ее. Во какъ! Какъ была ты у меня
въ душѣ...

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и Матрена входитъ и долго крестится на образа; Ни-
кита и Анисья отстраняются другъ-
отъ друга.

Матрена. А я что и видѣла—не видала, что и слы-

шала—не слыхала. Съ бабочкой поигралъ... что жъ? И теленокъ, вѣдашь, и тотъ играетъ. Отчего не поиграть?— дѣло молодое. А тебя, сынокъ, хозяинъ на дворѣ спрашиваетъ.

НИКИТА. Я за топоромъ зашелъ.

МАТРЕНА. Знаю, знаю, родной, за какимъ топоромъ Этотъ топоръ все больше около бабъ.

НИКИТА нагибается, беретъ топоръ. Что же, матушка, аль и вправду женить меня? Я расчитываю, что совсѣмъ напрасно. Опять-таки и мнѣ бы неохота.

МАТРЕНА. И-и, касатикъ, зачѣмъ женить? Живешь да живешь, это старикъ все. Поди, родной, мы и безъ тебя всѣ дѣла разсудимъ.

НИКИТА. Чудно право,—то женить, а то не надо Окончательно не разберу ничего.

Уходить.

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

АНИСЬЯ И МАТРЕНА.

АНИСЬЯ. Что жъ, тетка Матрена, аль и вправду женить хотите?

МАТРЕНА. Съ чѣмъ женить-то, ягодка? Нашъ, вѣдашь, какой достатокъ? Такъ себѣ, старичокъ мой зря болтаетъ: женить да женить. Да не его ума дѣло. Отъ овса, вѣдашь, кони не рыщутъ, отъ добра добра не ищутъ,—такъ и это дѣло. Развѣ я не вижу подмигиваетъ, къ чему дѣло клонитъ.

АНИСЬЯ. Что же мнѣ, тетка Матрена, отъ тебя хорониться. Ты всѣ дѣла знаешь. Согрѣшила я, полюбила сына твоего.

МАТРЕНА. Ну, новости сказала! А тетка Матрена и не знала. Эхъ, дѣушка, тетка Матрена терта, терта да перетерта. Тетка Матрена, я тебѣ скажу, ягодка, подъ землей-то на аршинъ видить. Все знаю, ягодка. Знаю, зачѣмъ молодымъ бабамъ сонныхъ порошковъ надоть. Принесла. Развязывѣаетъ узелокъ платка, достаетъ въ бумагѣ порошки. Чего надо, то вижу, а чего не надо, того знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Такъ-то. Тоже и тетка Матрена молодая была. Тоже съ своимъ дуракомъ, вѣдашь, умѣючи прожить надо. Всѣ 77 увертокъ знаю. Вижу, ягодка, зачивряль, зачивряль твой-то старикъ. Съ чѣмъ тутъ жить? Его вилами ткни, кровь не пойдетъ. Глядишь, на весну похоронишь. Принять во дворъ ко-го-нибудь да надо. А сынокъ чѣмъ не мужикъ? Не хуже людей. Такъ что же мнѣ за корысть сына-то съ добраго дѣла снять? Развѣ я своему дѣтищу врагъ?

Анисья. Только бы не сходилъ онъ отъ насъ.

МАТРЕНА. И не сойдетъ, ласточка. Все глупость одна. Старика моего вѣдашь. Умъ у него вовсе расхожій, а тоже другой разъ заберетъ что въ башку,—какъ коломъ подпретъ, никакъ не выбьешь.

Анисья. Да съ чего взялось-то дѣло это?

МАТРЕНА. А видишь ли, ягодка, малый, сама знаешь, до бабъ какой, да и красивъ, нечего сказать. Ну, жилъ онъ, вѣдашь, на чугунокѣ, а тамъ у нихъ дѣвчонка сирота въ кухаркахъ жила. Ну и стала вязаться за нимъ дѣвчонка эта.

Анисья. Маринка?

МАТРЕНА. Она, параликъ ее расшиби. Ну и было ли что, нѣтъ ли, только и дознайся мой старикъ. Отъ людей ли, или сама она ему наклевузничала...

Анисья. Смѣлая же какая, подлюга!

Матрена. Вотъ и поднялся мой-то, дурья-то голова: женить, говоритъ, да женить, грѣхъ покрыть. Возьмемъ, говоритъ, малаго домой да женимъ. Разговаривала всячески. Куды тебѣ. Ну, думаю, ладно. Дай по-иному поверну. Ихъ, дураковъ, ягодка, все такъ-то манить надо. Все въ согласьи, какъ будто. А до чего дѣло дойдетъ, сейчасъ на свое и повернешь. Баба, вѣдашь, съ печи летитъ, 77 думъ передумаетъ, такъ гдѣ жъ ему догадаться. Что жъ, говорю, старичокъ, дѣло хорошее. Только подумать надо. Пойдемъ, говорю, къ сынку да посовѣтуемъ съ Петромъ Игнатычемъ. Что онъ скажетъ? Вотъ и пришли.

Анисья. О-охъ, тетушка, какъ же такъ? Ну, какъ отецъ-то велитъ?

Матрена. Велитъ? А велѣнье-то его псу подъ хвостъ. Ужъ ты не сумлѣвайся, не бывать этому дѣлу; я сейчасъ съ твоимъ старикомъ всѣ дѣла просѣю, процѣжу, ничего не останется. Я и пошла съ нимъ—одинъ примѣръ сдѣлать. Какъ же—сынокъ въ счастіи живетъ, счастія ждетъ, а я за него потаскуху сватать стану. Что жъ я—дура, что ль!

Анисья. Она и сюда къ нему бѣгала, Маринка-то. Вѣришь ли, тетушка, какъ сказали мнѣ, что женить его, какъ ножомъ по сердцу полоснуло меня. Думаю, въ сердцѣ она у него.

Матрена. И, ягодка! Что жъ — онъ дуракъ, что ли? Станетъ онъ шлюху бездомовную любить. Микишка, вѣдашь, малый тоже умный. Онъ знаетъ, кого любить. А ты, ягодка, не сумлѣвайся. Не снимемъ его ни въ жизнь. И женить не станемъ. А деньжонокъ убогаторите, и пусть живетъ.

Анисья. Кажется, уйди Никита, не стану на свѣтѣ жить.

МАТРЕНА. Дѣло молодое. Легко ли! Баба ты въ соку, съ такимъ осметкомъ жить...

Анисья. Вѣришь ли, тетушка, постыль, ужъ постыль мнѣ мой-то, кобель носатый, и не смотрѣли бы на него глаза.

МАТРЕНА. Да, ужъ это дѣло такое. Глянь-ка сюда! Шопотомъ, оглядываясь. Была я, вѣдашь, у старичка этого за порошками,—онъ мнѣ на двѣ руки далъ снадобья. Глянь-ка сюда! Это, говорить, сонный порошокъ. Дай, говоритъ, одинъ — сонъ такой возьметъ, что хоть ходи по немъ. А это, говорить, такое снадобье, если, говорить, давать пить—никогого духу нѣтъ, а сила большая. На семь, говорить, разовъ, по шепоти на разъ. До семи разовъ давай. И слобода, говорить, ей скоро откроется.

Анисья. О-о-о!.. Чго жъ это?

МАТРЕНА. Примѣтки, говорить, никакой. Рублевку взялъ. Меньше нельзя, говорить. Потому, вѣдашь, добывать ихъ тоже хитро. Я свою, ягодка, отдала. Думаю, возьметъ; не возьметъ—Михайловнѣ снесу.

Анисья. О-о! Да може что худо отъ нихъ?

МАТРЕНА. Чему худому-то быть, ягодка. Добро бы мужикъ твой твердый, а то что жъ, только славу дѣлаетъ, что живеть. Не жилецъ вѣдь онъ. Много такихъ-то бываетъ.

Анисья. О-охъ, головушка моя бѣдная! Боюсь я, тенька, какъ бы грѣха не было. Нѣтъ, это что жъ?

МАТРЕНА. Можно и назадъ снести.

Анисья. Что жъ ихъ, какъ и тѣ, въ водѣ распущать?

МАТРЕНА. Въ чаю, говорить, лучше. Ничего, гово-

рить, непримѣтно, ни духу отъ нихъ нѣтъ, ничего. Тоже человѣкъ умный.

Анисья беретъ порошки. О-о, головушка моя бѣдная! Пошла бы развѣ на такія дѣла, кабы не жизнь каторжная.

Матрена. А рублевку-то не забудь: я пообѣщалась старичку занести. Тоже хлопочеть.

Анисья. Ужъ извѣстно.

Идетъ къ сундуку и прячетъ порошки.

Матрена. А ты, ягодка, потѣснѣ держи, чтобъ люди не знали. А коли что, помилуй Богъ, коснется, отъ таракановъ молъ... Беретъ рубль. Тоже отъ таракановъ идетъ...

Обрываетъ рѣчь.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ же, Петръ и Акимъ.

Акимъ входитъ, крестится на образъ.

Петръ входитъ и садится. Такъ какъ же, дядя Акимъ?

Акимъ. Получше, Игнатычъ, какъ бы получше, тае, получше... Потому, какъ бы не того. Баловство, значить. Хотѣлось бы, тае... къ дѣлу, значить, хотѣлось малагс-то. А коли ты, значить, тае, можно и того. Получше какъ...

Петръ. Ладно, ладно. Садись, потолкуемъ. Акимъ садится. Что жъ такъ? Аль женить хочешь?

Матрена. Женить-то и повременить можно, Петръ Игнатычъ. Нужда наша, самъ знаешь, Игнатычъ. Гдѣ тутъ женить? Сами живота не надышимъ. Гдѣ жъ женить!..

Петръ. Судите, какъ лучше.

Матрена. Женить тоже спѣшить некуда. Это такое дѣло. Не малина, не опанеть.

Петръ. Что жъ, коли женить—дѣло хорошее.

Акимъ. Хотѣлось бы, значить, тае... Потому мнѣ, значить, тае... работишка въ городу, работишка выпала, сходная, значить...

Матрена. Ну ужъ работа! Ямы чистить. Пріѣхалъ на медни, такъ блевала, блевала... тьфу!

Акимъ. Это точно, спервоначала она ровно и тае, шибаетъ, значить, духъ-то, а обыкнешь—ничего, все одно, что барда, и значить, тае, сходно... А что духъ, значить, тае... Это нашему брату нельзя. Одежонку смѣнять тоже можно. Хотѣлось, значить, Микитку дома, пушай оправдаетъ, значить. Онъ пушай дома оправдаетъ, а ужъ я, тае, въ городу добуду...

Петръ. Хочешь сына дома оставить, оно точно. Да забраты деньги-то какъ?

Акимъ. Это вѣрно, вѣрно, Игнатычъ, сказалъ это, значить, тае, правильно, потому нанялся—продался; это пусть доживетъ, значить, а вотъ только, тае, женить; на время, значить, отпусти, коли что.

Петръ. Что жъ, это можно.

Матрена. Да дѣло-то у насъ несогласно. Я передъ тобой, Петръ Игнатычъ, какъ передъ Богомъ открою. Ты хогь насъ со старикомъ разсуди. Заладилъ, что женить да женить. А на комъ женить-то, ты спроси! Кабы невѣста настоящая, развѣ я своему дѣтищу врагъ, а то дѣвка съ порокомъ.

Акимъ. Вотъ это напрасно. Напрасно, тае, наноишь на дѣвку-то. Напрасно. Потому ей, дѣвкѣ этой самой, обида отъ сына моего, обида, значить, есть. Дѣвкѣ, значить.

ПЕТРЪ. Какая же такая обида?

АКИМЪ. А выходитъ, значитъ, тae, съ сыномъ Никиткою. Съ Никиткою, значитъ, тae.

МАТРЕНА. Ты погоди говорить, у меня языкъ помягче, дай я скажу. Жилъ это малый-то нашъ до тебя, самъ вѣдашь, на чугунокѣ. И привяжись тамъ къ нему дѣвка, такъ, вѣдашь, немудрящая. Маринкой звать, — куфаркой у нихъ въ артели жила. Такъ вотъ, показываетъ она, эта самая дѣвка, на сына на нашего, что, примѣрно, онъ, Микита, будучи, ее обманулъ.

ПЕТРЪ. Хорошаго тутъ нѣтъ.

МАТРЕНА. Да она сама непутевая, по людямъ шляется, какъ потаскуха.

АКИМЪ. Опять ты, значитъ, старуха не тae и все ты не тae, все, значитъ, не тae...

МАТРЕНА. Вотъ только и рѣчей отъ орла отъ моего— тae, тae, а что тae—самъ не знаешь. Ты, Петръ Игнатычъ, не у меня, у людей спроси про дѣвку, всякій то же скажетъ. Такъ, шалава бездомовная.

ПЕТРЪ АКИМУ. Что жъ, дядя Акимъ, коли такое дѣло, тоже женить не зачѣмъ. Вѣдь не лапотъ, съ ноги не снимешь, хоть бы сноху.

АКИМЪ разгорячась. Облыжно, старуха, значитъ, на дѣвку, тae, облыжно. Потому дѣвка, тae, дюже хороша, дюже хороша дѣвка, значитъ: жаль мнѣ, жаль, значитъ, дѣвку-то.

МАТРЕНА. Ужъ прямо Маремьяна старица, по всемъ мѣстамъ печальница, а дома не ѣмши сидятъ. Жаль дѣвку, а сына не жаль. Навяжи ее себѣ на шею, да и ходи съ ней. Буде пустое-то говорить.

Акимъ. Нѣтъ, не пустое.

Матрена. Да ты не залетай, дай я скажу.

Акимъ перебиваетъ. Нѣтъ, не пустое. Значить, ты на свое воротишь, хоть бы про дѣвку али про себя, ты на свое воротишь, какъ тебѣ лучше, а Богъ, значить, таѣ, на Свое воротить. Такъ и это.

Матрена. Эхъ, только съ тобой языкъ терзать.

Акимъ. Дѣвка работящая, важковатая и, значить, тае, вокругъ себѣ... значить. А по нашей бѣдности намъ и тае, рука, значить; и свадьба недорогая. А дороже всего обида есть дѣвкѣ-то, значить, тае, сирота, вотъ что, дѣвка-то. А обида есть.

Матрена. Всякая, тоже говорить...

Анисья. Ты, дядя Акимъ, больше слушай нашу сестру. Онѣ тебѣ расскажутъ!

Акимъ. А Богъ-то, Богъ! Развѣ она не человѣкъ, дѣвка-то? Значить тоже, тае, Богу-то она человѣкъ. А ты какъ думаешь?

Матрена. А, заладилъ!..

Петръ. А вотъ что, дядя Акимъ, тоже вѣдь этимъ дѣвкамъ вѣрить нельзя. А малый-то живъ. Вѣдь онъ вотъ онъ! Послать его да спросить толкомъ, правда ли? Онъ души не убьетъ. Покличьте малаго-то! Анисья встаетъ. Скажи ты: отецъ зоветъ.

Анисья уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Тѣ же безъ Анисьи.

Матрена. Вотъ это, родной, разсудилъ, какъ водой разлилъ, пушай самъ малый скажетъ. Вѣдь тоже по ны-

нѣшнему времю силѡмъ женить не велятъ. Тоже спросить малаго надо. Не захочетъ онъ ни въ жизнь на ней жениться, себя осрамить. На мой разумъ, пусть у тебя живеть да служить хозяину. И на лѣто братъ не зачѣмъ, принанять можно. А ты намъ десятичку дай, пусть живеть.

Петръ. Та рѣчь впереди, порядкомъ надо. Одно кончи, тогда другое затѣвай.

Акимъ. Я, значить, къ тому говорю, Петръ Игнатычъ, потому, значить, тае, графлялось. Ладишь, значить, какъ себѣ лучше, да про Бога, тае, и запамятуешь; думаешь лучше... на себя воротишь, глядь, анъ накашлялъ на шею себѣ, значить; думаемъ, какъ лучше, анъ хуже много, безъ Бога-то.

Петръ. Извѣстное дѣло! Бога помнить надо.

Акимъ. Глядь, оно хуже, а какъ по закону да по-Божіи все какъ-то, тае, оно тебя веселить, Манится, значить. Такъ и угадываль, значить, женю, значить, малаго отъ грѣха, значить; онъ дома, значить, тае, какъ должно по закону, а ужъ я, значить, тае, въ городу похлопочу. Работишка-то любезная. Сходно. По-Божью-то, значить, тае, и лучше. Сирота вѣдь тоже. Примѣромъ, лѣтось дрова тожъ у приказчика взяли такимъ манеромъ! Думали обмануть. Приказчика-то обманули, а Бога-то, значить, тае, не обманули! ну, и того...

ЯВЛЕНІЕ 13 е.

Тъ же, Никита и Анютка.

Никита. Спрашивали?

Садится, достаетъ табакъ.

Петръ тихо, укоризненно. Что жъ ты, аль порядка не

знаешь. Тебя отецъ спрашивать будетъ, а ты табакомъ балуешь, да сѣлъ. Поди-ка сюда, встань.

Никита становится у стола, развязно облакачиваясь и улыбаясь.

Акимъ. Выходить, значить, тае, примѣрно на тебя, Микишка, жалоба, жалоба, значить.

Никита. Отъ кого жалоба?

Акимъ. Жалоба? Отъ дѣвицы, отъ сироты, значить, жалоба есть. Отъ ней, значить, и жалоба на тебя, отъ Марины отъ этой самой, значить.

Никита посмѣиваясь. Чудно, право. Какая жъ такая жалоба? Это кто жъ тебя сказывалъ: она что ли?

Акимъ. Я таперь, тае, спрось дѣлаю, а ты, значить, тае, долженъ отвѣтъ произнести. Обвязался ты съ дѣвкой, значить, то-есть обвязался ты съ ней, значить?

Никита. И не пойму окончательно, чего спрашиваете.

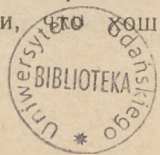
Акимъ. Значить, глупости, тае, глупости, значить, были у тебя съ ней, глупости, значить?

Никита. Мало что было. Съ куфаркой отъ скуки и пошутить и на гармоніи поиграешь, а она попляшетъ. Какія же еще глупости?

Петръ. Ты, Никита, не костыляй, а что спрашиваетъ родитель, ты и отвѣчай толкомъ.

Акимъ торжественно. Никита! Отъ людей утаишь, а отъ Бога не утаишь. Ты, Микита, значить, тае, думай, не моги врать. Сирота она, значить, обидѣть можно. Сирота, значить. Ты говори получше какъ.

Никита. Да что, говорить-то нечего. Окончательно все и говорю, потому и говорить нечего. Разгорячась. Она чего не скажетъ. Говори, что хошь, какъ на мертваго.

Что жъ она на Оедьку Микишкина не сказывала? А это что жъ, по нынѣшнему времени, значить, и пошутить нельзя. А ей вольно говорить.

Акимъ. Ой, Никишка, мотри! Неправда наружу вый-детъ. Было аль нѣтъ?

Никита въ сторону. Вишь, привязались, право. Къ Акиму Сказываю, что ничего не знаю. Ничего у меня съ ней не было. Со злобой. Вотъ-те Христось, не сойти мнѣ съ доски съ этой. Крестится. Ничего знать не знаю. Молчаніе. Никита продолжаетъ еще горячѣе. Что жъ это вы меня на ней женить вздумали? Что жъ, въ самомъ дѣлѣ, право, скандалъ. Нынче и правовъ такихъ нѣтъ, чтобъ силомъ женить. Очень просто. Да и побожился я—знать не знаю.

Матрена на мужа. То-то, глупая твоя башка дурацкая, что ему наболтають, а онъ всему и вѣрить. Только напрасно малаго оконфузилъ. А лучше какъ живеть, такъ пускай и живеть у хозяина. Хозяинъ намъ теперь на нужду десяточку дастъ. А время придетъ...

Петръ. Ну какъ же, дядя Акимъ?

Акимъ щелкаетъ языкомъ, къ сыну. Мотри, Никита, обижена слеза, тае, мимо не канеть, а все, тае, на человѣческую голову. Мотри, какъ бы не того.

Никита. Да что смотрѣть-то, ты самъ смотри.

Садится.

Анютка. Пойти матушкѣ сказать.

Убѣгаетъ.

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Петръ, Акимъ, Матрена и Никита.

Матрена къ Петру. Вотъ такъ-то все, Петръ Игна-

тычь. Баламутный онъ у меня, втемяшитъ что въ башку, не выбьешь никакъ; только даромъ тебя потревожили. А какъ жить малый, такъ пусть и живетъ. Держи малаго— твой слуга.

ПЕТРЪ. Такъ какъ же, дядя Акимъ?

АКИМЪ. Что жъ, я, тае, воли съ малаго не снималь, только бъ не тае. Хотѣлось, было, значить, тае...

МАТРЕНА. И что путаешь, самъ не знаешь. Пусть живетъ, какъ жилъ. Малому и самому сходить не охота. Да и куда намъ его, сами управимъ.

ПЕТРЪ. Одно, дядя Акимъ, если ты его на лѣто съемешь, онъ мнѣ на зиму не нуженъ. Ужъ жить, такъ въ годъ.

МАТРЕНА. На годъ и заложится. Мы дома, въ рабочую пору, коли что, принайдемъ, а малый пусть живетъ, а ты намъ теперича десяточку...

ПЕТРЪ. Такъ какъ же, еще на годъ?

АКИМЪ вздыхаетъ. Да что жъ, ужъ видно тае, коли такъ, значить, видно ужъ тае.

МАТРЕНА. Опять на годъ, отъ Митревой субботы. Въ цѣнѣ ты не обидишь, а десяточку теперь дай. Вызволь ты насъ.

Встаетъ и кланяется.

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Тъ же, Анисья и Анютка.

АНИСЬЯ садится къ сторонкѣ.

ПЕТРЪ. Что жъ? Коли такъ, такъ—такъ, до трактира дойти и магарычи. Пойдемъ, дядя Акимъ, водочки выпьемъ.

АКИМЪ. Не пью я ея, вино-то, не пью.

ПЕТРЪ. Ну, чайку попьешь.

АКИМЪ. Чаемъ грѣшенъ. Чаемъ, точно.

ПЕТРЪ. И бабы-то чайку попьютъ. Ты, Микита, смотри, овецъ-то перегони да солому подбери.

НИКИТА. Ладно.

Всѣ уходятъ, кромѣ Никиты.
Смеркается.

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

НИКИТА одинъ.

Никита закуриваетъ папирску. Вишь пристали, скажи да скажи, какъ съ дѣвками гулялъ. Эти исторіи рассказывать долго будетъ. Женись, говоритъ, на ней. На всѣхъ да жениться,—это женъ много наберется. Нужно мнѣ очень жениться, и такъ не хуже женатаго живу, завидуютъ люди. И какъ это меня, какъ толкнулъ кто, какъ я на образъ перекрестился. Такъ сразу всю канитель и оборвалъ. Боязно, говорятъ, въ неправдѣ божиться. Все одна глупость. Ничего, одна рѣчь. Очень просто.

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

НИКИТА и АКУЛИНА.

Акулина входитъ въ кафтанѣ, кладетъ веревку, раздѣвается и идетъ въ чуланъ. Ты бы хоть огонь засвѣтилъ.

НИКИТА. На тебя глядѣть? Я тебя и такъ вижу.

Акулина. Ну тебя!

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

ТѢ же и АНЮТКА.

Анютка вбѣгаетъ; къ Никитѣ шопотомъ. Микита, иди скорѣй, тебя человѣкъ одинъ спрашиваетъ, однава дыхнуть.

Никита. Какой человекъ?

Анютка. Маринка съ чугулки. За угломъ стоитъ.

Никита. Врешь.

Анютка. Однаво дыхнуть.

Никита. Чего жъ ей?

Анютка. Тебѣ приходитъ велѣла. Мнѣ, говорить, Микитѣ только слово одно сказать надо. Стала я спрашивать, а она не сказываетъ. Только спросила: правда ли, что онъ отъ васъ сходить? А я говорю: неправда, его отецъ хотѣлъ снять да женить, да онъ отказался, у насъ на годъ еще остался. А она и говорить: пошли ты его ко мнѣ, ради Христа. Мнѣ, говорить, безпремѣнно нужно ему слово сказать. Она ужъ давно ждетъ. Иди же къ ней.

Никита. Ну ее къ Богу, куда я пойду.

Анютка. Она говорить, коль не придетъ, я сама въ избу къ нему пойду. Однаво дыхнуть, приду, говорить.

Никита. Небось, постоитъ да уйдетъ.

Анютка. Аль, говорить, его на Акулинѣ женить хотятъ?

Акулина подходить къ Никитѣ за своей прялкой. Кого на Акулинѣ женить?

Анютка. Микиту.

Акулина. Легко-ль? Да кто говорить-то?

Никита. Да видно люди говорятъ. Смотрить на нее, смѣется. Акулина, что, пойдешь за меня?

Акулина. За тебя-то? Може допрежь и пошла бы, а теперь не пойду.

Никита. Отчего теперъ не пойдешь?

Акулина. А ты меня любить не будешь.

Никита. Отчего не буду?

Акулина. Тебѣ не велятъ.

Смѣется.

Никита. Кто не велить?

Акулина. Да мачеха. Она все ругается, все за тобой глядитъ.

Никита смѣется. Вишь ты! Однако ты примѣтливая.

Акулина. Я-то? Что мнѣ примѣчать? Развѣ я слѣпая. Нынче она батю пузырила, пузырила. Вѣдьма она толсто-мордая.

Уходитъ въ чуланъ.

Анютка. Микита! глянь-ка. Глядитъ въ окно. Идетъ. Однаво дыхнуть, она. Я уйду.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Никита, Акулина въ чуланѣ и Марина.

Марина входитъ. Что-жъ это ты со мною дѣлаешь?

Никита. Что дѣлаю? Ничего не дѣлаю.

Марина. Отречься хочешь?

Никита, сердито поднимаясь. Ну, къ чему подобно, что пришла?

Марина. Ахъ, Никита!

Никита. Чудныя вы, право. Зачѣмъ пришла?

Марина. Никита!

Никита. Ну, что Никита? Никита и есть. Чего надо-то? Иди, говорю.

Марина. Такъ, вижу, бросить, позабыть хочешь?

Никита. Что помнись-то? Сами не знаютъ. За угломъ стояла, Анютку послала, не пришелъ я къ тебѣ. Значитъ, не надобна ты мнѣ, очень просто. Ну и уйди.

МАРИНА. Не надобна! Не надобна теперь стала. Повѣрила я тебѣ, что любить будешь. А потерялъ ты меня, и не надобна стала.

НИКИТА. И все ни къ чему ты это говоришь все, несообразно. Ты и отцу наговорила. Уйди, сдѣлай милость.

МАРИНА. Самъ знаешь, что никого, кромѣ тебя, не любила. Взялъ бы, не взялъ замужъ, я на то не обижалась. Неповинна я передъ тобой ничѣмъ. За что разлюбилъ? за что?

НИКИТА. Нечего намъ съ тобой переливать изъ пустого въ порожнее. Уйди ты. То-то безтолковья!

МАРИНА. Не то мнѣ больно, что обманулъ меня, жениться обѣщаль, а что разлюбилъ. И не то больно, что разлюбилъ, а на другую промѣнялъ,—на кого, знаю я!

НИКИТА злобно идетъ къ ней. Эхъ! съ вашей сестрой разговаривать, никакихъ резоновъ не понимаютъ; уйди, говорю, до худа доведешь.

МАРИНА. До худа? Что-жъ, меня бить будешь? Бей, на! Что морду-то отворотилъ? Эхъ, Никита!

НИКИТА. Извѣстно, нехорошо, народъ придетъ. А что-жъ попусту толковать.

МАРИНА. Такъ конецъ, значитъ, что было, то уплыло. Позабыть велишь! Ну, Никита, помни. Берегла я свою честь дѣвичью пуще глаза. Погубилъ ты меня ни за что, обманулъ. Не пожалѣлъ сироту плачетъ, отрекся отъ меня. Убилъ ты меня, да я на тебя зла не держу. Богъ съ тобой. Лучше найдешь—позабудешь, хуже найдешь—вспомнянешь. Вспомнянешь, Никита! Прощай, коли такъ. И любила-жъ я тебя! Прощай въ послѣдній.

Хочетъ обнять его и беретъ за голову

НИКИТА вырываясь. Эхъ! разговаривать съ вами. Не хочешь уходить, я самъ уйду, оставайся тутъ.

МАРИНА вскрикиваетъ. Звѣрь ты! Въ дверяхъ. Не дасть тебѣ Богъ счастья.

Уходить плача.

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

НИКИТА и АКУЛИНА.

АКУЛИНА выходитъ изъ чулана. А песь ты, Никита!

НИКИТА. А что?

АКУЛИНА. Какъ взвыла-то она.

Плачетъ.

НИКИТА. Ты то чего?

АКУЛИНА. Чего? Обидѣлъ ты ее. Ты такъ-то и меня обидишь.. песь ты.

Уходить въ чуланъ.

ЯВЛЕНІЕ 21-е.

НИКИТА одинъ.

НИКИТА. Молчаніе. То-то неразбериха. Люблю я этихъ бабъ, какъ сахаръ; а нагрѣшишь съ ними—бѣда.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена представляетъ улицу и избу Петра. Слева отъ зрителя—изба въ двѣ связи, сѣни, съ крыльцомъ въ серединѣ; справа—ворота и край двора. У края двора Анисья треплетъ пеньку. Послѣ перваго дѣйствія прошло 6 мѣсяцевъ.

ЛИЦА II ДѢЙСТВІЯ.

Петръ. Анисья. Акулина.
Анютка. Никита. Матрена.
Кума—сосѣдка. Народъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Анисья одна.

Анисья останавливается, прислушиваясь. Опять что-то бурчить. Должно, слѣзъ съ печи.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Анисья и Акулина входятъ съ ведрами на коромыслѣ.

Анисья. Кличеть. Поди погляди, чего ему? Во ореть.

Акулина. А ты-то что-жъ?

Анисья. Иди, говорятъ.

Акулина идетъ въ избу.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Анисья одна.

Анисья. Измучилъ онъ меня. Не открываетъ, гдѣ деньги, да и все. Намедни въ сѣняхъ былъ, должно, тамъ пряталъ. Теперь и сама не знаю гдѣ. Спасибо, разстаться съ ними боится. Все въ домѣ онѣ. Только-бъ найти. А на немъ вчера не было. Теперь и сама не знаю гдѣ. Измучилъ меня на отдѣлку.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Анисья и Акулина выходитъ, повязываясь платкомъ.

Анисья. Куда ты?

Акулина. Куды? А велѣлъ тетушку Марѳу позвать. Позови, говоритъ, сестру ко мнѣ. Я помру, говоритъ, нужно мнѣ ей сказать слово.

Анисья про себя. Сестру зоветъ. О, головушка моя!.. О-о! Должно, ей отдать хочеть. Что стану дѣлать? О! Акулинѣ. Не ходи! Куда ты?

Акулина. За теткой.

Анисья. Не ходи, говорю, я сама схожу, а ты съ бѣльемъ-то иди на рѣчку. А то до вечера не успѣешь.

Акулина. Да онъ мнѣ велѣлъ.

Анисья. Иди, куда посылають. Сама, говорятъ, схожу за Марѳой. Рубахи-то возьми съ плетня.

Акулина. Рубахи? Да ты, мотри, не пойдешь. Онъ велѣлъ.

Анисья. Сказала, пойду. Анютка гдѣ?

Акулина. Анютка? Она телятъ стережетъ.

Анисья. Пошли ее, авось не разбѣгутся.

Акулина собираетъ бѣлье и уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Анисья одна.

Анисья. Не пойтить — заругаетъ. Пойтить — отдасть онъ сестрѣ деньги. Пропадутъ всѣ мои труды. И что дѣлать, сама не знаю. Разскочилась моя голова.

Продолжаетъ работать.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Анисья и Матрена входятъ съ палочкой и узелкомъ по дорожному.

Матрена. Богъ помочь, ягодка.

Анисья оглядывается, бросаетъ работу и всплескиваетъ руками отъ радости. Вотъ не чаяла, тетущка. Лучиль же Богъ такого гостя ко времени.

Матрена. Ну, что?

Анисья. Ужъ я и въ умѣ смѣшалась. Бѣда!

Матрена. Что-жъ, живъ, сказываютъ?

Анисья. И не говори. Жить не живетъ и помирать не помираетъ.

Матрена. Деньги-то не передалъ кому?

Анисья. Сейчасъ за Марѳой, за сестрой родной, посылаетъ. Должно объ деньгахъ.

Матрена. Видимое дѣло. Да не передалъ ли кому помимо?

Анисья. Некому. Я какъ ястребъ надъ нимъ стерегу.

Матрена. Да гдѣ же онѣ?

Анисья. Не сказываетъ. И не дознаюсь никакъ. Хо-

ронить гдѣ-то изъ одного мѣста въ другое. А мнѣ тоже отъ Акульки нельзя. Дура-дура, а тоже подсматриваетъ, караулитъ. О, головушка моя! Измучилась я.

МАТРЕНА. Охъ, ягодка, отдасть денежки помимо твоихъ рукъ, вѣкъ плакаться будешь. Сопхаютъ они тебя со двора ни съ чѣмъ. Маялась ты, маялась, сердечная, вѣкъ свой съ немилымъ, да и вдовой съ сумой пойдешь.

Анисья. И не говори, тетка. Изныло мое сердце, и не знаю, какъ быть, и посовѣтовать не съ кѣмъ. Говорила Никитѣ. А онъ робѣетъ въ это дѣло вступать. Только сказалъ мнѣ вчера, что въ полу онѣ.

МАТРЕНА. Что-жъ, лазила?

Анисья. Нельзя—самъ тама. Я примѣчаю,—онъ ихъ то на себѣ носить, то хоронить.

МАТРЕНА. Ты, дѣвушка, помни, разъ маху дашь, вѣкъ не справишься. Шопотомъ. Что-жъ, крѣпкаго чаю-то давала?

Анисья. О-о!

Хочетъ отвѣчать, видитъ сосѣдку, замолкаетъ.

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Тѣ же и кума проходитъ мимо избы, прислушивается къ крику въ избѣ. Къ Анисьѣ.

Кума. Кума! Анисья! а Анисья? Твой никакъ кличетъ.

Анисья. Онъ все такъ кашляетъ, ровно кричитъ. Плохъ ужъ очень.

Кума подходитъ къ Матренѣ. Здорово, баушка, отколь Богъ несетъ?

Матрена. А изъ двора, милая. Сынка провѣдать пришла. Рубахъ принесла. Тоже свое дѣтище, вѣдашь, жалко.

Кума. Да ужъ это такое дѣло. Къ Анисьѣ. Хотѣла, кума, кросна бѣлить, да, думается, рано. Люди не зачинали.

Анисья. Куда спѣшить-то?

Матрена. Что-жъ, сообщали?

Анисья. Какъ же, вчерась попъ былъ.

Кума. Поглядѣла я вчерась тоже, матушка моя, и въ чемъ душа держится! Измадѣлъ какъ. А ужъ намени, матушка моя, совѣмъ помиралъ, подъ святыя положили. Ужъ и оплакали, омыть собирались.

Анисья. Ожилъ,—поднялся; опять бродить теперь.

Матрена. Что-жъ, соборовать станете?

Анисья. Люди приглашаютъ. Коли живъ будетъ, хотимъ завтра за попомъ посылать.

Кума. Охъ, скучно, чай, тебѣ, Анисьюшка? Не даромъ молвится: не тотъ боленъ, кто болитъ, а кто надъ болью сидитъ.

Анисья. Да ужъ одно бы что.

Кума. Извѣстно дѣло, легко ли, годъ цѣлый умираетъ. По рукамъ связаль.

Матрена. Тоже вдовье дѣло горькое. Хорошо дѣло молодое, а на старости лѣтъ кто пожалѣетъ. Старость не радость. Хоть бы мое дѣло. Недалеко прошла, уморилась, ногъ не слышу. Сынокъ-то гдѣ?

Анисья. Пашетъ. Да ты заходи, самоваръ поставимъ, чайкомъ душеньку отведешь.

Матрена садится. И то уморилась, миленькія. А что соборовать—это безпремѣнно надо. Люди говорятъ—тоже душѣ на пользу.

Анисья. Да завтра пошлемъ.

МАТРЕНА. То-то, оно лучше. А у насъ, дѣушка, свадьба.

КУМА. Что жъ такъ, весной?

МАТРЕНА. Да, видно, пословица не даромъ молвится: бѣдному жениться и ночь коротка. Семень Матвѣвичъ за себя Маринку взялъ.

Анисья. Нашла-таки себѣ счастье!

КУМА. Вдовецъ; должно, на дѣтей пошла?

МАТРЕНА. Четверо. Какая же путная пойдетъ! Ну, ее и взялъ. Она и рада. Вино пили, вѣдашь, стаканчикъ некрѣпкій былъ,—проливали.

КУМА. Вишь ты! Слухъ-то былъ? А съ достаткомъ мужикъ-отъ?

МАТРЕНА. Живутъ ничего пока.

КУМА. Оно точно, что на дѣтей кто пойдетъ. Вотъ хоть бы у насъ Михайло. Мужикъ-отъ, матушка моя...

ГОЛОСЪ МУЖИКА. Эй, Мавра, куда тебя дьяволъ носить? Поди корову загони.

Сосѣдка уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 8-е

Анисья и Матрена.

МАТРЕНА, пока сосѣдка уходитъ, говоритъ ровнымъ голосомъ. Выдали, дѣушка, отъ грѣха, по крайности мой дуракъ объ Микишкѣ думать не будетъ. Вдругъ перемѣняетъ голосъ на шопотъ. Ушла! Шопотомъ. Что жъ, говорю, чайкомъ-то попила?

Анисья. И не поминай. Помиралъ бы лучше самъ. Все одно—не помираетъ, только грѣха на душу взяла. О о, головушка моя! И зачѣмъ ты мнѣ давала порошки эти?

МАТРЕНА. Что жъ порошки? Порошки, дѣвушка, сонные, что жъ не дать? Отъ нихъ худа не будетъ.

АНИСЬЯ. Я не про сонные, а про тѣ, про бѣлесые-то.

МАТРЕНА. Что жъ, тѣ порошки, ягодка, лѣкарственные.

АНИСЬЯ вздыхаетъ. Знаю, да боязно. Измучилъ онъ меня.

МАТРЕНА. Что жъ, много извела?

АНИСЬЯ. Два раза давала.

МАТРЕНА. Что жъ, не примѣтно?

АНИСЬЯ. Я сама въ чаю пригубила, чуть горчить. А онъ выпилъ съ чаемъ-то, да и говоритъ: мнѣ и чай-то противень. Я говорю: больному все горько. Да и жутко же мнѣ стало, тетушка.

МАТРЕНА. А ты не думай: что думать, то хуже.

АНИСЬЯ. И лучше ты мнѣ не давала бы и на грѣхъ не наводила. Какъ вспомнишь, такъ на душѣ и загребтить. И зачѣмъ ты дала мнѣ ихъ?

МАТРЕНА. И, что ты, ягодка! Христось съ тобой. Что жъ ты на меня-то сворачиваешь? Ты, дѣвушка, мотри, съ больной головы на здоровую не сворачивай. Коли чего коснется, мое дѣло сторона, я знать не знаю, вѣдать не вѣдаю,—крестъ поцѣлую, никакихъ порошковъ не давала, и не видала и не слыхала, какіе такіе порошки бываютъ. Ты, дѣвушка, сама думай. Мы и то намеднись про тебя разговорились, какъ она, молъ, сердечная, маится. Падчерица—дура, а мужикъ гнилой—присуха одна. Съ этой жизни чего не сдѣлаешь.

АНИСЬЯ. Да и то, я не отрекусь. Отъ моего житья не то что эти дѣла, а либо повѣситься, либо его задушить Развѣ это жизнь?

МАТРЕНА. То-то и дѣло. Ротъ разѣвать некогда. А какъ-никакъ, обыскать деньги да чайкомъ попоить.

АНИСЬЯ. О-о, головушка моя бѣдная! И что дѣлать теперь, сама не знаю, и жуткость беретъ,—помираль бы ужъ лучше самъ. Тоже на душу брать не хочется.

МАТРЕНА со злобой. А чтожъ онъ деньги-то не открываетъ? Что же, онъ ихъ съ собой возьметъ,—никому не достанутся? Развѣ это хорошо? Помилуй Богъ, да такія деньжищи дуромъ пропадутъ. Развѣ это не грѣхъ? Что жъ онъ-то дѣлаетъ? На него и смотрѣть?

АНИСЬЯ. Уже и сама не знаю. Измучилъ онъ меня.

МАТРЕНА. Чего не знать то? Дѣло на виду. Промашку теперь сдѣлаешь, вѣкъ каяться будешь. Передастъ онъ сестрѣ деньги, а ты оставайся.

АНИСЬЯ. О-охъ! И то посылалъ вѣдь за ней,—итти надо.

МАТРЕНА. А ты погоди ходить, а первымъ дѣломъ самоварчикъ поставь. Мы его чайкомъ попоимъ, да деньги вдвоемъ поищемъ,—дошупаемся, небось.

АНИСЬЯ. О-о! Какъ бы чего не было.

МАТРЕНА. А то что жъ? Что смотрѣть-то. Что жъ ты деньги-то только глазами поваляешь, а въ руки не попадутъ? Ты дѣлай.

АНИСЬЯ. Такъ я пойду самоваръ поставлю.

МАТРЕНА. Иди, ягодка, дѣло дѣлай, какъ надо, чтобъ послѣ не тужить. Такъ то.

АНИСЬЯ отходитъ, Матрена подзываетъ.

МАТРЕНА. Одно дѣло: Микиткѣ не сказывай про всѣ дѣла. Онъ дурашный. Избави Богъ, узнаетъ про порошки.

Онъ, Богъ знаетъ, что сдѣлаетъ. Жалостливъ онъ очень. Онъ, вѣдашь, и курицы, бывало, не зарѣжетъ. Не сказывай ему. Бѣда, онъ того не разсудитъ.

Останавливается въ ужасѣ: на порогѣ показывается Петръ.

ЯВЛЕНИЕ 9.е.

Тѣ же и ПЕТРЪ держась за стѣнку, вы-ползаетъ на крыльцо и кличетъ слабымъ голосомъ.

ПЕТРЪ. Что жъ васъ не дозовешься! О-охъ! Анисья, кто здѣсь?

Падаетъ на лавку.

АНИСЬЯ выходитъ изъ-за угла. Чего вылѣзъ? Лежалъ бы, гдѣ лежалъ.

ПЕТРЪ. Что, за Марѳой ходила дѣвка-то?... Тяжко... Охъ, хоть бы смерть скорѣй!..

АНИСЬЯ. Недосугъ ей: я ее на рѣчку послала. Дай срокъ, управлюсь, сама схожу.

ПЕТРЪ. Анютку пошли. Гдѣ она? Охъ, тяжело! охъ, смерть моя!

АНИСЬЯ. Я и то послала за ней.

ПЕТРЪ. Охъ? гдѣ жъ она?

АНИСЬЯ. Гдѣ она тамъ? параликъ ее расшиби!

ПЕТРЪ. Охъ, мочи моей нѣтъ. Сожгло нутро. Ровно буравцомъ сверлить. Что жъ вы меня бросили, какъ собаку... и напитокъ подать некому... Охъ... Анютку пошли ко мнѣ.

АНИСЬЯ. Вотъ она. Анютка, иди къ отцу.

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

ТѢ же и АНЮТКА вбѣгаетъ. Анисья уходитъ за уголь.

ПЕТРЪ. Поди ты... охъ... къ теткѣ Марѣ, скажи: отецъ, молъ, зоветъ, пришла чтобъ, нужно мнѣ.

АНЮТКА. Ну что жъ.

ПЕТРЪ. Постой. Скорѣе нужно, скажи. Скажи: помирать хочу. О-охъ!..

АНЮТКА. Только платокъ возьму, а я сейчасъ.
Убѣгаетъ.

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

ПЕТРЪ, АНИСЬЯ и МАТРЕНА.

МАТРЕНА подмигивая. Ну, дѣвушка, дѣло свое помни. Иди въ избу, вездѣ ошарь. Ищи, какъ собака блохъ ищетъ; все перебери, а я на немъ обыщу сейчасъ.

Анисья къ Матренѣ. Все съ тобой смѣлѣй какъ будто. Подходить къ крыльцу. Къ Петру. Самоваръ не поставитъ ли тебѣ? И тетка Матрена къ сыну пришла,—съ ней попьете.

ПЕТРЪ. Что жъ, поставь.

Анисья уходитъ въ сѣни.

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

ПЕТРЪ и МАТРЕНА. Матрена подходитъ къ крыльцу.

ПЕТРЪ. Здорово.

МАТРЕНА. Здравствуй, благодѣтель. Здравствуй, касатикъ... Хвораешь, видно, все. И старикъ мой какъ жалѣетъ. Поди, говоритъ, провѣдай. Поклонъ прислалъ.

Еще разъ кланяется.

ПЕТРЪ. Помираю я.

МАТРЕНА. И то, посмотри на тебя, Игнатычъ, не по лѣсу, видно, а по людямъ боль-то ходить. Исчадѣлъ, исчадѣлъ ты весь, сердечный, погляжу на тебя. Некраситъ, видно, хворь-то?

ПЕТРЪ. Пришла смерть моя.

МАТРЕНА. Что жъ, Петръ Игнатычъ, Божья воля, сообщили, особоруютъ, Богъ дастъ; баба у тебя, слава Богу, умная, и похоронятъ и помянутъ, все честь честью. И мой сыночекъ тоже, поколѣ что, по дому хлопотать будетъ.

ПЕТРЪ. Приказать некому! Необстоятельная баба, глупостями занимается, вѣдь все знаю я.. знаю.. Дѣвка дурковата, да и млада. Домъ собиралъ, а обдумать некому. Жаль тоже.

Хнычетъ.

МАТРЕНА. Что жъ, коли деньги или что, приказать можно...

ПЕТРЪ къ Анисьѣ въ сѣнцы. Пошла, что ль, Анютка-то?

МАТРЕНА въ сторону. Ишь, вспомнилъ.

Анисья изъ сѣней. Въ ту же пору пошла. Иди въ избу-то, что ль, я проведу.

ПЕТРЪ. Дай посижу напоследяхъ. Духъ тяжкій тамъ. Тяжко мнѣ... Охъ, сожгло сердце все... Хоть бы смерть...

МАТРЕНА. Богъ души не вынетъ, сама душа не выйдетъ. Въ смерти и животѣ Богъ воленъ, Петръ Игнатычъ. Тоже и смерти не угадаешь. Бываетъ и поднимаешься. Такъ-то вотъ у насъ въ деревнѣ мужикъ совсѣмъ ужъ помиралъ...

ПЕТРЪ. Нѣтъ. Чую я, что нынче умру, чую.

Прислоняется и закрываетъ глаза.

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ же и Анисья.

Анисья выходитъ. Ну, что жъ, пойдешь али нѣтъ? Тебя не дожدهшься. Петра, а Петра!

МАТРЕНА отходитъ и манитъ къ себѣ пальцемъ Анисью. Ну, что жъ?

Анисья сходить съ крыльца къ Матренѣ. Нѣту.

МАТРЕНА. Да ты все ли обыскала? Въ полу-то?

Анисья. И тамъ нѣту-ти. Нешто въ пунькѣ. Вчера туда лазиль.

МАТРЕНА. Ищи, пуще всего ищи. Какъ языкомъ вылижи. А я примѣчаю—нынче и такъ помретъ: ноготь синій и на лицо земля пала. Самоваръ-то поспѣлъ, что ль?

Анисья. Закипать хочеть.

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Тѣ же и Никита приходитъ съ другой стороны, а если можно прѣзжаетъ на лошади къ воротамъ; не ^аидитъ Петра.

НИКИТА къ матери. Здорово, матушка, здоровы ли дома?

МАТРЕНА. Слава Господу Богу, живемъ пока, хлѣбъ жуемъ.

НИКИТА. Ну что, хозяинъ какъ?

МАТРЕНА. Тише, вонъ онъ сидитъ.

Показываетъ на крыльцо.

НИКИТА. Такъ что же, пушай сидитъ. Мнѣ чего?

ПЕТРЪ открываетъ глаза. Микита, а Микита, подь-ка сюда!

Никита подходитъ, Анисья шепчется съ Матреной.

ПЕТРЪ. Что рано пріѣхаль?

НИКИТА. Допахаль.

ПЕТРЪ. За мостомъ полоску пахаль?

НИКИТА. Туда далече ѣхать.

ПЕТРЪ. Далече? Изъ дома дальше. За нарочнымъ поѣдешь. Заодно бы.

Анисья, не показываясь, прислушивается.

МАТРЕНА подходитъ. Ахъ, сынокъ, что жъ такъ хозяину не стараешься? Хозяинъ хворый, на тебя надѣтся, ты долженъ какъ отцу родному, жилы вытягивай, а служи,— такъ я тебѣ приказывала.

ПЕТРЪ. Такъ ты, того, охъ!.. картошки повытаскай, бабы... о... переберутъ.

Анисья про себя. Какъ же, и пошла я. Опять отъ себя всѣхъ услать хочеть; должно, на немъ теперь деньги-то. Куда-нибудь схоронить хочеть.

ПЕТРЪ. А то, о-охъ! сажать время придетъ, а они попрѣли. Охъ, мочи нѣтъ!

Поднимается.

МАТРЕНА вбѣгаетъ на крыльцо, поддерживаетъ Петра. Аль въ избу свестъ?

ПЕТРЪ. Сведи. Останавливается. Микита!

НИКИТА сердито. Чего еще?

ПЕТРЪ. Не увижу тебя... Помру нынче... Прости меня, Христа ради, прости, когда согрѣшилъ передъ тобой... словомъ и дѣломъ, согрѣшилъ когда... Всего было. Прости.

Никита. Что жъ прощать, мы сами грѣшные.

Матрена. Ахъ, сынокъ, ты чувствууй!

Петръ. Прости, Христа ради.

Плачетъ.

Никита сопитъ. Богъ простить, дядя Петръ. Что жъ, мнѣ на тебя обижаться нечего. Я отъ тебя худого не видалъ. Ты меня прости, можетъ, я виноватѣе передъ тобою...

Плачетъ. Петръ, хныкая, уходитъ. Матрена поддерживаетъ его.

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Никита и Анисья.

Анисья. О, головушка моя бѣдная! неспроста онъ это, задумаль видно что. Подходить къ Никитѣ. Что жъ ты сказываль, что деньги въ полу,—нѣту тамъ.

Никита не отвѣчаетъ, плачетъ. Я отъ него худого, окромя хорошаго, ничего не видалъ. А я вотъ что сдѣлалъ!

Анисья. Ну, буде. Деньги-то гдѣ?

Никита сердито. А кто его знаетъ. Ищи сама.

Анисья. Что больно жалостливъ?

Никита. Жалко мнѣ его. Какъ жалко. Заплакалъ какъ! Э-эхъ!

Анисья. Вишь, жалость напала, есть кого жалѣть! Онъ тебя собачиль, собачиль, и сейчасъ приказываль, чтобъ согнать тебя со двора долой. Ты бы меня пожалѣлъ.

Никита. Да что тебя жалѣть-то?

Анисья. Помретъ, деньги скроетъ...

Никита. Небось не скроетъ...

Анисья. Охъ, Никитушка! за сестрой послалъ, ей отдать хочеть. Бѣда наша, какъ намъ жить будетъ, какъ онъ деньги отдасть. Ссунуть они меня со двора! Ужъ

ты бы похлопоталъ. Ты сказывалъ, въ пуньку вечеръ лазилъ онъ.

Никита. Видѣлъ, онъ оттель идетъ, а куда сунулъ кто его знаетъ.

Анисья. О, головушка! Пойду тамъ поищу.

Никита отходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Тѣ же и Матрена выходитъ изъ избы, спускается къ Анисѣ и Никитѣ; шопотомъ.

Матрена. Никуда не ходи, деньги на немъ, я ошупала, на гайтанѣ онъ.

Анисья. О, головушка моя бѣдная!

Матрена. Теперь сморгашь, ищи тогда на орлѣ—на правомъ крылѣ. Сестра придетъ—и прощайся.

Анисья. И то придетъ, отдастъ ей. Какъ быть-то! О, головушка!

Матрена. Какъ быть-то? А ты смотри сюда: самоваръ-то вскипѣлъ, поди ты завари чайку да налей ему шопотомъ, да изъ грамотки-то всю высыпь и попой его. Выпьеть чашку, тогда и тащи. Небось, не расскажетъ.

Анисья. О, боязно!

Матрена. Ты это не толкуй, живо дѣлай, а я сестру-то постерегу, коли что. Оплошки не давай. Тащи деньги, да и неси сюда, а Микита схоронитъ.

Анисья. О, головушка! какъ приступить-то и... и...

Матрена. Говорю, не толкуй; дѣлай, какъ велю. Микита!

Никита. Чего?

МАТРЕНА. Ты тутъ постой, посиди на завалинкѣ, коли что дѣло будетъ.

НИКИТА, махая рукой. Ужъ эти бабы придумаютъ. Окончательно завертятъ. Ну васъ совсѣмъ. Пойти и то — картошки повытаскать.

МАТРЕНА останавливаетъ его за руку. Говорю, постой.

ЯВЛЕНИЕ 17-е.

ТѢ ЖЕ И АНЮТКА входитъ.

АНИСЬЯ. Ну что?

АНЮТКА. Она у дочери на огородѣ была, сейчасъ придетъ.

АНИСЬЯ. Придетъ она, что дѣлать будемъ?

МАТРЕНА АНИСЬЯ. Поспѣешь, дѣлай, что велю.

АНИСЬЯ. Ужъ сама не знаю—не знаю ничего, въ умѣ смѣшалось. Анютка! иди, донюшка, къ телятамъ, чай разбѣжались. Охъ, не насмѣлюсь!

МАТРЕНА. Иди, что ль, самоваръ ушелъ, я чай.

АНИСЬЯ. Охъ, головушка моя бѣдная!

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ 18-е.

МАТРЕНА И НИКИТА.

МАТРЕНА подходитъ къ сыну. Такъ-то, сынокъ. Садитесь рядомъ съ нимъ на завалинку. Дѣло твое тоже обдумать надо, а не какъ-нибудь.

НИКИТА. Да какое дѣло?

МАТРЕНА А то дѣло, какъ тебѣ на свѣтѣ прожить.

НИКИТА. Какъ на свѣтѣ прожить? Люди живутъ, такъ и я.

МАТРЕНА. Старикъ-то, должно, нынче помретъ?

НИКИТА. Помретъ, царство небесное. Мнѣ-то что?

МАТРЕНА все время говорить и поглядываетъ на крыльцо. Эхъ, сынокъ! Живое живое и думаетъ. Тутъ, ягодка, тоже ума надо много. Ты какъ думаешь, я по твоему дѣлу по всѣмъ мѣстамъ толкалась, всѣ ляжки измызгала, объ тебѣ хлопотамши. А ты, помни, тогда меня не забудь.

НИКИТА. Да о чемъ хлопотала то?

МАТРЕНА. А о дѣлѣ о твоемъ, объ судьбѣ объ твоей. Загодя не похлопотать, ничего и не будетъ. Ивана Мосеича знаешь? До него тоже я притолчна. Зашла наемдни, я ему, вѣдашь, тоже дѣло одно управила, посидѣла, къ слову разговорилась. Какъ, говорю, Иванъ Мосеичъ, разсудить дѣло одно. Примѣрно, говорю, мужикъ вдовый взялъ, примѣрно, за себя другую жену, и, примѣрно, только и дѣтей что дочь отъ той жены да отъ этой. Чго, говорю, какъ помретъ мужикъ этотъ, можно ли, я говорю, войти на вдову эту въ дворъ чужому мужику? Можно, я говорю, этому мужику дочерей замужъ отдать и самому во дворѣ остаться? Можно, говорить, да только надо, говорить, старанья тутъ много; съ деньгами, говорить, можно это дѣло оборудовать; а безъ денегъ, говорить, и соваться нечего.

НИКИТА смѣется. Да ужъ это что говорить, только подавай имъ денежки-то. Денежки всѣмъ нужны.

МАТРЕНА. Ну, ягодка, я и открылась ему во всѣхъ дѣлахъ. Первымъ дѣломъ, говорить, надо твоему сыночку въ ту деревню приписаться, на это денежки нужно, — стариковъ попоить. Они, значить, и руки приложить. Все, говорить, надо съ умомъ дѣлать. Глянь ка сюда достаетъ

изъ платка бумагу, вотъ и бумагу отписалъ; почитай-ка, вѣдь ты дошлый.

Никита читаетъ, Матрена слушаетъ.

Никита. Бумага, извѣстно, приговоръ значить. Тутъ мудрости большой нѣтъ.

Матрена. А ты слухай, что Иванъ Мосеичъ приказываетъ. Пуще всего, говоритъ, тетка, смотри, чтобъ денежки не упустить. Не ухватить, говоритъ, она деньги, не дадутъ ей на себя зятя принять. Деньги, говоритъ, всему дѣлу голова. Такъ мотри. Дѣло, сынокъ, доходить.

Никита. Мнѣ что, деньги ея, она и хлопочи.

Матрена. Эка ты, сынокъ, судишь! Развѣ баба можетъ обдумать. Если и возьметъ она деньги, гдѣ жъ ей обдумать,—бабѣ дѣло извѣстно, а ты все мужикъ. Ты, значить, можешь и спрятать и все такое. У тебя все-таки ума больше, коли что коснется.

Никита. Эхъ, женское ваше понятіе необстоятельное совсѣмъ!

Матрена. Какъ же необстоятельно! Ты заграбь денежки-то. Баба-то у тебя въ рукахъ будетъ. Если случаемъ и похрапывать начнетъ или что, ей укороту можно сдѣлать.

Никита. Ну васъ совсѣмъ, пойду.

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Никита, Матрена и Анисья вбѣгаетъ блѣдная изъ избы за уголь къ Матренѣ.

Анисья. На немъ и были. Вотъ онѣ.

Показываетъ подъ фартукомъ.

МАТРЕНА. Давай Микиткѣ, онъ схоронитъ. Микитка, бери, схорони куда.

НИКИТА. Что жъ, давай.

АНИСЬЯ. О-охъ, головушка! да ужъ я сама, что ль. Идетъ къ воротамъ. •

МАТРЕНА хватаетъ ее за руку. Куда идешь? Хватятся, вотъ сестра идетъ, ему давай, онъ знаетъ. Эка безтолковая!

АНИСЬЯ останавливается въ нерѣшительности. О, головушка!

НИКИТА. Что жъ, давай, что ль, суну куда.

АНИСЬЯ. Куда сунешь-то?

НИКИТА. Аль робѣешь?

Смѣется.

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

Тѣ же и АКУЛИНА идетъ съ бѣльемъ.

АНИСЬЯ. О-охъ, головушка моя бѣдная! Отдаетъ деньги. Микита, мотри.

НИКИТА. Чего боишься-то? Туда запхаю, что и самъ не найду.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 21-е.

МАТРЕНА, АНИСЬЯ и АКУЛИНА.

АНИСЬЯ стоитъ въ испугѣ. О-охъ, что какъ онъ...

МАТРЕНА. Что жъ, померъ?

АНИСЬЯ. Да, померъ никакъ. Я снимала, онъ и не почувялъ.

МАТРЕНА. Иди въ избу-то, вонъ Акулина идетъ.

Анисья. Что жъ, я нагрѣшила, а онъ, да что съ деньгами...

МАТРЕНА. Буде, иди въ избу, вонъ и Марѳа идетъ.

Анисья. Ну, повѣрила я ему. Что то будетъ.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 22-е.

МАРѢА, АКУЛИНА, МАТРЕНА.

МАРѢА идетъ съ одной стороны, Акулина съ другой. Къ Акулинѣ. Я бы даве пришла, да къ дочери пошла. Ну, что старикъ-то? Аль помирать хочеть?

АКУЛИНА снимаетъ бѣлье. А кто его знаетъ, Я на рѣчкѣ была.

МАРѢА, указывая на Матрену. Эта чья жъ?

МАТРЕНА. А изъ Зуева, Микиты мать я, изъ Зуева, родимая. Здравствуйте, изнылъ сердечный братецъ-то. Самъ выходилъ. Пошли мнѣ, говорить, сестрицу, потому, говорить... О! да ужъ не кончился ли?

ЯВЛЕНІЕ 23-е.

Тѣ же и Анисья выбѣгаетъ изъ избы съ крикомъ, хватается за столбикъ и начинаетъ выть.

О-охъ! О-о-о-о, и на кого-о-о и оставилъ и о-о-о и на ко-о-го-о-о поки-и-нулъ о-о-о... вдовой горемычной... вѣкъ вѣковать, закрылъ ясны очи...

ЯВЛЕНІЕ 24-е.

Тѣ же и кума. Кума и Матрена подхватываютъ ее подъ руки. Акулина и Марѳа идутъ въ избу. Народъ приходитъ.

Одинъ голосъ изъ народа. Старухъ позвать, убирать надо.

МАТРЕНА засучиваетъ рукава. Вода въ чугуиъ-то есть, что ль? А то самоваръ, я чай, еще не вылить. Потружусь и я.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Изба Петра. Зима. Послѣ 2-го дѣйствія прошло 9 мѣсяцевъ. А н и с ь я ненарядная сидитъ за станомъ, ткеть. А н ю т к а на печи. М и т р и ч ь — старикъ-работникъ.

ЛИЦА III ДѢЙСТВІЯ.

Акимъ. Никита. Акулина
Анисья. Анютка. Митричъ—
старикъ-работникъ, отставной сол-
датъ. Кума—Анисья.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Митричъ входитъ медленно, раздѣвается. О, Господи помилуй! Что жъ, не пріѣзжалъ хозяинъ-то?

Анисья. Чего?

Митричъ. Микита-то изъ города не бываль?

Анисья. Нѣту.

Митричъ. Загулялъ, видно. О, Господи!

Анисья. Убрался на гумнѣ-то?

Митричъ. А то какъ же? Все какъ надо убралъ, соломкой прикрылъ! Я не люблю какъ-нибудь. О, Господи! Микола милостивый! Ковыряетъ мозоли. А то бы пора ему и быть.

Анисья. Чего ему торопиться. Деньги есть, гуляетъ съ дѣвкой, я чай...

Митричъ. Деньги есть, такъ чего жъ не гулять. Акулина-то почто въ городъ поѣхала?

Анисья. А ты спроси ее, зачѣмъ туда нелегкая понесла.

Митричъ. Въ городъ-то зачѣмъ? Въ городу всего много, только бѣ было на что. О, Господи!

Анютка. Я, матушка, сама слышала. Полушалчикъ, говоритъ, тебѣ куплю, одна дыхнуть, куплю, говоритъ; сама, говоритъ, выберешь. И убралась она хорошо какъ: безрукавку плисовую надѣла и платокъ французскій.

Анисья. Ужъ и точно дѣвичій стыдъ до порога, а переступила—и забыла. То-то безстыжая!

Митричъ. Вона! Чего стыдиться-то? Деньги есть, такъ и гуляй. О, Господи! Ужинать-то рано, что ль? Анисья молчитъ. Пойти погрѣться, пока что. Лѣзетъ на печь. О, Господи, Матерь Пресвятая Богородица, Микола угодникъ!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же и кума.

Кума входитъ. Не ворочался, видно, твой-то?

Анисья. Нѣту.

Кума. Пора бы. Въ нашъ трактиръ не заѣхалъ ли. Сестра Ѳекла сказывала, матушка моя, стоятъ тамъ саней много изъ города.

Анисья. Анютка! а Анютка!

Анютка. Чего?

Анисья. Сбѣгай ты, Анютка, въ трактиръ, посмотри
Ужъ не туда ли онъ спяна заѣхаль?

Анютка спрыгиваетъ съ печи, одѣвается. Сейчасъ.

Кума. И Акулину съ собой взялъ?

Анисья. А то бы ѣхать не зачѣмъ. Изъ-за нея всѣ
дѣла нашлись. Въ банку, говорить, надо, получка вышла,
а все только она его путаеть.

Кума качаетъ головой. Ужъ и что говорить.

Молчаніе.

Анютка въ дверяхъ. А коли тамъ, сказать что?

Анисья. Ты посмотри только, тамъ ли.

Анютка. Ну что жъ, я живо слетаю.

Уходить.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Анисья, Митричъ и кума. Долгое молчаніе.

Митричъ рычитъ. О, Господи! Микола милостивый!

Кума вздрагиваетъ. Охъ, напугалъ! Это кто жъ?

Анисья. Да Митричъ, работникъ.

Кума. О-о-охъ, натращаль! Я и забыла. А что, кума,
сказываютъ, сватали Акулину-то?

Анисья вылѣзаетъ изъ-за стана и садится къ столу. Посыкнулись было изъ Дѣдлова, да, видно, слушокъ-то есть и у нихъ, посыкнулись было, да и молчокъ; такъ и запало дѣло. Кому охота?

Кума. А изъ Зуева-то Лизуновы?

Анисья. Засылка была. Да тоже не сошлось. Онъ и къ себѣ не принимаетъ.

Кума. А отдавать бы н о.

Анисья. Ужъ какъ надо-то. Не чаю, кума, какъ со двора спихнуть, да не паить дѣло-то. Ему неохота. Да и ей тоже. Не нагулялся, видишь, еще съ красавой-то съ своей.

Кума. И-и-и, грѣхи. Чего вздумать нельзя. Вотчимъ вѣдь ей.

Анисья. Эхъ, кума! Оплели меня, обули такъ ловко, что и сказать нельзя. Ничего-то я сдуру не примѣчала, ничего-то я не думала, такъ и замужъ шла. Ничегохонько не угадывала, а у нихъ согласье ужъ было.

Кума. О-о, дѣло-то какое!

Анисья. Дальше—больше, вижу—отъ меня хорониться стали. Ахъ, кума, ужъ и тошно жъ мнѣ, тошно житье мое было! Добро бъ не любила я его.

Кума. Да что ужъ и говорить.

Анисья. И больно жъ мнѣ, кума, отъ него обиду такую терпѣть. Охъ, больно!

Кума. Что жъ, сказываютъ, и на руку ёрзокъ сталъ?

Анисья. Всего есть. Бывало, во хмелю смиренъ былъ. Зашибалъ онъ допрежде того, да все, бывало, хороша я ему была, а нынче какъ надуется, такъ и лѣзетъ на меня, стоптать ногами хочетъ. Намедни въ косы руками увязъ, насилиу вырвалась. А ужъ дѣвка хуже змѣи. И какъ только такихъ злющихъ земля родить!

Кума. О-о-о! кума, болѣзная жъ ты, погляжу я на тебя! Каково жъ терпѣть; нишаго приняла, да онъ надъ тобой такъ измываться будетъ. Ты что жъ ему укороту не сдѣлаешь?

Анисья. Охъ, кумушка милая! Съ сердцемъ своимъ что сдѣлаю. Покойникъ на что строгъ былъ, а все жъ я

какъ хотѣла, такъ и вертѣла, а тутъ не могу, кумушка. Какъ увижу его, такъ и сердце все сойдетъ. Нѣтъ у меня противъ него и смѣлости никакой; хожу передъ нимъ какъ курунокъ мокрый.

Кума. О-о, кума! да это, видно, сдѣлано надъ тобой что. Матрена-то, сказываютъ, этими дѣлами занимается. Должно, она.

Анисья. Да и я сама, кума, думаю. Вѣдь какъ обидно другой разъ. Кажется, разорвала бы его. А увижу его,— нѣтъ, не поднимается на него сердце.

Кума. Видимое дѣло, напущено. Долго ль, матушка моя, человекъ испортить. То-то погляжу я на тебя, куда что дѣлось!

Анисья. Вовсе въ лутошку ноги сошлись. А на дуру-то, на Акулину погляди. Вѣдь растрепа дѣвка, нехалаявая, а теперь погляди-ка. Откуда что взялось. Да нарядилъ онъ ее. Расфуфырилась, раздулась, какъ пузырь на водѣ. Тоже, даромъ что дура, забрала себѣ въ голову: я, говоритъ, хозяйка. Домъ мой. Батюшка на мнѣ его и женить хотѣлъ. А ужъ зла, Боже упаси. Разозлится, съ крыши солому роетъ.

Кума. О-охъ, жите твое, кума, погляжу. Завидуютъ тоже люди. Богаты, говорятъ, да видно, матушка моя, и черезъ золото слезы льются.

Анисья. Есть чему завидовать. Да и богатство-то все такъ прахомъ пройдетъ. Мотаетъ денежки, страсть.

Кума. Да что жъ ты, кума, больно просто пустила? Деньги твои.

Анисья. Кабы ты все знала! А то сдѣлала я промашку одну.

Кума. Я бѣ, кума, на твоёмъ мѣстѣ прямо до начальника до большого дошла. Деньги твои. Какъ же онъ можетъ мотать? Такихъ правовъ нѣтъ.

Анисья. На это нынче не взирають.

Кума. Охъ, кума, посмотрю я на тебя. Ослабла ты.

Анисья. Ослабла, милая, совсѣмъ ослабла. Замоталъ онъ меня. И сама ничего не знаю. О-о, головушка моя бѣдная!

Кума. Никакъ идетъ кто?

Прислушивается. Отворяется дверь и входитъ Акимъ.

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Тѣ же и Акимъ.

Акимъ крестится, обиваетъ лапти и раздѣвается. Миръ дому сему. Здорово живете? Здорово, тетенька.

Анисья. Здорово, батюшка. Изъ двора, что ли?

Акимъ. Думалъ, тае, дай, значитъ, схожу, тае, къ сынку, къ сынку пройду. Не рано пошелъ, пообѣдалъ, значитъ, пошелъ; анъ снѣжно какъ, тае, тяжело, итти тяжело, вотъ и, тае, запоздалъ, значитъ. А сынокъ дома? Дома сынокъ то-есть?

Анисья. Нѣтути, въ городу.

Акимъ садится на лавку. Дѣльце до него, то-есть, тае, дѣльце. Сказывалъ, значитъ, ему намедни, тае, значитъ, объ нуждѣ сказывалъ, лошаденка извелась, значитъ, лошаденка-то. Объегорить, тае, надоть, лошаденку-то какую ни на есть, лошаненку-то. Вотъ и, тае, пришелъ, значитъ.

Анисья. Сказывалъ Микита; пріѣдетъ, потолкуете. Встаеъ къ печи. Поужинай, а онъ подѣдетъ; Митричъ, а Митричъ, иди ужинать.

Митричъ. О, Господи, Микола милостивый!

Анисья. Иди ужинать.

Кума. Я пойду, прощайте.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Акимъ, Анисья и Митричъ.

Митричъ слѣзаетъ. И не видалъ, какъ заснулъ. О, Господи, Микола угодникъ! Здорово, дядя Акимъ.

Акимъ. Э! Митричъ! Ты что же, значитъ, тае?..

Митричъ. Да вотъ въ работникахъ у Микиты, у сына у твоего, живу.

Акимъ. Ишь ты! Значитъ, тае, въ работникахъ у сына-то. Ишь ты!

Митричъ. То въ городу жилъ у купца, да пропился тамъ. Вотъ и пришелъ въ деревню. Причалу у меня нѣтъ, ну и нанялся. Зѣваетъ. О, Господи!

Акимъ. Что жъ, тае, али, тае, Микишка что дѣлаетъ? Дѣло, значитъ, еще какое, что работника, значитъ, тае, работника нанялъ?

Анисья. Какое ему дѣло? То управлялся, а нынче не то на умѣ, вотъ и работника взялъ.

Митричъ. Деньги есть, такъ что жъ ему.

Акимъ. Это, тае, напрасно, вотъ это совсѣмъ, тае, напрасно. Напрасно это. Баловство, значитъ.

Анисья. Да ужъ избаловался, избаловался, что и бѣда.

Акимъ. То-то, тае, думается, какъ бы получше, тае, а оно, значитъ, хуже. Въ богатствѣ-то избалуется человѣкъ, избалуется.

Митричъ. Съ жиру-то и собака бѣсится, съ жиру

какъ не избаловаться! Я вотъ съ жиру-то какъ крутилъ. Три недѣли пилъ безъ просыпу. Послѣдніе портки пропилю. Не на что больше, ну и бросилъ. Теперь зарекся. Ну ее.

Акимъ. А старуха-то, значить, твоя гдѣ же?..

Митричъ. Старуха, братъ, моя къ своему мѣсту пристроена. Въ городу по кабакамъ сидитъ. Щеголиха тоже— одинъ глазъ выдранъ, другой подбитъ и морда на сторону сворочена. А тверезая, въ ротъ ей пирога съ горохомъ, никогда не бываетъ.

Акимъ. Н-о! Что жъ это?!

Митричъ. А куда жъ солдатской женѣ мѣсто? Къ дѣлу своему предѣлена.

Молчаніе.

Акимъ къ Анисѣ. Что жъ Никита-то въ городъ, тае, повезъ что? Продавать, значить, повезъ что?

Анисья накрываетъ на столъ и подаетъ. Порожнимъ поѣхалъ. За деньгами поѣхалъ, въ банкѣ деньги брать.

Акимъ ужинаетъ. Что жъ вы ихъ, тае, деньги-то куда еще предѣлить хотите, деньги-то?

Анисья. Нѣтъ, мы не трогаемъ. Только 20 или 30 рублей; вышло, такъ взять надо.

Акимъ. Взять надо? Что жъ ихъ братъ-то, тае, деньги-то? Нынче, значить, тае, возьмешь, завтра, значить, возьмешь, — такъ ихъ и, тае, всѣ переберешь, значить.

Анисья. Это окромя получай. А деньги всѣ цѣлы.

Акимъ. Цѣлы? Какъ же, тае, цѣлы? Ты бери ихъ, а онѣ, тае, цѣлы? Какъ же, насыпь ты, тае, муки, значить, и все, тае, въ рундукъ, тае, или амбаръ, да и бери ты оттуда муку-то, что жъ она, тае, цѣла будетъ? Это, значить, не тае, обманываютъ они. Ты это дознайся, а то обмануть они. Какъ же цѣлы? Ты, тае, бери, а онѣ цѣлы?

Анисья. Ужъ я и не знаю. Намъ тогда Иванъ Мосеичъ присудилъ. Положите, говоритъ, деньги въ банку,—и деньги цѣлѣе, и процентъ получать будете.

Митричъ кончилъ ѣсть. Это вѣрно. Я у купца жилъ. У нихъ все такъ. Положи деньги да и лежи на печи, получай.

Акимъ. Чудно, тае, говоришь ты. Какъ же, тае, получай, ты, тае, получай, а имъ, значить, тае, съ кого же, тае, получать-то, деньги-то?

Анисья. Изъ банки деньги даютъ.

Митричъ. Это что? Баба, она раздробить не можетъ. А ты гляди сюда, я тебѣ всѣ толки найду. Ты помни. У тебя, примѣрно, деньги есть, а у меня, примѣрно, весна пришла, земля пустуетъ, сѣять нечѣмъ, али податишки, что ли. Вотъ я, значить, прихожу къ тебѣ. Акимъ, говорю, дай красненькую, а я уберусь съ поля, тебѣ къ Покрову отдамъ да десятину уберу за уваженъе. Ты, примѣрно, видишь, что у меня есть съ чего потянуть: лошаденка ли, коровенка, ты и говоришь: два ли, три ли рубля отдай за уваженъе да и все. У меня ѳселъ на шеѣ, нельзя обойтись. Ладно, говорю, беру десятку. Осенью перевертъ дѣлаю, приношу, а три рубля ты окромя съ меня lupишь.

Акимъ. Да вѣдь это, значить, тае, мужики кривѣе такъ-то, тае, дѣлають, коли кто, тае, Бога забылъ, значить; это, значить, не къ тому.

Митричъ. Ты погоди. Она сейчасъ къ тому же на-трафитъ. Ты помни, теперича, значить, ты такъ-то сдѣлалъ, ободралъ меня, значить, а у Анисьи деньги, примѣрно, залежныя. Ей дѣвать некуда, да и бабѣ дѣло—не знаетъ, куда ихъ предѣлить. Приходитъ она къ тебѣ; нельзя ли,

говорить, и на мои деньги пользу сдѣлать. Что-жь, можно, говоришь. Вотъ ты и ждешь. Прихожу я опять на лѣто. Дай, говорю, опять красенькую, а я съ уваженіемъ... Вотъ ты и смекаешь: коли шкура на мнѣ еще не ворочена, еще содрать можно, ты и даешь Анисьины деньги. А коли, примѣрно, нѣтъ у меня ни шиша, жрать нечего, ты, значитъ, разметку дѣлаешь, видишь, что содрать нечего, сейчасъ и говоришь: ступай, братъ, къ Богу, а изыскиваешь какого другого, опять даешь и свои и Анисьины предѣляешь, того обдираешь. Вотъ это и значитъ самая банка. Такъ она кругомъ и идетъ. Штука, братъ, умственная!

Акимъ разгорячась. Да это что-жь? Это, тае, значитъ, скверность. Это мужики, тае, дѣлають такъ, мужики и то, значитъ, за грѣхъ, тае, почитають. Это, тае, не по закону, значитъ. Скверность это. Какъ же ученые-то, тае...

Митричъ. Это, братъ, у нихъ самое любезное дѣло. А ты помни. Вотъ кто поглупѣй, али баба, да не можетъ самъ деньги въ дѣло произвестъ, онъ и несетъ въ банку, а они, въ ротъ имъ ситнаго пирога съ горохомъ, цапають да этими денежками и облупляють народъ-то. Штука умственная!

Акимъ вздыхая. Эхъ, посмотрю я, тае, и безъ денегъ, тае, горе, а съ деньгами, тае, вдвое. Какъ же такъ, Богъ трудиться велить. А ты, значитъ, тае, положилъ въ банку деньги, да и спи, а деньги тебя, значитъ, тае, поваля кормить будутъ. Скверность это, значитъ, не по закону это.

Митричъ. Не по закону? Это, братъ, нынче не разбирають. А какъ еще околузываютъ-то, дочиста. То-то и дѣло-то.

Акимъ вздыхаетъ. Да ужъ, видно, время, тае, подходитъ. Тоже сортиры, значитъ, тае, посмотрѣлъ я въ городу. Какъ дошли то-есть. Выглажено, выглажено, значитъ, нарядно, какъ трактиръ исдѣлано. А ни къ чему, все ни къ чему. Охъ, Бога забыли. Забыли, значитъ. Забыли, забыли мы Бога-то, Бога-то. Спасибо, родимая, сытъ, доволенъ.

Вылѣзаетъ изъ-за стола. Митричь
лѣзетъ на печь.

Анисья убираетъ посуду и ѣсть. Хоть-бы отецъ усовѣ-
стилъ, да и сказать-то стыдно.

Акимъ. Чего?

Анисья. Такъ, про себя.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ же и Анютка.

Анютка входитъ.

Акимъ. А! умница. Все хлопочешь! Перезябла, я чай?

Анютка. И то озябла, страсть. Здорово, дѣдушка.

Анисья. Ну что? Тама?

Анютка. Нѣту. Только Андріанъ тамъ изъ города
сказывалъ, видѣлъ ихъ еще въ городу, въ трактирѣ. Батя,
говорить, пьяный-распьяный.

Анисья. Ёсть хочешь, что-ли? На вотъ.

Анютка идетъ къ печи. Ужъ и холодно же. И руки
зашлись.

Акимъ разувается. Анисья пе-
ремываетъ посуду.

Анисья. Батюшка!

Акимъ. Чего скажешь?

Анисья. Что-жъ, Маришка-то хорошо живетъ?

Акимъ. Ничаво. Живеть. Бабочка, тае, умная, смирная, живеть, значить, тае, старается. Ничаво бабочка, значить, истовая, старательная и, тае, покорлива; бабочка, значить, ничаво, значить.

Анисья. А что, сказываютъ, съ вашей деревни, Маринкиному мужу родня, нашу Акулину сватать хотѣли. Что, не слышать?

Акимъ. Это Мироновы? Болтали бабы что-то. Да невдомекъ, значить. Притаманно, значить, не знаю, тае. Старухи что-то сказывали. Да не памятьливъ я, не памятьливъ, значить. А что жъ, Мироновы, тае, мужики, значить, тае, ничего.

Анисья. Ужъ не чаю я, какъ просватать бы поскорѣе.

Акимъ. А что?

Анютка прислушивается. Приѣхали.

Анисья. Ну, не замай ихъ.

Продолжаётъ мыть ложки, не поворачивая головы.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же и Никита.

Никита. Анисья, жена, кто приѣхаль?

Анисья взглядываетъ и, отворачиваясь, молчитъ.

Никита грозно. Кто приѣхаль? Аль забыла?

Анисья. Будеть форсить-то. Иди.

Никита еще грознѣе. Кто приѣхаль?

Анисья подходитъ и беретъ за руку. Ну, мужъ приѣхаль. Иди въ избу-то.

Никита упирается. То-то. Мужъ, а какъ звать мужа-то? Говори правильно.

Анисья. Да ну тебя—Микитой.

Никита. То-то! Невѣжа—по отчеству говори.

Анисья. Акимычъ. Ну!

Никита все въ дверяхъ. То-то. Нѣтъ, ты скажи, фамилія какъ?

Анисья смѣется и тянетъ за руку. Чиликинъ. Эка надулся!

Никита. То-то. Удерживаясь за косякъ. Нѣтъ, ты скажи, какой ногой Чиликинъ въ избѣ ступаетъ?

Анисья. Ну буде—настудишь.

Никита. Говори, какой ногой ступаетъ? Обязательно сказать должна.

Анисья про себя. Надоѣстъ теперь. Ну лѣвой. Иди, что-ль.

Никита. То-то.

Анисья. Ты глянь-ка, въ избѣ-то кто.

Никита. Родитель? Что-жъ, я родителемъ не гнушаюсь. Родителю могу уваженіе исдѣлать. Здорово, ба-тюшка. Кланяется ему и подаетъ руку. Наше вамъ почтеніе.

Акимъ не отвѣчая. Вино-то, вино-то, значитъ, что дѣ-лаетъ. Скверность.

Никита. Вино? Что выпилъ? Это окончательно вино-вать, выпилъ съ пріятелемъ—поздравилъ.

Анисья. Иди ложись, что-ль.

Никита. Жена, гдѣ я стою, говори?

Анисья. Ну ладно, иди ложись.

Никита. Я еще самоваръ съ родителемъ пить буду. Ставь самоваръ. Акулина, иди, что-ль.

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и Акулина.

Акулина нарядная, идетъ съ покупкой къ Никитѣ. Ты что-жъ все расшвырялъ. Пряжа-то гдѣ?

Никита. Пряжа? Пряжа тамъ. Эй, Митричъ! гдѣ ты тамъ? Заснулъ? Иди лошадь убери.

Акимъ не видитъ Акулины, а глядитъ на сына. Что дѣлаетъ-то! Старикъ, значить, тае, уморился, значить, молотилъ, а онъ, тае, надулся. Лошадь убери. Тьфу! Скверность.

Митричъ слѣзаетъ съ печи, обуваетъ валенки О, Господи милостивый! На дворѣ лошадь-то, что-ль? Уморилъ, я чай? Ишь, дуй его горой, налокался какъ. Доверху. О, Господи! Микола угодникъ!

Надѣваетъ шубу и идетъ на дворъ

Никита садится. Ты меня, батюшка, прости. Выпилъ, это точно, ну что жъ дѣлать? И курица пьетъ. Такъ, что ль? А ты меня прости. Что жъ Митричъ, онъ не обижается, онъ уберетъ.

Анисья. Вправду ставить самоваръ-то?

Никита. Ставь. Родитель пришелъ, я съ нимъ говорить хочу, чай пить буду. Къ Акулинѣ. Покупку-то всю вынесла?

Акулина. Покупку? Свое взяла, а то въ саняхъ. Вотъ это на, не моя.

Кидаетъ на столъ свертокъ и убираетъ въ сундукъ покупку. А н ю т к а смотритъ, какъ Акулина укладываетъ; Акимъ не глядитъ на сына и убираетъ онучи и лапти на печь.

Анисья уходитъ съ самоваромъ. И такъ полонъ сундукъ,—еще накупилъ.

ЯВЛЕНИЕ 9 е.

Акимъ, Акулина, Анюгга и Никита.

НИКИТА беретъ на себя трезвый видъ. Ты, батюшка, на меня не обижайся. Ты думаешь, я пьянъ? Я положительно все могу, потому пей, да ума не теряй. Я съ тобой, батюшка, сейчасъ разговаривать могу. Всѣ дѣла помню. На счетъ денегъ приказываль, лошаденка извелась—помню. Это все возможно. Это все у насъ въ рукахъ. Если бы сумма денегъ требовалась громадная, тогда можно бы повременить, а то это все могу! Вотъ онѣ!

Акимъ продолжаетъ возиться съ оборками. Эхъ, малый, тае, значить, вешній путь, тае, не дорога...

НИКИТА. Это ты къ чему? Съ пьянымъ рѣчь не бесѣда. Да ты не сумлѣвайся, чайку попьемъ. А я все могу, положительно всѣ дѣла и править могу.

Акимъ качаетъ головой. Э, эхъ-хе-хе!

НИКИТА. Деньги, вотъ онѣ. Лѣзетъ въ карманъ, достаетъ бумажникъ. вертитъ бумажки, достаетъ 10-тирублевую. Бери на лошадь. Бери на лошадь,—я родителя не могу забыть. Обязательно не оставлю, потому родитель. На, бери. Очень просто, не жалѣю.

Подходить и суетъ Акиму деньги, Акимъ не беретъ денегъ.

НИКИТА хватается за руку. Бери, говорятъ, когда даю, я не жалѣю.

Акимъ. Не могу, значить, тае, брать и не могу, тае. говорить съ тобой, значить, потому въ тебѣ, тае, образа нѣтъ, значить.

НИКИТА. Не пущу. Бери.

Суетъ Акиму въ руку деньги.

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Тѣ же и Анисья.

Анисья входитъ и останавливается. Да ты ужъ возьми. Вѣдь не отстанеть.

Акимъ беретъ, качая головой. Эхъ, вино-то. Не чловѣкъ, значить...

Никита. Вотъ такъ-то лучше. Отдашь—отдашь, а не отдашь—Богъ съ тобой. Я вотъ какъ! Видитъ Акулину. Акулина, покажь гостинцы-то.

Акулина. Чего?

Никита. Покажь гостинцы.

Акулина. Гостинцы-то? Что ихъ показывать-то. Я ужъ убрала.

Никита. Достань, говорю: Анюткѣ поглядѣть лестно. Покажь, говорю, Анюткѣ, полушалчикъ-то развяжи. Подай сюда.

Акимъ. О-охъ, смотрѣть тошно! Лѣзетъ на печь.

Акулина достаетъ и кладетъ на столъ. Ну, на, что ихъ смотрѣть-то?

Анютка. Ужъ хороша же! Эта не хуже Степанидиной.

Акулина. Степанидиной? Куда Степанидина противъ этой годится. Оживляясь и развертывая. Глянь-ка сюда, доброта-то... французская.

Анютка. И ситець же нарядный! У Машутки такой, только тотъ свѣтлѣе, по лазуревому полю. Эта страсть хороша.

Никита. То-то.

Анисья проходитъ сердито въ чуланъ, возвращается съ трубой и столешникомъ и подходитъ къ столу

Анисья. Ну васъ, разложили.

Никита. Ты глянь-ка сюда.

Анисья. Что мнѣ глядѣть! Не видала я, что ль. Убери ты.
Смахиваетъ рукой на полъ полу-
шальчикъ.

Акулина. Ты что швыряешься? Ты своимъ швырай.
Поднимаетъ.

Никита. Анисья! Мотри!

Анисья. Чего смотрѣть-то?

Никита. Ты думаешь, я тебя забылъ. Гляди сюда.
Показываетъ свертокъ и садится на него. Тебѣ гостинецъ. Только
заслужи. Жена, гдѣ я сижусь?

Анисья. Будетъ куражиться-то. Не боюсь я тебя.
Что жъ, ты на чьи деньги гуляешь да своей жирехѣ го-
стинцы купляешь? На мои.

Акулина. Какъ же, твои! Украсть хотѣла, да не при-
шлось. Уйди ты!

Хочетъ пройти, толкаетъ.

Анисья. Ты что толкаешься-то? Я те толкану.

Акулина. Толкану? Ну-ка сунься.

Напираетъ на нее.

Никита. Ну бабы, бабы. Буде.

Становится между ними.

Акулина. Тоже лѣзетъ. Молчала бы, про себя бы
знала. Ты думаешь, не знаютъ?

Анисья. Что знаютъ? сказывай, сказывай, что знаютъ?

Акулина. Дѣло про тебя знаю.

Анисья. Шлюха ты, съ чужимъ мужемъ живешь.

Акулина. А ты своего извела.

Анисья бросается на Акулину. Брешешь.

Никита удерживаетъ. Анисья! забыла?

Анисья. Что страшась? Не боюсь я тебя.

Никита. Вонъ!

Поворачиваетъ Анисью и вы
талкиваетъ.

Анисья. Куда я пойду? Не пойду я изъ своего дома

Никита. Вонъ, говорю. И ходить не смѣй.

Анисья. Не пойду. Никита толкаетъ, Анисья плачетъ и
кричитъ, цѣпляясь за дверь. Что жъ это, изъ своего дома вза-
шей гонять? Что жъ ты, злодѣй, дѣлаешь? Думаешь, на
тебя и суда нѣтъ? Погоди жъ ты!

Никита. Ну, ну!

Анисья. Къ старостѣ, къ уряднику пойду.

Никита. Вонъ, говорю.

Выталкиваетъ.

Анисья изъ-за двери. Удавлюсь.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Никита, Акулина, Анютка и Акимъ.

Никита. Небось.

Анютка. О-о-о! Матушка милая, родимая.

Плачетъ.

Никита. Какъ же, испугался я ея очень. Ты чего пла-
чешь? Придетъ небось! Поди самоваръ погляди.

Анютка выходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Никита, Акимъ и Акулина.

Акулина собираетъ попку, складываетъ. Ишь, подлая,
загваздала какъ. Погоди жъ ты, я ей безрукавку изрѣжу.
Пра, изрѣжу.

Никита. Выгналъ я ее, ну чего жъ ты?

Акулина. Новую шаль испачкала. Пра, сука, кабы она не ушла, я бѣльмы-то бы ей повыдрала.

Никита. Будеть сердчать. Тебѣ что сердчать-то? Кабы я ее любилъ?

Акулина. Любилъ? Есть кого любить, толстомордую-то. Бросилъ бы ее тогда, ничего бѣ не было. Согналъ бы ее къ чорту. А домъ—все равно мой и деньги мои. Тоже хозяйка, говоритъ, хозяйка... какая она мужу хозяйка? Душегубка она—вотъ кто. Съ тобой то же сдѣлаетъ.

Никита. Охъ, бабій кадыкъ не заткнешь ничѣмъ. Что болтаешь, сама не знаешь.

Акулина. Нѣтъ, знаю. Не стану съ ней жить. Сгоню со двора. Не можетъ она со мной жить. Хозяйка тоже... не хозяйка она, острожная шкура.

Никита. Да буде. Чего тебѣ съ ней дѣлать? Ты на нее не гляди. На меня гляди. Я хозяинъ. Что хочу, то и дѣлаю. Ее разлюбилъ, тебя полюбилъ. Кого хочу, того люблю. Моя власть. А ей арестъ. Она у меня вотъ гдѣ. Показываетъ подъ ноги. Эхъ, гармошки нѣтъ!

На печи калачи,
На приступкѣ каша,
А мы жить будемъ
И гулять будемъ,
А смерть придетъ,
Помирать будемъ.
На печи калачи,
На приступкѣ каша...

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Тѣ же и Митричъ входитъ, раздѣвается
и лѣзетъ на печь.

Митричъ. Подрались, видно, опять бабы-то! поцапались. О, Господи! Микола милостивый.

Акимъ сидитъ съ краю на печи, достаетъ онучи, лапти и обувается. Пролѣзай, пролѣзай въ уголь-то.

Митричъ лѣзетъ. Все не раздѣлять, видно. О, Господи! Никита. Достань наливку-то, съ чаемъ выпьемъ.

ЯВЛЕНИЕ 14-е.

Тѣ же и Анютка.

Анютка входитъ, Акулинъ. Нянька, самоваръ уходитъ хочетъ.

Никита. А мать гдѣ?

Анютка. Она въ сѣнцахъ стоитъ, плачетъ.

Никита. То-то. Зови ее, вели самоваръ несть. Да давай, Акулина, посуду-то.

Акулина. Посуду-то? ну что жъ. Собираетъ посуду.

Никита достаетъ наливку, баранки, селедки. Это, значить, себѣ, это бабѣ пряжу, карасинъ тамъ въ сѣняхъ. А вотъ и деньги. Постой. Беретъ счеты. Сейчасъ смекну. Кидаетъ. Мука пшеничная восемь гривенъ, масло постное... Батюшкѣ 10 рублей. Батюшка! иди чай пить!

Молчаніе. Акимъ сидитъ на печи
и перевиваетъ обору.

ЯВЛЕНИЕ 15-е.

Тѣ же и Анисья.

Анисья вноситъ самоваръ. Куда ставить-то?

Никита. Ставь на столъ. Что, али сходила къ старостѣ? То-то, говори да и откусывай. Ну, будетъ серчать-то. Садись, пей. Наливаетъ ей рюмку. А вотъ и гостинчикъ тебѣ.

Подаетъ свертокъ, на которомъ сидѣлъ; А нисья беретъ молча, качая головой.

Акимъ слѣзаетъ и надѣваетъ шубу; подходитъ къ столу кладетъ на него деньги. На, деньги твои. Прибери.

Никита не видитъ бумажки. Куда собрался одѣмши-то?

Акимъ. А пойду, пойду я, значить, простите Христа ради.

Беретъ шапку и кушакъ.

Никита. Вотъ-те на! Куда пойдешь-то ночнымъ дѣломъ?

Акимъ. Не могу я, значить, тае, въ вашемъ домѣ, тае, не могу, значить, быть, быть не могу, простите.

Никита. Да куда жъ ты отъ чаю-то?

Акимъ подпоясывается. Уйду, потому, значить, нехорошо у тебя, значить, тае, нехорошо, Микишка, въ домѣ, тае, нехорошо. Значить, плохо ты живешь, Микишка, плохо. Уйду я.

Никита. Ну, буде толковать, садись чай пить.

Анисья. Что жъ это, батюшка, передъ людьми стыдно будетъ. На что жъ ты обижаешься?

Акимъ. Обиды мнѣ, тае, никакой нѣтъ, обиды нѣтъ, значить, а только что, тае, вижу я, значить, что къ погибели, значить, сынъ мой, къ погибели сынъ, значить.

Никита. Да какая погибель? ты докажь.

Акимъ. Погибель-то, погибель, весь ты въ погибели. Я тебѣ лѣтось что говорилъ?

Никита. Да мало ты что говорилъ.

Акимъ. Говорилъ я тебѣ, тае, про сироту, что обидѣлъ ты сироту, Марину, значить, обидѣлъ.

Никита. Экъ помянулъ. Про старья дрожжи не поминать двжды, то дѣло прошло...

Акимъ разгорячась. Прошло? Нѣ, братъ, это не прошло. Грѣхъ, значить, за грѣхъ цѣпляетъ, за собою тянетъ, и завязъ ты, Микишка, въ грѣхѣ. Завязъ ты, смотрю, въ грѣхѣ. Завязъ ты, погрузъ ты, значить.

Никита. Садись чай пить, вотъ и разговоръ весъ.

Акимъ. Не могу я, значить, тае, чай пить. Потому отъ скверны отъ твоей, значить, тае, гнусно мнѣ, дюже гнусно. Не могу я, тае, съ тобой чай пить.

Никита. И... канителитъ, иди къ столу-го.

Акимъ. Ты въ богатствѣ, тае, какъ въ сѣтяхъ, въ сѣтяхъ ты, значить. Ахъ, Микишка, душа надобна!

Никита. Какую ты имѣешь полную праву въ моемъ домѣ меня урекать? Да что ты въ самомъ дѣлѣ присталь? Что я тебѣ мальчикъ дался, за виски драть. Нынче ужъ это оставили.

Акимъ. Это точно, слыхалъ я, нынче что и тае, что и отцовъ за бороды трясуть, значить, да на погибель, значить.

Никита сердито. Живемъ, у тебя не прссимъ! а ты жъ къ намъ пришелъ съ нуждой.

Акимъ. Деньги? Деньги твои вонъ онѣ. Побираться, значить, пойду, а не тае, не возьму, значить.

Никита. Да буде. И что серчаешь, кампанію разстраиваешь.

Удерживаетъ за руку.

Акимъ взвизгиваетъ. Пусти, не останусь. Лучше подь

заборомъ переночую, чѣмъ въ пакости въ твоей. Тьфу,
прости Господи.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 16-е

Никита, Акулина, Анисья и Митричъ.
Никита. Вотъ-те на!

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Тѣ же и Акимъ.

Акимъ отворяетъ дверь. Опамятуйся, Микита. Душа на-
добна.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Никита, Акулина, Анисья и Митричъ.

Акулина беретъ чашки. Что жъ, наливать, что ль?
Всѣ молчатъ.

Митричъ рычитъ. О, Господи, помилуй мя грѣшнаго.
Всѣ вздрагиваютъ.

Никита ложится на лавку. Охъ, скучно, скучно. Акулька!
гдѣ жъ гармошка-то?

Акулина. Гармошка-то? Ишь, хватился. Да ты ее чи-
нить отдалъ. Я налила, пей.

Никита. Не хочу я. Тушите свѣтъ... Охъ, скучно мнѣ,
какъ скучно!

Плачетъ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Осень. Вечерь. Мѣсяцъ свѣтитъ. Внутренность двора. Въ серединѣ сѣнцы, направо теплая изба и ворота, налѣво холодная изба и погребъ. Въ избѣ слышны говоръ и пьяные крики. Сосѣдка выходитъ изъ сѣней, манить къ себѣ Анисыну куму.

ЛИЦА IV ДѢЙСТВІЯ.

Никита. Матрена. Анисья.
Анютка. Митричъ. Сосѣдка.
Кума. Сватъ — угрюмый мужикъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Кума и сосѣдка.

Сосѣдка. Чего жъ Акулина-то не вышла?

Кума. Чего не вышла? И рада бы вышла, да недосугъ, слышь. Пріѣхали сваты невѣсту смотрѣть, а она матушка моя, въ холодной лежитъ и глазъ не кажетъ, сердечная.

Сосѣдка. Да что жъ такъ?

Кума. Съ глазу, говорятъ, животь схватило.

Сосѣдка. Да неужто?

Кума. А то что жъ.

Шепчетъ на ухо.

Сосѣдка. Ну? Вотъ грѣхъ-то! А вѣдь дознаются сваты.

Кума. Гдѣ жъ имъ дознаться. Пьяные всѣ. Да больше за приданымъ гонятся. Легко ли, даютъ за дѣвкой-то... двѣ шубы, матушка моя, разстегаевъ шесть, шаль французскую, холстовъ тоже много что-то, да денегъ, сказывали, двѣ сотни.

Сосѣдка. Ну, ужъ это и деньгамъ не радъ будешь. Срамота такая.

Кума. Шш... Сватъ никакъ.

Замолкають и входятъ въ сѣни.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Сватъ одинъ выходитъ изъ сѣней, икаетъ.

Сватъ. Упарился. Жарко страсть. Простудиться маленько. Стоить, отдувается. И Богъ ее знаетъ, какъ... что-то не того, не радуеть... Ну, да какъ старуха.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Сватъ и Матрена.

Матрена выходитъ изъ сѣней же. А я смотрю: гдѣ сватъ? гдѣ сватъ? А ты, родной, во гдѣ... Ну что жъ, родимый, слава те Господи, все честь честью. Сватать не хвастать. А я хвастать и не училась. А какъ пришли вы за добрымъ дѣломъ, такъ, дасть Богъ, и вѣкъ благодарить будете. А невѣста-то, вѣдашь, на рѣдкость. Такой дѣвки въ округѣ поискать.

Сватъ. Оно такъ, да насчетъ денегъ не сморгать бы.

Матрена. А насчетъ денегъ не толкуй. Что ей отъ родителей награжденіе было, все при ней. По нонѣшнему времени легко ли—три полста.

Сватъ. Мы и не обижаемся, а свое дѣтище. Все какъ получше хочется.

Матрена. Я тебѣ, сватъ, истинно говорю: кабы не я, въ жизнь бы тебѣ не найти. У нихъ отъ Кормилиныхъ тоже засылка была, ужъ я застояла. А насчетъ денегъ вѣрно сказываю; какъ покойникъ, царство небесное, помиралъ, такъ и приказывалъ, чтобъ въ домъ вдова Микиту приняла, потому мнѣ черезъ сына все извѣстно, а денежки, значить, Акулинѣ. Вѣдь другой бы покорыстовался, а Микита всѣ дочиста отдаетъ. Легко ли, деньжищи какія.

Сватъ. Народъ болтаетъ, денегъ больше за ней приказано. Малый-то тоже проворъ.

Матрена. И, голубчики бѣлые! Въ чужихъ рукахъ ломоть великъ; что было, то и даютъ. Я тебѣ сказываю, ты всѣ четки брось. Закрѣпляй тверже. Дѣвка-то какая, какъ бобочекъ хорошая.

Сватъ. Оно такъ. Мы одно съ бабой мекаемъ насчетъ дѣвки-то: что жъ не вышла? Думаемъ, что жъ какъ хвора?

Матрена. И... и... Она то хвора? Да противъ ней въ округѣ нѣтъ. Дѣвка какъ литая—не ущипнешь. Да вѣдь ты намедни видѣлъ. А работать страсть. Съ глушинкой она, это точно. Ну, да червоточинка красному яблочку не покоръ. А что не вышла-то, это, вѣдашь съ глазу. Сдѣлано надъ ней. И знаю, чья сука смастерила. Знали, вѣдашь, что сговоръ, ну и напущено. Да я отговоръ знаю. Завтра встанетъ дѣвка. Ты насчетъ дѣвки не сумлѣвайся.

Сватъ. Да что жъ, дѣло полагено.

Матрена. То-то, ты ужъ того, и не пятыся. Да меня не забудь. Хлопотала я тоже. Ужъ ты не оставь...

Голосъ бабы изъ сѣней. Ёхать, такъ ёхать, иди, что ль, Иванъ.

С в а т ь. Сейчасъ.

Уходить. Толпятся въ сѣняхъ, уёзжаютъ.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

А н ю т к а выбѣгаетъ изъ сѣней и манить къ себѣ Анисью. Мамушка!

А н и с ь я оттуда. Чего?

А н ю т к а. Мамушка, подь сюда, а то услышатъ.

Отходить съ нею подь сарай.

А н и с ь я. Ну чего? Гдѣ Акулина-то?

А н ю т к а. Она въ амбаръ ушла. Что она тамъ дѣлаеть, страсть! Однава дыхнуть, нѣтъ, говорить, мочи терпѣть. Закричу, говорить, на весь голосъ. Однава дыхнуть.

А н и с ь я. Авось подождетъ. Дай гостей проводимъ.

А н ю т к а. Охъ, мамушка! Тяжко ей какъ. Да и серчаетъ. Напрасно, говорить, они меня пропиваютъ. Я, говорить, не пойду замужъ. Я, говорить, помру. Мамушка, какъ бы она не померла! Страсть, я боюсь.

А н и с ь я. Небось, не помретъ; а ты не ходи къ ней. Иди.

Анисья и Анютка уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

М и т р и ч ь одинъ; идетъ отъ воротъ и принимается подбирать натрушенное сѣно. О, Господи, Микола милостивый! Ви нища то что выдули. Да и духу же напустили. Ажъ во дворѣ воняеть. Ёсть не ёдятъ, только копають. Глядишь,

вязанка. Духъ-то! Ровно подъ носомъ. Ну его. Зѣваетъ. Спать время! Да неохота въ избу итти. Такъ вокругъ носу и вьется. Духовита-жъ, проклятая. Слышно — уѣзжаютъ. Ну, уѣхали. О, Господи, Микола милостивый! Тоже хомутаются, другъ дружку околпачиваютъ. А пустое все.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Митричъ и Никита.

Никита входитъ. Митричъ! иди, что-ль, на печку, я подберу.

Митричъ. Ну что-жъ; ты овцамъ кинь. Что-жъ, проводили?

Никита. Проводили, да неладно все. Ужъ и не знаю, какъ быть.

Митричъ. Эка дрянъ-то! Что-жъ тутъ, на то спитательный. Тамъ, кто хошь его вырони, онъ все подберетъ. Давай сколько хошь, не спрашиваютъ. Да еще деньги даютъ. Только поди въ кормилицы. Нынче это просто.

Никита. Ты, Митричъ, смотри, если что, лишняго не болтай.

Митричъ. А мнѣ что, заматай слѣдъ, какъ знаешь. Эка винищемъ отъ тебя разить какъ. Пойти въ избу. Уходить зѣвая. О, Господи!

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Никита долго молчитъ; садится на сани.

Никита. Ну, дѣла!

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Никита и Анисья.

Анисья выходитъ. Ты гдѣ-жъ тутъ?

Никита. Здѣсь!

Анисья. Чего сидишь? Ждать неколи. Сейчасъ рыно-
сить надо.

Никита. Что-жъ дѣлать будемъ?

Анисья. Я тебѣ сказываю что. То и дѣлай.

Никита. Да вы бы въ воспитательный, коли что.

Анисья. Возьми да и неси, коли тебѣ охота. На па-
кости-то лакомъ, а на раздѣлку-то слабъ, вижу.

Никита. Что дѣлать-то?

Анисья. Говорю, поди въ погребъ, яму вырой.

Никита. Да вы бы такъ какъ-нибудь.

Анисья передразнивая его. Такъ какъ-нибудь. Нельзя,
видно, такъ-то. А ты бы загодя думалъ. Иди, куда посы-
лають.

Никита. Ахъ, дѣла, дѣла!

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ же и Анютка.

Анютка. Мамушка, бабка зоветъ. Должно, у няньки
робеночекъ, однава дыхнуть, закричалъ.

Анисья. Что брешешь, праликъ тебя расшиби. Котята
такъ пищать. Иди въ избу да спи. А то я тебя!

Анютка. Мамушка, милая, пра, ей-Богу...

Анисья замахивается на нее. Я тебя! Чтобъ духу тво-
его не слыхала!

Анютка убѣгаетъ.

Анисья Никитѣ. Поди, дѣлай, что говорятъ. А то смотри!

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

НИКИТА одинъ, долго молчить.

НИКИТА. Ну, дѣла! Охъ, эти бабы. Бѣда! Ты, говорятъ, загодя думалъ бы. Когда загодя думать-то? Когда думать-то? Что-жъ, лѣтось пристала эта Анисья. Ну, что жъ? Развѣ я монахъ? Померъ хозяинъ, что-жъ, я и грѣхъ прикрылъ, какъ должно. Тутъ моей причины нѣтъ. Развѣ мало бываетъ такъ-то? А тутъ порошки эти. Развѣ я на это склонялъ ее? Да кабы я зналъ, я бы ее, суку, убилъ тогда. Право, убилъ бы! Участникомъ въ этихъ пакостяхъ сдѣлала, паскудница! И опостылѣла-жъ она мнѣ съ этого разу. Какъ мнѣ мать сказала тогда, опостылѣла, опостылѣла сна мнѣ, не смотрѣли-бъ на нее глаза. Ну, какъ съ ней жить? И пошло это у насъ!.. Стала эта дѣвка вѣшаться. Что-жъ мнѣ! Не я, такъ другой. А оно вотъ что! Опять-таки моей причины нѣтъ никакой. Охъ, дѣла... Сидитъ задумавшись. Смѣлы-жъ эти бабы, — что придумали. Да не пойду я на это.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

НИКИТА и МАТРЕНА съ фонаремъ и скребкой впопыхахъ выходятъ.

МАТРЕНА. Ты что-жъ сидишь, какъ курица на насѣстѣ? Тебѣ что баба велѣла? Готовъ дѣло-то.

НИКИТА. Что-жъ дѣлать-то будете?

МАТРЕНА. Да мы знаемъ, чо дѣлать; ты-то свое дѣло справляй.

НИКИТА. Запутляете вы меня.

МАТРЕНА. Ты что-жь? Аль пятиться думаешь? До чего дошло, ты и пятиться.

НИКИТА. Вѣдь это какое дѣло! Живая душа тоже.

МАТРЕНА. Э, живая душа! Чего тамъ, чуть душа держится. А куда его дѣтъ-то? Поди, понеси въ воспитательный,—все одно помретъ, а помолвка пойдетъ, сейчасъ разславятъ, и сядетъ у насъ дѣвка на рукахъ.

НИКИТА. А какъ узнаютъ?

МАТРЕНА. Въ своемъ дому да не сдѣлать дѣла. Такъ сдѣлаемъ, что и не попахнетъ. Только дѣлай, что велю. А то наше дѣло бабѣ, тоже безъ мужика никакъ нельзя. На-ка скребочку-то, да слѣзь, да исправь тамъ. А я посвѣчу.

НИКИТА. Что справлять-то?

МАТРЕНА шепотомъ. Ямку выкопай. А тогда вынесемъ и живо приберемъ тамъ. Вонъ она опять кличетъ. Иди, что-ль! А я пойду!

НИКИТА. А что-жь, померъ онъ?

МАТРЕНА. Извѣстно, померъ. Только живѣй надо. А то народъ не полегся. Услышатъ, увидятъ,—имъ все, подлымъ, надо. А урядникъ вечеръ приходилъ. А ты вотъ что. Подаетъ скребку. Слѣзь въ погребъ-то. Тамъ въ уголку выкопай ямку, земляца мягкая, тогда опять заровняешь. Земля-матушка никому не скажетъ, какъ корова языкомъ слижетъ. Иди-же, иди, родной.

НИКИТА. Запутляете вы меня. Ну васъ совсѣмъ. Право, уйду. Дѣлайте однѣ, какъ знаете.

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Тѣ же и Анисья.

Анисья изъ двери. Что-жъ, выкопалъ онъ, что-ль?

МАТРЕНА. Ты что-жъ ушла? Куда дѣла-то его?

Анисья. Веретьемъ прикрыла. Не слышать будетъ. Что-жъ, онъ выкопалъ?

МАТРЕНА. Не хочетъ!

Анисья выскакиваетъ съ бѣшенствомъ. Не хочетъ! А въ острогѣ вшей кормить хочеть?! Сейчасъ пойду, все уряднику скажу. Пропадать заодно. Сейчасъ все скажу!

НИКИТА оторопѣвши. Что скажешь-то?

Анисья. Что? Все скажу! Деньги кто взялъ? Ты! Никита молчитъ. А яду кто давалъ? Я давала! Да ты зналъ, зналъ, зналъ! Съ тобой въ согласіи была!

МАТРЕНА. Да будетъ. Ты, Микишка, что костришься? Ну, что-жъ дѣлать? Потрудиться надо. Иди, ягодка.

Анисья. Ишь ты, чистякъ какой! Не хочешь! Надругался ты надо мной, да будетъ. Поѣздилъ ты на мнѣ, да и мой чередъ пришелъ. Иди, говорю, а то я то сдѣлаю!.. На скребку-то, на! Иди!

НИКИТА. Да ну же, что пристала? Береть скребку, но жметя. Не захочу—не пойду.

Анисья. Не пойдешь? Начинаетъ кричать. Народъ! Э-э!

МАТРЕНА закрываетъ ей ротъ. Что ты! Очумѣла! Онъ пойдетъ... Иди, сынокъ, иди, роженный.

Анисья. Сейчасъ караулъ закричу.

НИКИТА. Да будетъ! Эхъ, народъ этотъ! Да вы живѣй, что-ль. Ужъ заодно.

Идетъ къ погребу.

МАТРЕНА. Да, ужъ дѣло такое, ягодка: умѣль гулять, умѣй и концы хоронить.

Анисья все въ волненіи. Измывался онъ надо мной съ висюгой своей! Да будетъ! Пусть не я одна. Пусть-ка и онъ душегубецъ будетъ. Узнаеть какво.

МАТРЕНА. Ну, ну, распалилась. А ты, дѣушка, не серчай, а потихоньку да помаленьку, какъ получше. Иди къ дѣвкѣ-то. Онъ потрудится.

Идетъ занимъ съ фонаремъ. Никита влѣзаетъ въ погребъ.

Анисья. Ему и задушить велю отродье свое поганое. Все въ волненіи. Измучилась я одна, Петровы кости-то дергаючи. Пускай и онъ узнаеть. Не пожалѣю себя; сказала, не пожалѣю!

НИКИТА изъ погреба. Посвѣти-ка, что ль!

МАТРЕНА свѣтитъ; къ Анисьѣ. Копаеть; иди, неси.

Анисья. Постой надъ нимъ. А то онъ, подлый, уйдетъ. А я пойду вынесу.

МАТРЕНА. Мотри, окрестить не забудь. А то я потружусь. Крестикъ-то есть?

Анисья. Найду, я знаю какъ

Уходить.

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

МАТРЕНА одна и НИКИТА въ погребѣ.

МАТРЕНА. Тоже острабучилась какъ баба. Да и то сказать, обидно. Ну, да слава Богу, дай это дѣло прикроемъ, и концы въ воду. Спихнемъ дѣвку безъ грѣха. Останется сынокъ жить покойно. Домъ, слава Богу, полная чаша. Тоже и меня не забудеть. Безъ Матрены что бъ они были?

Ничего бѣ имъ не обдумать. Въ погребѣ. Готово, что ль, сынокъ?

НИКИТА вылѣзаетъ, голова видна. Чего жѣ тамъ? Несите, что ль! Что валандаетесь? Дѣлать, такъ дѣлать!

ЯВЛЕНІЕ 14 е.

Тѣ же и АНИСЬЯ. Матрена идетъ къ сѣнямъ и встрѣчаетъ Анисью. Анисья выходитъ съ ребенкомъ, завернутымъ въ тряпье.

МАТРЕНА. Что жѣ, окрестила?

АНИСЬЯ. А то какъ же? Насилу отняла,—не даетъ.

Подходить и подаетъ Никитѣ.

НИКИТА не беретъ. Да ты сама снеси.

АНИСЬЯ. На, бери, говорю.

Кидаетъ ему ребенка.

НИКИТА подхватываетъ. Живой! Матушка, родимая, шевелится! Живой! Что жѣ я съ нимъ буду...

АНИСЬЯ выхватываетъ ребенка у него изъ рукъ и кидаетъ въ погребѣ. Задуши скорѣй, не будетъ живой. Сталкиваетъ Никиту внизъ. Твое дѣло, ты и прикончи.

МАТРЕНА садится на приступокъ. Жалостливъ онъ. Трудно ему, сердечному. Ну, да что жѣ! Его грѣхъ тоже. Анисья стоитъ надъ погребомъ. Матрена садится на приступокъ крыльца, поглядываетъ на нее и разсуждаетъ. И-и-и! какъ испужался. Ну, да чтожѣ, хошь и трудно, помимо-то нельзя. Куда дѣнешься-то. Тоже, подумаешь, какъ другой разъ просятъ дѣтей! Анъ, глянь, Богъ не даетъ,—все мертвенькихъ рожаютъ. Вотъ хоть бы попадья... А тутъ не надо его, тутъ и живой. Глядитъ къ погребу. Должно, покончилъ. Къ Анисьѣ. Ну что?

Анисья глядя въ погребъ. Доской прикрылъ да на доску сѣлъ. Кончилъ, должно.

МАТРЕНА. О-охъ! И радъ бы не грѣшить, а что сдѣлаешь?

НИКИТА вылѣзаетъ, трясется весь. Живъ все! Не могу! Живъ!

Анисья. А живъ, такъ куда жъ ты?

Хочетъ остановить его.

НИКИТА бросается на нее. Уйди ты, убью я тебя! Схватываетъ ее за руку, она вырывается, онъ бѣжитъ за ней со скребкой. Матрена бросается къ нему навстрѣчу, останавливаетъ его. Анисья убѣгаетъ на крыльцо. Матрена хочетъ отнять скребку. НИКИТА на мать. Убью... и тебя убью, уйди! Матрена убѣгаетъ къ Анисьѣ на крыльцо. Никита останавливается. Убью. Всѣхъ убью!

МАТРЕНА. Съ испугу это. Ничего, сойдетъ это съ него.

НИКИТА. Что жъ это онѣ сдѣлали? Что онѣ со мной сдѣлали? Пищаль какъ... Какъ захруститъ подо мной. Что онѣ со мной сдѣлали?!.. И живъ все, право, живъ! Молчитъ и прислушивается. Пищитъ... Во пищитъ.

Бѣжитъ къ погребу.

МАТРЕНА къ Анисьѣ. Идетъ,—видно, зарыть хочетъ. Микита, тебѣ бы фонарь.

НИКИТА не отвѣчая, слушаетъ у погреба. Не слышать. Примстилось. Идетъ прочь и останавливается. И какъ захрустятъ подо мной косточки. Кр... кр... Что онѣ со мной сдѣлали? Опять прислушивается. Опять пищитъ, право, пищитъ. Что жъ это? Матушка, а матушка!

Подходить къ ней.

МАТРЕНА. Что, сынокъ?

Никита. Матушка, родимая, не могу я больше. Ничего не могу. Матушка, родимая, пожалѣй ты меня!

Матрена. Охъ, напугался же ты, сердечный. Поди, поди, винца, что ль, выпей для смѣлости.

Никита. Матушка, родимая, дошло, видно, до меня. Что вы со мной сдѣлали? Какъ захрустятъ эти косточки, да какъ запищитъ... Матушка, родимая, что вы со мной сдѣлали?

Отходить и садится на сани.

Матрена. Поди, родной, выпей. Оно точно—ночнымъ дѣломъ жутость беретъ. А дай срокъ, ободняетъ да, вѣдашь, денекъ-другой пройдетъ, и думать забудешь. А ты выпей, выпей поди. Я ужъ сама приберу въ погребѣ-то.

Никита встряхивается. Вино осталось тамъ? Не запью ли?!

Уходитъ. Анисья, стоявшая все время у сѣней, молча сторонится.

ЯВЛЕНИЕ 15-е.

Матрена и Анисья.

Матрена. Иди, иди, ягодка, а ужъ я потружусь, полѣзу сама, закопаю. Скребку-то куда онъ тутъ бросилъ? Находить скребку, спускается въ погребъ до половины. Анисья, подь-ка сюда, посвѣти, что ль?

Анисья. А онъ-то что жъ?

Матрена. Да напугался больно. Напорно ужъ очень ты налегла на него. Не замай, опаматуется; Богъ съ нимъ, ужъ я сама потружусь. Фонарь-то поставь тутъ. Я увижу.

Матрена скрывается въ погребъ.

Анисья на дверь, куда ушелъ Никита. Чго, догулялся? Широко ты былъ, теперъ погоди, самъ узнаешь каково. Пыху-то сбавишь.

ЯВЛЕНИЕ 16-е.

Тѣ же и Никита выскакиваетъ изъ сѣ-
ней къ погребу.

Никита. Матушка, а матушка!

Матрена высовывается изъ погреба. Чего, сынокъ?

Никита прислушивается. Не зарывай: живой онъ. Развѣ
не слышишь? Живой! Во пицить... Во... внятно...

Матрена. Да гдѣ жъ пицать-то? Вѣдь ты его въ блинъ
расплющилъ. Всю головку раздребезжилъ.

Никита. Что жъ это? Затыкаетъ уши. Все пицить! Рѣ-
шился я своей жизни. Рѣшился! Что онъ со мной сдѣлал?!
Куда уйду я?!

Садится на приступки.

Занавѣсъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Изда 1 дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

А н ю т к а раздѣтая лежитъ на конникѣ подъ кафтаномъ, М и т р и ч ъ сидитъ на хорахъ и курить.

М и т р и ч ъ. Ишь, духу-то напустили, въ ротъ имъ ситнаго пирога съ горохомъ. Мимо лили добро-то. И табакомъ не заглушишь. Такъ въ носу и вертитъ. О Господи! Спать, видно.

Подходитъ къ лампочкѣ, хочетъ завернуть.

А н ю т к а вскакиваетъ, садится. Дѣдушка, не туши, голубчикъ!

М и т р и ч ъ. Чего не тушить?

А н ю т к а. А на дворѣ-то гомонили какъ. Прислушивается. Слышишь, опять въ амбаръ пошли?

М и т р и ч ъ. Тебѣ-то чего? Авось тебя не спрашиваютъ. Ложись, да и спи. А я вотъ заверну свѣтъ.

Завертываетъ.

А н ю т к а. Дѣдушка, золотой! не гаси совсѣмъ. Ты хоть въ мышиный глазокъ оставь, а то жуть.

Митричъ смѣется. Ну, ладно, ладно. Присаживается подлѣ нея. Чего жутко-то?

Анютка. Какъ не жутко, дѣдушка! Нянька какъ билась. Объ рундукъ головой билась. Шопотомъ. Я вѣдь знаю... у ней робеночекъ родиться хочеть... Родился ужъ никакъ...

Митричъ. Эка егоза, залягай тебя лягушки. Все тебѣ знать надо. Ложись, да и спи. Анютка ложится. Вотъ такъ-то. Закрываетъ ее. Вотъ такъ-то. А то много знать будешь, скоро состаришься.

Анютка. А ты на печку пойдешь?

Митричъ. А то куда жъ? То-то глупая, посмотрю я. Все ей знать надо. Закрываетъ ее еще и поднимается итти. Вотъ такъ-то лежи, да и спи.

Идетъ къ печи.

Анютка. Разочекъ крикнулъ, а теперъ не слышать.

Митричъ. О, Господи, Микола милостивый!.. Чего не слышать-то?

Анютка. Робеночка.

Митричъ. А нѣтъ его, такъ и не слышать.

Анютка. А я слышала, однова дыхнуть, слышала. Тоненько такъ.

Митричъ. Много ты слышала. А слышала ты, какъ вотъ такую-то дѣвченку, какъ ты, дѣтосѣка въ мѣшокъ посадилъ, да и ну ее.

Анютка. Какой такой дѣтосѣка?

Митричъ. А вотъ такой самый. Лѣзеть на печь. И хороша же печка нынче, тепла. Любо! О Господи, Микола милостивый!

Анютка. Дѣдушка, ты заснешь?

Митричъ. А то что же ты думала—пѣсни играть буду?
Молчаніе.

Анютка. Дѣдушка, а дѣдушка! Копаютъ! ей-Богу, ко-
паютъ—слышь! Однава дыхнуть, копаютъ!

Митричъ. Чего не вздумаетъ — копаютъ! Ночью ко-
паютъ. Кто копаетъ? Корова чешется, а ты—копаютъ! Спи,
говорю, а то сейчасъ свѣтъ погашу.

Анютка. Голубчикъ, дѣдушка, не туши. Не буду... Ей-
Богу, не буду. Страшно мнѣ.

Митричъ. Страшно? Ты не бойся ничего, вотъ и не
будетъ страшно. А то сама боится—и страшно, говорить.
Какъ же не страшно, какъ ты боишься. Эка дѣвчонка
глупая какая. Молчаніе—сверчокъ.

Анютка шопотомъ. Дѣдушка, а дѣдушка, ты заснулъ?

Митричъ. Ну, чего еще?

Анютка. Кака же така дѣтосѣка?

Митричъ. А вотъ така. Вотъ какъ попадется такая-
же, какъ ты—не спать, онъ и придетъ съ мѣшкомъ, да
дѣвчонку шваркъ въ мѣшокъ, да самъ туда же съ головой,
подыметъ ей рубашонку, да и ну хлестать.

Анютка. Да чѣмъ же онъ хлесталь?

Митричъ. А вѣникъ возьметъ.

Анютка. Да онъ тамъ не увидитъ, въ мѣшкѣ-то.

Митричъ. Небось, увидитъ.

Анютка. А я его укушу.

Митричъ. Нѣтъ, братъ, его не укусишь.

Анютка. Дѣдушка, идетъ кто-то! Кто это? Ай, ма-
тушки родимыя! Кто это?

Митричъ. Идетъ, такъ идетъ. Чего жъ ты? Мать, я
чай, идетъ.

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Тѣ же и Анисья входятъ.

Анисья. Анютка! Анютка притворяется, что спитъ. Митричъ!

Митричъ. Чего?

Анисья. Что свѣтъ-то жжете? Мы въ холодной ляжемъ.

Митричъ. Да вотъ только убрался. Я потушу.

Анисья ищетъ въ сундукѣ и ворчитъ. Какъ надо, его никакъ и не найдешь.

Митричъ. Да ты чего ищешь-то?

Анисья. Крестъ ищу, окрестить надо. Помилуй Богъ, помретъ. Некрещеный-то. Грѣхъ вѣдь!

Митричъ. А то какъ же, извѣстно, порядкомъ надо... Что, нашла?

Анисья. Нашла.

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Митричъ и Анютка.

Митричъ. То-то, а то бы я свой далъ. О, Господи!

Анютка вскакиваетъ и дрожитъ. О-о, дѣдушка! Не засыпай ты, Христа ради, страшно какъ!

Митричъ. Да чего страшно-то.

Анютка. Помретъ, должно, робеночекъ-то? У тетки Арины такъ же бабка окрестила,—онъ и померъ.

Митричъ. Помретъ,—похоронятъ.

Анютка. Да, можетъ, онъ бы и не померъ, да бабка Матрена тутъ. Вѣдь я слышала, что бабка-то говорила, одна дыхнуть, слышала.

Митричъ. Чего слышала? Спи, говорю. Закройся съ головой, да и все.

Анютка. А кабы живъ былъ, я бъ его няньчила.

Митричъ рычить. О, Господи!

Анютка. Куда жъ они его дѣнуть?

Митричъ. Туда и дѣнуть, куда надо. Не твоя печаль. Спи, говорю. Вотъ мать придетъ—она тебя!

Молчаніе.

Анютка. Дѣдушка! А дѣвчонку, ты сказывалъ, вѣдь не убили же?

Митричъ. Про ту-то? О, та дѣвчонка въ дѣло вышла!

Анютка. Какъ ты, дѣдушка, сказывалъ, нашли-то ее?

Митричъ. Да такъ и нашли.

Анютка. Да гдѣ жъ нашли? Ты скажи.

Митричъ. Въ ихнемъ домѣ и нашли. Пришли въ деревню, стали солдаты шарить по домамъ, глядь—эта самая дѣвчонка на пузѣ лежитъ. Хотѣли ее пришибить. Да такъ мнѣ скучно стало, взялъ я ее на руки, такъ вѣдь не дается. Отяжелѣла, какъ пять пудовъ въ ней сдѣлалось; а руками цапается за что попало, не отдерешь никакъ. Ну, взялъ я ее, да по головкѣ, по головкѣ. А шершавая, какъ ежъ. Гладить, гладить—затихла. Помочилъ сухарика—далъ ей. Поняла-таки. Погрызла. Что съ ней дѣлать? Взяли ее. Взяли, стали кормить да кормить, да такъ привыкла, съ собой въ походъ взяли, такъ съ нами и шла. Хороша дѣвчонка была.

Анютка. Что жъ, а некрещеная?

Митричъ. А кто е знаетъ. Сказывали, что не вполнѣ. Потому народъ ненашенскій.

Анютка. Изъ нѣмцевъ?

Митричъ. Эка ты: изъ нѣмцевъ не изъ нѣмцевъ,

азіаты. Они все равно какъ жида, а не жида тоже. Изъ поляковъ, а азіаты. Крулды... Круглы прозвище имъ. Да ужъ забылъ я. Дѣвчонку-то мы Сашкой прозвали. Сашка, а хороша была. Вѣдь вотъ все забылъ, а на дѣвчонку, въ ротъ ей ситнаго пирога съ горохомъ, какъ сейчасъ гляжу. Только и помню изъ службы изъ всей. Какъ пороли, помню, да вотъ дѣвчонка въ памяти. Повиснетъ, бывало, на шею и несешь ее. Такая дѣвчонка была, что надо лучше, да некуда. Отдали потомъ. Ротнаго жена въ дочери взяла. И въ дѣло вышла. Жалѣли какъ солдаты!

Анютка. А вотъ, дѣдушка, тоже батя, я помню, какъ помиралъ. Ты еще не жилъ у насъ. Такъ онъ позвалъ Микиту, да и говоритъ: прости меня, говоритъ, Микита... а самъ заплакалъ. Вздыхаетъ. Тоже, какъ жалостно.

Митричъ. А вотъ то-то и оно-то...

Анютка. Дѣдушка, а дѣдушка, вотъ опять шумятъ что-то въ погребѣ. Ай, матушки, сестрицы-голубушки! Охъ! дѣдушка, сдѣлаютъ они что надъ нимъ! Загубятъ они его. Махонькій вѣдь онъ... О-о!

Закрывается съ головой и плачетъ.

Митричъ прислушивается. И впрямъ что-то пакостятъ, дуй ихъ горой. А пакостницы же бабы эти. Мужиковъ похвалить нельзя, а ужъ бабъ... Эти—какъ звѣри лѣсные. Ничего не боятся.

Анютка поднимается. Дѣдушка, а дѣдушка!

Митричъ. Ну, чего еще?

Анютка. Намедни прохожій ночевалъ... сказывалъ, что младенецъ помретъ,—его душка прямо на небо пойдетъ. Правда это?

Митричъ. Кто е знаетъ. Должно такъ. А что?

Анютка. Да хоть бы и я померла.

Хнычетъ.

Митричъ. Помрешь, — изъ счета вонъ.

Анютка. До десяти годовъ все младенецъ, душа къ Богу, може, еще пойдетъ, а то вѣдь изгадишься.

Митричъ. Еще какъ изгадишься-то! Вашей сестрѣ какъ не изгадиться? Кто васъ учить? чего ты увидишь? чего услышишь? Только гнусность одну. Я хоть немного учень, а кое-что да знаю, все не какъ деревенская баба. Деревенская баба что? Слякоть одна. Вашей сестры въ Россіи большіе милліоны, а всѣ какъ кроты слѣпые, — ничего не знаете. Какъ коровью смерть опаживать, привороты всякіе, да какъ подъ насѣсть ребяты носить къ курамъ — это знаютъ.

Анютка. Мамушка и то носила.

Митричъ. А то то и оно-то. Милліоновъ васъ сколько бабъ да дѣвокъ, а всѣ какъ звѣри лѣсные. Какъ выросла, такъ и помреть. Ничего не видала, ничего не слыхала. Мужикъ — тотъ хоть въ кабакъ, а то и въ замкъ, слушаемъ, али въ солдатствѣ, какъ я, узнаеть кое-что. А баба что? Она не то что про Бога, она и про пятницу-то не знаетъ толкомъ какая такая? Пятница, пятница, а спроси какая, она и не знаетъ. Такъ, какъ щенята слѣпые ползають, головами въ навозъ тычутся... Только и знаютъ пѣсни свои дурацкія: го-го, го-го... А что го-го? — сами не знаютъ...

Анютка. А я, дѣдушка, Вотчу до половины знаю.

Митричъ. Знаешь ты много! Да и спросить съ васъ тѣже нельзя. Кто васъ учить? Только пьяный мужикъ поучить когда вожжами. Только и ученія. Ужъ и не знаю,

кто за васъ отвѣчать будетъ. За рекрутовъ — такъ съ дядьки или съ старшого спросятъ. А за вашу сестру и спросить не съ кого. Такъ, безпастушная скотина, озорная самая, бабы эти—самое глупое ваше сословіе. Пустое самое ваше сословіе.

Анютка. А какъ же быть-то?

Митричъ. А такъ и быть... Завернись съ головой и спи. О, Господи!

Молчаніе—сверчокъ.

Анютка вскакиваетъ. Дѣдушка! кричитъ кто-то, не путемъ кто-то! Ей-Богу, право, кричитъ. Дѣдушка, милый, сюда идетъ.

Митричъ. Говорю, съ головой укройся.

ЯВЛЕНІЕ 4-е

Тѣ же, Никита и Матрена.

Никита входитъ. Что онѣ со мной сдѣлали? Что онѣ со мной сдѣлали?!

Матрена. Выпей, выпей, ягодка, винца-то. Что ты?
Достаешь вино и ставишь.

Никита. Давай, не запью ли?

Матрена. Тише! Не спятъ вѣдь. На, выпей.

Никита. Что же это? Зачѣмъ вы это вздумали? Снесли бы куда.

Матрена шопотомъ. Посиди, посиди тутъ, выпей еще, а то покури. Оно разобьетъ мысль-то.

Никита. Матушка, родимая, дошло видно до меня. Какъ запищить, да какъ захрустятъ эти косточки—кр... кр..., не человѣкъ я сталъ

МАТРЕНА. И-и! что говоришь несуразно совсѣмъ. Оно точно—ночнымъ дѣломъ жутость беретъ, а дай ободняется, денекъ-другой пройдетъ, и думать забудешь.

Подходить къ Никитѣ, кладетъ ему руку на плечо.

НИКИТА. Уйди отъ меня! Что вы со мной сдѣлали?

МАТРЕНА. Да что ты, сынокъ, въ самомъ дѣлѣ.

Беретъ его за руку.

НИКИТА. Уйди ты отъ меня! Убью! Мнѣ теперъ все нипочемъ. Убью!

МАТРЕНА. Ахъ, ахъ, напугался какъ! Да иди, что ль, спать-то.

НИКИТА. Некуда мнѣ итти, пропалъ я.

МАТРЕНА качаетъ головой. Охъ, охъ, пойти убрать, а онъ обседитъ, сойдетъ это съ него.

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

НИКИТА, МИТРИЧЪ, АНЮТКА.

НИКИТА сидитъ, закрывъ лицо руками; МИТРИЧЪ и АНЮТКА замерли. Пищитъ, право, пищитъ, во, во... внятно... Зароетъ она его, право, зароетъ! Бѣжитъ въ дверь. Матушка, не зарывай: живой онъ...

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Тѣ же и МАТРЕНА.

МАТРЕНА возвращаясь, шопотомъ. Да что ты, Христось съ тобой! и что не примстится. Гдѣ же живому быть! Вѣдь и косточки всѣ раздребезжены.

НИКИТА. Давай еще вина!

Пьетъ.

МАТРЕНА. Иди, сынокъ. Заснешь теперь, ничего.

НИКИТА стоитъ, слушаетъ. Живъ все... во... пищитъ.
Развѣ не слышишь? Во!

МАТРЕНА шопотомъ. Да нѣтъ же!

НИКИТА. Матушка, родимая, рѣшился я своей жизни!
Что вы со мной сдѣлали? куда уйду я?

Выбѣгаетъ изъ избы, МАТРЕНА за нимъ.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

МИТРИЧЪ и АНЮТКА.

АНЮТКА. Дѣдушка, милый, голубчикъ, задушили они его!

МИТРИЧЪ сердито. Спи, говорю. Ахъ ты, лягай тебя лягушки. Вотъ я тебя вѣникомъ! Спи, говорю.

АНЮТКА. Дѣдушка, золотой! Хватаетъ меня ктой-то за плечушки, хватаетъ ктой-то, лапами хватаетъ. Дѣдушка, милый, однова дыхнуть, пойду сейчасъ. Дѣдушка, золотой, пусти ты меня на печь! Пусти ты меня ради Христа... Хватаетъ... хватаетъ... А-а!

Бѣжить къ печкѣ.

МИТРИЧЪ. Ишь, натращали дѣвчонку какъ... то-то пакостницы, лягай ихъ лягушки. Ну, пролѣзай, что ль.

АНЮТКА лѣзетъ на печь. Да ты не уходи.

МИТРИЧЪ. Куда я пойду? Лѣзь, лѣзь! О, Господи, Микола угодникъ! Матерь Пресвятая Богородица Казанская... Натращали дѣвчонку какъ... Прикрываетъ ее. То-то, дурочка, право, дурочка. . Натращали, право, паскудницы, въ ротъ имъ ситнаго пирога съ горохомъ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Гумно. На первомъ планѣ одонье, слѣва токъ, справа сарай гуменный. Открыты ворота сарая; въ воротахъ солома; въ глубинѣ виденъ дворъ и слышны пѣсни и бубенцы. Идутъ по дорожкѣ мимо сарая къ избѣ двѣ дѣвки.

ЛИЦА V ДѢЙСТВІЯ.

Никита. Анисья. Акулина.
Акимъ. Матрена. Анютка. Марина. Мужъ Марины. 1-я дѣвка.
2-я дѣвка. Урядникъ. Извозчикъ.
Дружко. Сваха. Женихъ Акулины.
Староста. Гости, бабы, дѣвки, народъ на свадьбѣ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Двѣ дѣвки.

1-я дѣвка. Вотъ видишь, какъ прошли, и полусапожекъ не замарали, а слободой-то бѣда! грязно...

Останавливаются, отираютъ соломой ноги.

1-я дѣвка глядитъ въ солому и видитъ что-то. Это что жъ тутъ?

2-я дѣвка разглядываетъ. Митричъ это, работникъ ихній. Вишь, напился какъ.

1-я дѣвка. Да онъ не пиль никакъ?!

2-я дѣвка. До поднесеннаго дня, видно.

1 я дѣвка. Глянь ка, онъ, видно, сюда за соломой пришелъ. Вишь, и веревка въ рукахъ, да такъ и заснулъ.

2-я дѣвка прислушивается. Все еще величаютъ. Должно, еще не благословляли. Акулина-то, сказывали, и выть не выла.

1-я дѣвка. Мамушка сказывала, неохотой идетъ. Ей вотчимъ пригрозилъ, а то бы въ жизнь не пошла. Вѣдь про нее что болтали!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же и Марина догоняетъ дѣвокъ.

Марина. Здорово, дѣвушки!

Дѣвки. Здорово, тетенька!

Марина. На свадьбу, миленькія?

1-я дѣвка. Да ужъ отошла. Такъ, поглядѣть.

Марина. Покличьте вы моего старика, Семена изъ Зуева. Знаете, я чай?

1-я дѣвка. Какъ не знать? Родня онъ жениху никакъ.

Марина. Какъ же, племянникъ моему хозяину-то женихъ-отъ.

2-я дѣвка. Что жъ сама нейдешь? На свадьбу да не итти.

Марина. Неохота, дѣвушка, да и недосугъ. Ёхать надо. Мы не на свадьбу и сбирались. Мы съ овсомъ въ городъ. Покормить остановились, а старика моего и зазвали.

1-я дѣвка. Вы къ кому жъ заѣхали? къ Федорычу?

МАРИНА. У него. Такъ я здѣсь постою, а ты покличь, миленькая, старика-то моего. Вызови, касатка. Скажи: баба твоя, Марина, велѣла ѣхать; товарищи запрягаютъ.

1-я дѣвка. Что жъ, ладно, коли сама не пойдешь.

Дѣвки уходятъ по тропинкѣ ко двору.
Слышны пѣсни и бубенцы.

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

МАРИНА одна.

МАРИНА задумывается. Пойти бы ничего, да неохота, потому не видалась я съ нимъ съ той самой поры, какъ отказался онъ. Другой годъ. А взглянула бъ глазкомъ какъ онъ живетъ съ своей съ Анисьей. Говорятъ люди— нелады у нихъ. Баба она грубая, характерная. Поминалъ, я чай, не разъ. Позарился на прохладную жизнь. Меня промѣнялъ. Ну, да Богъ съ нимъ, я зла не помню. Тогда обидно было. Ахъ, больно было! А теперь перетерлось на себѣ и забыла. А поглядѣла бъ его... Смотритъ ко двору, видитъ Никиту. Вишь ты! Чего жъ это онъ идетъ? Аль дѣвки ему сказали? Что жъ это онъ отъ гостей ушелъ? Уйду я.

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

МАРИНА и НИКИТА идетъ сначала повѣся голову и махая руками и бормочеть.

МАРИНА. Да и сумрачный же какой!

НИКИТА видитъ Марину, узнаетъ. Марина! Другъ любезный, Маринушка! Ты чего?

МАРИНА. Я за старикомъ за своимъ.

НИКИТА. Что жъ на свадьбу не пришла? Посмотрѣла бъ, посмѣялась на меня.

Марина. Чего жъ мнѣ смѣяться-то Я за хозяиномъ пришла.

Никита. Эхъ, Маринушка!

Хочетъ ее обнять.

Марина сердито отстраняется. А ты, Микита, эту ухватку оставь. То было, да прошло. За хозяиномъ пришла. У вась онъ, что ль?

Никита. Не поминать, значить, стараго? Не велишь.

Марина. Старое нечего поминать. Что было, то прошло

Никита. И не воротишь, значить?

Марина. И не воротится. Да ты что жъ ушелъ-то? Хозяинъ, да со свадьбы ушелъ.

Никита садится на солому. Что ушелъ-то? Эхъ, кабы знала ты да вѣдала!. Скучно мнѣ, Марина, такъ скучно, не глядѣли бъ мои глаза. Вылѣзъ изъ-за стола и ушелъ, отъ людей ушелъ, только бъ не видать никого.

Марина подходитъ къ нему ближе. Что жъ такъ?

Никита. А то, что въ ѣдѣ не заѣмъ, въ питьѣ не запью, во снѣ не засплю. Ахъ, тошно мнѣ, такъ тошно! А пуще всего тошно мнѣ, Маринушка, что одинъ я и не съ кѣмъ мнѣ моего горя размыкать.

Марина. Безъ горя, Микита, не проживешь. Да я свое переплакала и прошло.

Никита. Это про прежнее, про старинное. Эхъ, другъ, переплакала ты, а мнѣ вотъ дошло!

Марина. Да что жъ такъ?

Никита. А то, что опостылѣло мнѣ все мое житье. Самъ себѣ опостылѣлъ. Эхъ, Марина, не умѣла ты меня держать, погубила ты меня и сама себя тоже! Что жъ, развѣ это житье?

МАРИНА стоитъ у сарая, плачетъ и удерживается. Я на свое житье, Микита, не жалюсь. Мое житье дай Богъ всякому. Я не жалюсь. Покаялась я тогда старику моему. Простилъ онъ меня. И не попрекаетъ. Я на свою жизнь не обижаюсь. Старикъ смирный и желанный до меня; я его дѣтей одѣваю, обмываю. Онъ меня тоже жалѣетъ. Что жъ мнѣ жалиться. Такъ, видно, Богъ присудилъ. А твое житье что жъ? Въ богатствѣ ты...

НИКИТА. Мое житье!.. Только свадьбу тревожить не хочется, а вотъ взялъ бы веревку, вотъ эту беретъ въ руки веревку съ соломы, да на переметѣ вотъ на этомъ перекинулъ бы. Да петлю расправилъ бы хорошенько, да влѣзъ на переметъ, да головой туда. Вотъ моя жизнь какая!

МАРИНА. Полно, Христось съ тобой!

НИКИТА. Ты думаешь, я въ шутку? Думаешь, что пьянъ? Я не пьянъ. Меня нынче и хмель не беретъ. А тоска, съѣла меня тоска! На отдѣлку, такъ заѣла, что ничто-то мнѣ не мило! Эхъ, Маринушка, только я пожилъ съ тобой... помнишь, на чугункѣ ночи коротали?

МАРИНА. Ты, Микита, не вереди, гдѣ наболѣло. Я законъ приняла и ты тожъ. Грѣхъ мой прощенный, а старое не вороши...

НИКИТА. Что жъ мнѣ съ своимъ сердцемъ дѣлать? Куда дѣваться-то?

МАРИНА. Чего дѣлать-то? Жена у тебя есть, на другихъ не зарься, а свою береги. Любилъ ты Анисью, такъ и люби.

НИКИТА. Эхъ, эта мнѣ Анисья—попынь горькая, только она мнѣ какъ худая трава ноги оплела!

МАРИНА. Какая ни есть, жена... Да что толковать. Поди лучше къ гостямъ, да мнѣ мужа покличь.

НИКИТА. Эхъ, кабы знала ты всѣ дѣла... Да что говорить!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

НИКИТА, МАРИНА, мужъ ея и Анютка.

Мужъ Марины выходитъ отъ двора красный, пьяный. Марина! Хозяйка! Старуха! здѣсь ты, что ль?

НИКИТА. Вотъ и твой хозяинъ идетъ, тебя кличетъ. Иди!

МАРИНА. А ты что жъ?

НИКИТА. Я? Я полежу тутъ.

Ложится въ соломѣ.

Мужъ Марины. Гдѣ жъ она?

Анютка. А вотъ она, дяденька, длѣ сарая.

Мужъ Марины. Чего стоишь? Иди на свадьбу-то! Хозяева велятъ тебѣ итти, честь сдѣлать. Сейчасъ поѣдетъ свадьба, и мы поидемъ.

МАРИНА выходитъ навстрѣчу мужу. Да неохота было.

Мужъ Марины. Иди, говорю. Выпьешь стаканчикъ, Петруньку шельмеца проздравишь. Хозяева обижаются... А мы во всѣ дѣла поспѣемъ.

Мужъ Марины обнимаетъ ее и, шатаясь, съ ней вмѣстѣ уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

НИКИТА и Анютка.

НИКИТА поднимается и садится на солому. Эхъ, увидалъ я ее, еще тошнѣй стало. Только и было жизни, что съ ней. Ни за что про что загубилъ свой вѣкъ; погубилъ я свою голову! Ложится. Куда дѣнусь? Ахъ! Разступись, мать сыра земля.

А н ю т к а видитъ Никит у и бѣжить къ нему. Батюшка, а батюшка! тебя ищутъ. Всѣ, ужъ и крестный, благословили. Однаво дыхнуть, благословили ужъ, серчаютъ.

Н и к и т а про себя. Куда дѣнусь?

А н ю т к а. Ты чего? Чего говоришь-то?

Н и к и т а. Ничего я не говорю. Что пристала?

А н ю т к а. Батюшка пойдемъ, что ль? Никита молчить. А н ю т к а тянетъ за руку. Батя, иди благословлять-то! право слово, серчаютъ, ругаются.

Н и к и т а выдергиваетъ руку. Оставь!

А н ю т к а. Да ну же!

Н и к и т а грозитъ ей вожжами. Ступай, говорю. Вотъ я тебя.

А н ю т к а. Такъ я жъ мамушку приш

бѣгаетъ

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Н и к и т а одинъ.

Поднимается. Ну какъ я пойду? Какъ я образъ возьму? Какъ я ей въ очи гляну? Ложится опять. Охъ, кабы дыра въ землю, ушелъ бы. Не видали бы меня люди, не видалъ бы никого. Опять поднимается. Да не пойду я... Пропадай они совсѣмъ. Не пойду. Снимаетъ сапоги и беретъ веревку; дѣлаетъ изъ нея петлю, прикидываетъ на шею. Такъ-то вотъ.

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Н и к и т а и М а т р е н а. Никита видитъ мать, снимаетъ съ головы веревку и ложится опять въ солому.

М а т р е н а подходитъ впопыхахъ. Микита, а Микита!

Вишь ты, и голоса не подаетъ. Микига, что же ты, аль захмелѣлъ? Иди, Микитушка, иди, иди, ягодка. Заждался народъ.

НИКИТА. Ахъ, что вы со мной сдѣлали? Не человѣкъ я сталъ.

МАТРЕНА. Да чего ты? Иди, родной, честь честью благословенье сдѣлай да и къ сторонѣ. Ждетъ вѣдь на родъ-отъ.

НИКИТА. Какъ мнѣ благословлять-то?

МАТРЕНА. Извѣстно какъ. Развѣ не знаешь?

НИКИТА. Знаю я, знаю я. Да кого я благословлять-то буду? Что я съ ней сдѣлалъ?

МАТРЕНА. Что сдѣлалъ? Эка вздумалъ поминать! Никто не знаетъ: ни котъ, ни кошка, ни попъ Ермошка. А дѣвка сама идетъ

НИКИТА. Какъ идетъ-то?

МАТРЕНА. Извѣстно, изъ-подъ страху идетъ-то. Да идетъ же. Да что жъ дѣлать-то? Тогда бы думала. А теперь ей упираться нельзя. И сватамъ тоже обиды нѣтъ. Смотрѣли два раза дѣвку-то, да и денежки за ней. Все шито, крыто.

НИКИТА. А въ погребѣ-то что?

МАТРЕНА смѣется. Что въ погребѣ? Капуста, грибы, картошки, я чай. Что старое поминать!

НИКИТА. Радъ бы не поминать, да не могу я. Какъ заведешь мысль, такъ вотъ и слышу... Охъ, что вы со мной сдѣлали?

МАТРЕНА. Да что ты въ самомъ дѣлѣ ломаешься?

НИКИТА переворачивается ничкомъ. Матушка, не томи ты меня! Мнѣ вотъ куда дошло!

МАТРЕНА. Да все жъ надо. И такъ болтаетъ народъ,

а тутъ вдругъ ушелъ отецъ, нейдетъ, благословлять не насмѣлится. Сейчасъ прикладывать станутъ. Какъ заробѣешь, сейчасъ догадываться станутъ. Ходи торомъ, не положать воромъ. А то бѣжишь отъ волка, напхаешься на медвѣдя. Пуще всего виду не показывай, не робь, малый, а то хуже вознаютъ.

НИКИТА. Эхъ, запутали вы меня.

МАТРЕНА. Да буде, пойдёмъ. А выдь да благослови; все какъ должно, честь честью и дѣлу конецъ.

НИКИТА лежитъ ничкомъ. Не могу я!

МАТРЕНА сама съ собой. И что сдѣлалось? Все ничего, ничего, да вдругъ нашло. Напущеніе, видно. Микита, вставай! Гляди, вонъ и Анисья идетъ, гостей побросала.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

НИКИТА, МАТРЕНА и АНИСЬЯ.

Анисья нарядная, красная, выпивши. И хорошо какъ, матушка. Такъ хорошо, честно! И какъ народъ доволен!.. Гдѣ жъ онъ?

МАТРЕНА. Здѣсь, ягодка, здѣсь. Въ солому легъ, да и лежитъ. Нейдетъ.

НИКИТА глядитъ на жену. Ишь, тоже пьяная. Гляжу, такъ съ души претъ. Какъ съ ней жить! Поворачивается ничкомъ. Убью я ее когда-нибудь. Хуже будетъ!

Анисья. Вишь куда, въ солому забрался. Аль хмель изнялъ? Смѣется. Полежала бъ и я съ тобой тутъ, да неколи. Пойдемъ, доведу. А ужъ какъ хорошо въ домъ-то. Лестно поглядѣть. И гармонія! Играютъ бабы, хорошо какъ. Пьяные всѣ. Ужъ такъ почетно, хорошо такъ!

Никита. Что хорошо-то?

Анисья. Свадьба, веселая свадьба. Всѣ люди говорятъ, на рѣдкость свадьба такая. Такъ честно, хорошо все. Иди же. Вмѣстѣ пойдемъ... я выпила, да доведу.

Береть за руку.

Никита отдергивается съ отвращеніемъ. Иди одна. Я приду.

Анисья. Чего кауришься-то! Всѣ бѣды избыли, разлучницу сбыли, жить намъ только, радоваться. Все такъ честно, по закону. Ужъ такъ я рада, что и сказать нельзя. Ровно я за тебя въ другой замужъ иду. И-и! народъ какъ доволенъ! Всѣ благодарятъ. И гости все хорошіе. И Иванъ Мосеичъ тоже и господинъ урядникъ. Тоже повеличали.

Никита. Ну, и сиди съ ними, зачѣмъ пришла?

Анисья. Да и то итти надо. А то къ чему пристало, хозяева ушли и гостей побросали. А гости все хорошіе.

Никита встаетъ, обираетъ съ себя солому. Идите, а я сейчасъ приду.

Матрена. Ночная-то кукушка денную перекуковала. Меня не послухалъ, а за женой сейчасъ пошелъ. Матрена и Анисья идутъ. Идешь, что ль?

Никита. Сейчасъ приду. Вы идите, я слѣдомъ. Приду, благословлять буду... Бабы останавливаются. Идите.. а я слѣдомъ. Идите же!

Бабы уходятъ. Никита глядитъ имъ вслѣдъ задумавшись.

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Никита одинъ, потомъ Митричъ.

Никита садится и разувается. Такъ и пошелъ я! Какъ

же! Нѣтъ, вы поищите, на переметѣ нѣтъ ли. Распроталъ петлю да прыгнулъ съ перемета—и ищи меня. И вожжи, спасибо, тутъ. Задумывается. То бы размыкалъ, какое ни будь горе, размыкалъ бы! А то вснѣ оно гдѣ, въ сердцѣ оно, не вынешь никакъ. Приглядывается ко двору. Никакъ опять идетъ. Передразниваетъ Анисью. «Хорошо, и хорошо какъ! Полежу съ тобой!» У! шкуреха подлая! На жѣ тебѣ, обнимайся со мной, какъ съ перемета снимутъ. Одинъ конецъ.

Схватываетъ веревку, дергаетъ ее.

Митричъ пьяный, поднимается, не пускаетъ веревку. Не дамъ. Никому не дамъ. Самъ принесу. Сказалъ, принесу соломы—принесу! Микита, ты? Смѣется. Ахъ, чортъ! Аль за соломой?

Никита. Давай веревку.

Митричъ. Нѣтъ, ты погоди. Послали меня мужики. Я принесу... Поднимается на ноги, начинаетъ сгребать солому, но шатается, справляется и подъ конецъ падаетъ. Ея верхъ. Пересилила!..

Никита. Давай вожжи-то.

Митричъ. Сказалъ, не дамъ. Ахъ, Микишка, глупъ ты, какъ свиной пупъ. Смѣется. Люблю тебя! а глупъ ты. Ты глядишь, что я запилъ; а мнѣ чортъ съ тобой! Ты думаешь, ты мнѣ нуженъ... Ты гляди на меня! Я унтеръ Дуракъ, не умѣешь сказать: унтеръ-офицеръ гренадерскаго ея величества самаго перваго полка. Царю, отечеству служилъ вѣрой и правдой. А я кто? Ты думаешь, я воинъ? Нѣтъ, я не воинъ, а я самый послѣдній человекъ, сирота я, заблудушій я. Зарекся я пить. А теперь закурилъ... Что жѣ, ты думаешь, я боюсь тебя? Какъ же! Никого не боюсь. Запилъ, такъ запилъ! Теперь недѣли двѣ смолить буду,

картошку подь орѣхъ раздѣлаю! До креста пропьюсь, шапку пропью, билетъ заложу и не боюсь никого. Меня въ полку пороли, чтобы не пилъ я. Стегали, стегали.. «что, говорятъ, будешь?» Буду, говорю. Чего ихъ бояться-то; вотъ онъ я! Какой есть, такого Богъ зародилъ. Зарекся не пить— не пилъ. Теперь запилъ—пью! И не боюсь никого. Потому не вру, а какъ есть... Чего ихъ бояться-то, дерьма-то. На-те, молъ, вотъ онъ я! Мнѣ попъ одинъ сказывалъ. Дьяволъ—онъ, самый хвастунъ. Какъ, говоритъ, началъ ты хвастать, сейчасъ ты и заробѣешь. А какъ сталъ робѣть отъ людей, сейчасъ онъ, безпный-то, сейчасъ и сцапалъ тебя и поперъ, куда ему надо. А какъ не боюсь я людей-то, мнѣ и легко. Начхаю ему въ бороду, лопатому-то, матери его поросятины. Ничего онъ мнѣ не сдѣлаетъ. На молъ, выкуси.

Никита крестится. И что жъ это я въ самомъ дѣлѣ?

Бросаетъ веревку.

Митричъ. Чего?

Никита поднимается. Не велишь бояться людей?

Митричъ. Есть чего бояться, дерьма-то. Ты ихъ банъ-то погляди. Всѣ изъ одного тѣста. У одного потолще брюхо, а то потоньше, только и различки въ нихъ. Вона! кого бояться, въ ротъ имъ ситнаго пирога съ горохомъ.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Никита, Митричъ, Матрена выходитъ изъ двора.

Матрена кличетъ. Что жъ, идешь что ль?

Никита. Охъ! Да и лучше такъ-то. Иду!

Идетъ ко двору.

Занавѣсъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Перемѣна декораціи. Изба I дѣйствія полна народомъ, сидящимъ за столами и стоящимъ. Въ переднемъ углу Акулина съ женихомъ. На столѣ иконы и хлѣбъ. Въ числѣ гостей Марина, мужъ ея и урядникъ. Бабы поютъ пѣсни. Анисья разноситъ вино. Пѣсни замолкаютъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Анисья, Марина, мужъ Марины, Акулина, женихъ, извозчикъ, урядникъ, сваха, дружка, Матрена, гости и народъ.

Извозчикъ. Ъхать, такъ ѡхать, а церковь развѣ близко.

Дружка. А вотъ дай срокъ, вотчимъ благословить. Да гдѣ жъ онъ?

Анисья. Идетъ, сейчасъ идетъ, миленькіе. Кушайте еще по стаканчику, не обижайте.

Сваха. Что жъ долго? Ужъ съкакого времени ждемъ.

Анисья. Придетъ. Сейчасъ придетъ. Стриженная дѣвка косы не заплететъ, тутъ будетъ. Кушайте, миленькіе.

Подносить вино. Сейчасъ идетъ. Поиграйте еще, красавицы, пока что.

Извозчикъ. Да ужъ всѣ пѣсни припѣли ожидавши.

Бабы поютъ; посрединѣ пѣсни входятъ Никита и Акимъ.

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Тѣ же, Никита и Акимъ.

НИКИТА держитъ Акима за руку и подталкиваетъ впередъ себя. Иди, батюшка, безъ тебя нельзя.

АКИМЪ. Не люблю я, значить, тае...

НИКИТА на бабъ. Буде, замолчите. Оглядываетъ всѣхъ въ избѣ. Марина, ты тутъ?

СВАХА. Иди, бери образъ, благословляй.

НИКИТА. Погоди, дай срокъ. Оглядывается. Акулина, ты здѣсь?

СВАХА. Да что ты народъ перекликаешь? Гдѣ жъ ей быть-то? Что онъ чудной какой...

АНИСЬЯ. Батюшки родимые! Да что жъ онъ разутый.

НИКИТА. Батюшка! ты здѣсь? Гляди на меня! Миръ православный, вы всѣ здѣсь! и я здѣсь! Вотъ онъ я!

Падаетъ на колѣни.

АНИСЬЯ. Микитушка, чтой-то ты? О, головушка моя!

СВАХА. Вотъ на!

МАТРЕНА. Я и говорю: перепиль онъ французскаго, что ль, много. Опамятуйся, что ты?

Хотятъ поднять его, онъ не обращаетъ ни на кого вниманія, глядитъ передъ собой.

НИКИТА. Миръ православный! Виновать я, каяться хочу.

МАТРЕНА тащитъ его за плечо. Что ты, съ ума спятиль? Миленькіе, у него умъ зашелся, увести его.

НИКИТА отстраняетъ ее плечомъ. Оставь! А ты, батюшка, слушай. Первое дѣло! Маринка, гляди сюда. Кланяется ей въ ноги и поднимается. Виноватъ я передъ тобой, обѣщаль тебя замужъ взять, соблазнилъ тебя. Тебя обманулъ, кинулъ, прости меня, Христа ради.

Опять кланяется въ ноги.

АНИСЬЯ. И чего разлопоушился? Не къ лицу совсѣмъ. Что никто не спрашиваетъ. Встань ты, что озорничаешь.

МАТРЕНА. О-охъ, напущено это на него. И что это сдѣлалось? Попорченъ онъ. Встань, что пустое болтаешь.

Тянетъ его.

НИКИТА мотааетъ головой. Не тронь! Прости, Марина. Грѣхъ мой передъ тобой, прости Христа ради.

Марина закрывается руками, молчить.

АНИСЬЯ. Встань, говорю, что озорничаешь. Вспоминать вздумалъ. Буде форсить. Стыдно! О, головушка моя! Что это, очумѣлъ совсѣмъ.

НИКИТА отталкиваетъ жену, поворачивается къ Акулинѣ. Акулина, къ тебѣ рѣчь теперь. Слушайте, міръ православный! Окаянный я. Акулина! виноватъ я передъ тобой. Твой отецъ не своею смертью померъ. Ядомъ отравили его.

АНИСЬЯ вскрикиваетъ. Головушка моя! Да что онъ?

МАТРЕНА. Не въ себѣ человѣкъ. Уведите жъ вы его, Народъ подходитъ, хочетъ взять его.

АКИМЪ отслоняетъ руками. Постой! Вы, ребята, тае, постой, значить.

НИКИТА. Акулина, я его ядомъ отравилъ. Прости меня, Христа ради.

Акулина вскакиваетъ. Брешетъ онъ! Я знаю кто.

Сваха. Что ты? Ты сиди.

Акимъ. О, Господи! Грѣхъ-то, грѣхъ-то.

Урядникъ. Берите его! А старосту пошлите да понятыхъ. Надо актъ составить. Встань-ка ты, поди сюда.

Акимъ на урядника. А ты, значить, тае, свѣтлыя пуговицы, тае, значить, погоди. Дай онъ, тае, скажетъ, значить.

Урядникъ Акиму. Ты, старикъ, смотри, не мѣшайся. Я долженъ составить актъ.

Акимъ. Экій ты, тае. Погоди, говорю. Объ ахтѣ, тае, не толкуй, значить. Тутъ, тае, Божье дѣло идетъ... кается человекъ, значить, а ты, тае, ахту...

Урядникъ. Старосту!

Акимъ. Дай Божье дѣло отойдетъ, значить, тогда, значить, ты и, тае, справляй, значить.

Никита. Еще, Акулина, предъ тобой грѣхъ мой великій: соблазнилъ я тебя, прости Христа ради!

Кланяется ей въ ноги.

Акулина выходитъ изъ-за стола. Пусти меня, не пойду замужъ. Онъ мнѣ велѣлъ, а теперь не пойду.

Урядникъ. Повтори, что сказалъ.

Никита. Погодите, господинъ урядникъ, дайте до-сказать.

Акимъ въ восторгѣ. Говори, дитятко, все говори, — легче будетъ. Кайся Богу, не бойся людей. Богъ то, Богъ-то! Онъ во!..

Никита. Отравилъ я отца, погубилъ я, песь, и дочь. Моя надъ ней власть была, погубилъ ее и ребеночка.

Акулина. Правда это, правда.

Никита. На погребицѣ доской ребеночка ея задушилъ.

Сидѣлъ на немъ... душилъ... а въ немъ косточки хрустѣли. Плачетъ. И я закопалъ въ землю. Я сдѣлалъ, одинъ я!

Акулина. Брешеть! Я велѣла...

Никита. Не щити ты меня! Не боюсь я теперь никого! Прости меня, мѣръ православный!

Кланяется въ землю. Молчаніе.

Урядникъ. Вяжите его, свадьба ваша, видно, разстроилась.

Подходитъ народъ съ кушаками.

Никита. Погоди, поспѣешь... Отцу кланяется въ ноги. Батюшка родимый! прости и ты меня, окаяннаго! Говорилъ ты мнѣ спервоначала, какъ я этой блудней скверной занялся, говорилъ ты мнѣ: «коготокъ увязъ—и всей птичкѣ пропасть», не послушалъ я, песь, твоего слова, и вышло по-твоему. Прости меня, Христа ради.

Акимъ въ восторгѣ. Богъ проститъ, дитяtko родимое, Обнимаетъ его. Себя не пожалѣлъ, Онъ тебя пожалѣтъ. Богъ-то, Богъ-то! Онъ во!..

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ же и староста.

Староста входитъ. Понятыхъ и здѣсь много.

Урядникъ. Сейчасъ допросъ снимемъ.

Никиту вяжутъ.

Акулина подходитъ, становится рядомъ. Я скажу правду. Допрашивай и меня.

Никита связанный. Нечего допрашивать. Все я одинъ сдѣлалъ. Мой и умыселъ, мое и дѣло. Ведите, куда знаете. Больше ничего не скажу!

Занавѣсъ.

ПЛОДЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Леонидъ Ѳедоровичъ Звѣздинцевъ, отставной поручикъ конной гвардіи, владѣтель 24 тысячъ десятинъ въ разныхъ губерніяхъ. Свѣжій мужчина, около 60 лѣтъ, мягкій, пріятный джентльменъ. Вѣритъ въ спиритизмъ и любитъ удивлять другихъ своими разсказами.

Анна Павловна Звѣздинцева, его жена, полная, молодящаяся дама, озабоченная свѣтскими приличіями, презирающая своего мужа и слѣпо вѣрящая доктору. Дама раздражительная.

Бетси, ихъ дочь, свѣтская дѣвица, лѣтъ 20-ти, съ распушенными манерами, подражающими мужскимъ, въ *pince-nez*. Кокетка и хохотунья. Говоритъ очень быстро и очень отчетливо, поджимая губы, какъ иностранка.

Василій Леонидычъ, ихъ сынъ, 25-ти лѣтъ, кандидатъ юридическихъ наукъ, безъ опредѣленныхъ занятій, членъ общества велосипедистовъ, общества конскихъ ристалищъ и общества поощренія борзыхъ собакъ. Молодой человѣкъ, пользующійся прекраснымъ здоровьемъ и несокрушимою самоувѣренностью. Говоритъ громко и отрывисто. Либо вполне серьезенъ, почти мраченъ, либо шумно веселъ и хохочетъ громко.

Алексѣй Владиміровичъ Кругосвѣтловъ, профессоръ, ученый, лѣтъ 50-ти, со спокойными, пріятно

самоувѣренными манерами и такою же медлительною, пѣвучею рѣчью. Охотно говорить. Къ несоглашающимся съ собой относится кротко-презрительно. Много курить. Худой, подвижной человѣкъ.

Докторъ, лѣтъ 40, здоровый, толстый, красный человѣкъ. Громогласенъ и грубъ. Постоянно самодовольно посмѣивается.

Марья Константиновна, дѣвица лѣтъ 20-ти, воспитанница консерваторіи, учительница музыки, съ махрами на лбу, въ преувеличенно-модномъ туалетѣ, заискивающая и конфузящаяся.

Петрищевъ, лѣтъ 28, кандидатъ филологическихъ наукъ, ищущій дѣятельности, членъ тѣхъ же обществъ, какъ и Василій Леонидычъ, и, кромѣ того, общества устройства ситцевыхъ и коленкорovýchъ баловъ. Плѣшивый, быстрый въ движеніяхъ и рѣчи и очень учтивый.

Баронесса, важная дама, лѣтъ 50-ти, неподвижная, говорить безъ интонацій.

Княгиня, свѣтская дама, гостя.

Княжна, свѣтская дѣвица, гримасница, гостя.

Графиня, древняя дама, насилу движущаяся, съ фальшивыми буклями и зубами.

Гросманъ, брюнетъ еврейскаго типа, очень подвижной, нервный, говорить очень громко.

Толстая барыня, Марья Васильевна Толбухина, очень важная, богатая и добродушная дама, знакомая со всѣми замѣчательными людьми, прежними и теперешними. Очень толстая, говорить поспѣшно, стараясь переговорить другихъ. Курить.

Баронъ Клингенъ (Кокó), кандидатъ петербургскаго

университета, камеръ-юнкеръ, служащій при посольствѣ. Вполнѣ correct и потому спокоенъ душой и тихо весель.

Дама.

Барыня (безъ словъ).

Сахатовъ, Сергѣй Ивановичъ, лѣтъ 50-ти, бывшій товарищъ министра, элегантный господинъ широкаго европейскаго образованія, ничѣмъ не занятъ и всѣмъ интересуется. Держитъ себя достойно и даже нѣсколько строго.

Федоръ Ивановичъ, камердинеръ, лѣтъ подь 60. Образованный и любящій образованіе человѣкъ, злоупотребляющій употребленіемъ pince-nez и носового платка, который онъ медленно развертываетъ. Слѣдитъ за политической. Человѣкъ умный и добрый.

Григорій, лакей, лѣтъ 28, красавецъ собой, развратный, завистливый и смѣлый.

Яковъ, лѣтъ 40, буфетчикъ, суетливый, добродушный, живущій только деревенскими семейными интересами.

Семенъ, буфетный мужикъ, лѣтъ 20, здоровый, свѣжій деревенскій малый, бѣлокурый, безъ бороды еще, спокойный, улыбающійся.

Кучеръ, лѣтъ 35, щеголь, съ усами только, грубый и рѣшительный.

Старый поваръ, лѣтъ 55, лохматый, небритый, раздутый, желтый, трясущійся, въ нанковомъ лѣтнемъ оборванномъ пальто и грязныхъ штанахъ, въ опоркахъ; говоритъ хрипло; слова вырываются изъ него какъ бы черезъ преграду.

Кухарка, говорунья, недовольная, лѣтъ 30.

Швейцаръ, отставной солдатъ.

Таня, горничная, лѣтъ 19-ти, энергичная, сильная,

веселая и быстро измѣняющая настроеніе дѣвушка. Въ минуты сильнаго возбужденія радости взвизгиваетъ.

1-й мужикъ, лѣтъ 60-ти, ходилъ старшиной, полагаетъ, что знаетъ обхожденіе съ господами, и любитъ себя послушать.

2-й мужикъ, лѣтъ 45-ти, хозяинъ, грубый и правдивый, не любитъ говорить лишняго. Отецъ Семена.

3-й мужикъ, лѣтъ 70-ти, въ лаптяхъ, нервный, безпокойный, торопится, робѣетъ и разговоромъ заглушаетъ свою робость.

1-й выѣздной лакей графини, старикъ стараго звѣта, съ лакейскою гордостью.

2-й выѣздной лакей, огромный, здоровый, грубый.

Артельщикъ изъ магазина, въ синей поддевкѣ, съ чистымъ румянымъ лицомъ. Говоритъ твердо, внушительно и ясно.

Дѣйствіе происходитъ въ столицѣ, въ домѣ Звѣздинцевыхъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ переднюю богатаго дома въ Москвѣ. Три двери: наружныя, въ кабинетъ Леонида Федоровича и въ комнату Василя Леонидыча. Лѣстница наверхъ, во внутренніе покои; сзади нея проходъ въ буфетъ

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Григорій, молодой и красивый лакей, глядится въ зеркало и прихорашивается.

Григорій. А жаль усовъ! Не годится, говорить, лакею усы! А отчего? Чтобы видно было, что ты лакей. А то какъ бы не превзошелъ сына ея любезнаго. И есть кого! Хоть бы и безъ усовъ, а далеко ему... Вглядывается съ улыбкой. И сколько ихъ за мной волочатся! Только никто вотъ не нравится, какъ Таня эта! Простая горничная! Н-да! А вотъ лучше барышни. Улыбается. Да и мила! Прислушивается. Вишь, постукиваетъ каблучками... в-ва!..

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Григорій и Таня съ шубкой и ботинками.

Григорій. Татьянѣ Марковнѣ мое почтеніе!

Таня. Что, смотрите все? Думаете, очень изъ себя хороши?

Григорій. А что, неприятенъ?

Таня. Такъ, ни пріятенъ, ни не пріятенъ, а середка на половину. Что жъ это у васъ шубы-то понавѣшаны?

Григорій. Сейчасъ, сударыня, уберу. Снимаетъ шубу и накрываетъ ею Таню, обнимая ее. Таня, что я тебѣ скажу...

Таня. Ну васъ совсѣмъ! И къ чему это пристало! Серdito вырывается. Говорю же, оставьте!

Григорій оглядывается. Поцѣлуйте же.

Таня. Да что вы въ самомъ дѣлѣ пристали? Я васъ такъ поцѣлую!..

Замахивается.

Василій Леонидычъ. За сценой слышенъ звонокъ и потомъ крикъ. Григорій!

Таня. Вонъ, идите. Василій Леонидычъ зоветъ.

Григорій. Подождетъ; онъ только глаза продраль. Слушай-ка, отчего не любишь?

Таня. И какія такія любви выдумали! Я никого не люблю.

Григорій. Неправда, Семку любишь. И нашла-же кого, буфетнаго мужика сиволалаго.

Таня. Ну, какой ни на есть, да вотъ вамъ завидно.

Василій Леонидычъ за сценой. Григорій!

Григорій. Поспѣешь!.. Есть чему завидовать! Вѣдь ты только начала образовываться и съ кѣмъ связываешься? То ли дѣло меня бы полюбила... Таня...

Таня сердито и строго. Говорю, не будетъ вамъ ничего.

Василій Леонидычъ за сценой. Григорій!!!

Григорій. Ужъ очень строго себя ведете.

Василій Леонидычъ за сценой, упорно, ровно, во всю мочь кричитъ. Григорій! Григорій! Григорій!

Таня и Григорій смѣются.

Григорій. Меня вѣдь какія любили!

Звонокъ.

Таня. Ну и идите къ нимъ, а меня оставьте.

Григорій. Глупая ты, посмотрю. Вѣдь я не Семень.

Таня. Семень жениться хочетъ, а не глупости.

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Григорій, Таня и артельщикъ
несетъ большой картонъ съ платьемъ

Артельщикъ. Съ добрымъ утромъ!

Григорій. Здравствуйте. Отъ кого?

Артельщикъ. Отъ Бурдые, съ платьемъ, да вотъ записка барынѣ.

Таня беретъ записку. Посидите тутъ, я подамъ.

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Григорій, артельщикъ и Василий Леонидычъ
высовывается изъ дверейъ рубашкѣ
и туфляхъ.

Василій Леонидычъ. Григорій!

Григорій. Сейчасъ.

Василій Леонидычъ. Григорій! развѣ не слышишь?

Григорій. Я только пришелъ.

Василій Леонидычъ. Воды теплой и чаю.

Григорій. Сейчасъ Семень принесетъ.

Василій Леонидычъ. А это что? отъ Бурдые?

Артельщикъ. Такъ точно-съ.

Василій Леонидычъ и Григорій уходятъ. Звонокъ.

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Артельщикъ и Таня

вбѣгаетъ на звонокъ и открываетъ
дверь.

Таня артельщику. Подождите.

Артельщикъ. И такъ дожидаюсь.

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Артельщикъ, Таня и Сахатовъ

входитъ въ дверь.

Таня. Извините, сейчасъ вышелъ лакей. Да вы пожалуйста. Позвольте!

Снимаетъ шубу.

Сахатовъ оправляясь. Дома Леонидъ Федоровичъ? встали?

Звонокъ.

Таня. Какъ же, давно ужъ!

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Артельщикъ, Таня и Сахатовъ.

Входитъ докторъ.

Докторъ ищетъ лакея; увидавъ Сахатова, съ развязностью. А! мое почтеніе!

Сахатовъ пристально вглядывается. Докторъ, кажется?

Докторъ. А я думалъ, что вы за границей. Къ Леониду Федоровичу?

Сахатовъ. Да. А вы что же? Боленъ развѣ кто?

Докторъ посмѣиваясь. Не то, чтобы боленъ, а знаете, съ этими барынями бѣда! До трехъ часовъ каждый день си-

дить за винтомъ, а сама тянется въ рюмку. А барыня сырая, толстая, да и годочковъ-то не мало.

Сахатовъ. Вы такъ и Аннѣ Павловнѣ высказываете вашъ діагнозъ? Ей не нравится, я думаю.

Докторъ смѣясь. Что же, правда. Всѣ эти штуки продѣлываютъ, а потомъ разстройство пищеварительныхъ органовъ, давленіе на печень, нервы,—ну, и пошла писать, а ты ее подправляй. Бѣда съ ними! Посмѣивается. А вы что? Вы, кажется, спирить тоже?

Сахатовъ. Я? Нѣтъ, я неспирить тоже... Ну, мое почтеніе!

Хочетъ итти, но докторъ останавливается.

Докторъ. Нѣтъ, вѣдь я тоже не отрицаю вполне, какъ такой человѣкъ, какъ Кругосвѣтловъ, принимаетъ участіе. Нельзя же! Профессоръ, европейская извѣстность. Чтонибудь да есть. Хотѣлось какъ-нибудь посмотреть, да все некогда, другое дѣло есть.

Сахатовъ. Да, да. Мое почтеніе!

Уходитъ съ легкимъ поклономъ.

Докторъ. Танѣ. Встали?

Таня. Въ спальнѣ. Да вы пожалуйста.

Сахатовъ и докторъ расходятся въ разныя стороны.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Артельщикъ, Таня и Ѳедоръ Иваннычъ
входитъ съ газетой въ рукахъ.

Ѳедоръ Иваннычъ къ артельщику. Вы что?

Артельщикъ. Отъ Бурды съ платьемъ да съ запиской. Велѣли подождать.

Федоръ Ивановичъ. А, отъ Бурдые! Къ Танѣ. Кто это пришелъ?

Таня. Сахатовъ, Сергѣй Ивановичъ, и еще докторъ. Они тутъ постояли, поговорили. Все о спиритичествѣ.

Федоръ Ивановичъ поправляя. Объ спиритизмѣ.

Таня. Да я и говорю о спиритичествѣ. А вы слышали, Федоръ Ивановичъ, какъ прошлый разъ удалось хорошо? Смѣется. И стучало, и вещи перелетали.

Федоръ Ивановичъ. А ты почему знаешь?

Таня. А Лизавета Леонидовна сказывали.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Таня, Федоръ Ивановичъ, артельщикъ и Яковъ
буфетчикъ

бѣжитъ съ стаканомъ чаю.

Яковъ къ артельщику. Здравствуйте!

Артельщикъ грустно. Здравствуйте.

Яковъ стучитъ въ дверь къ Василию Леонидычу.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же и Григорій.

Григорій. Давай.

Яковъ. А стаканы вчерашніе все не принесли, да и поднось отъ Василя Леонидыча. Вѣдь съ меня спросятъ.

Григорій. Поднось занятъ у него съ сигарками.

Яковъ. Такъ вы переложите. Вѣдь съ меня взыскиваютъ.

Григорій. Принесу, принесу!

Яковъ. Вы говорите, принесу, а его нѣтъ. Намедни хватились, а подавать не на чемъ.

Григорій. Да принесу, говорю. Эка суета!

Яковъ. Вамъ хорошо такъ говорить, а я вотъ третій чай подавай да завтракъ собирай. Треплешься, треплешься день деньской. Есть ли у кого въ домѣ больше моего дѣла? А все нехорошъ!

Григорій. Да ужъ чего лучше? Вишь какъ хорошъ!

Таня. Вамъ всѣ нехороши, только вы одинъ...

Григорій къ Танѣ. Тебя не спросили!

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Таня, Яковъ, Ѳедоръ Ивановичъ и артельщикъ.

Яковъ. Да что, я не обижаюсь... Татьяна Марковна, барыня не говорила ничего про вчерашнее?

Таня. Это объ лампѣ-то?

Яковъ. И какъ это она вырвалась изъ рукъ, Богъ ее знаетъ. Только сталъ обтирать, хотѣлъ перехватить,—вышмыгнула какъ-то... Въ мелкіе кусочки! Все мое несчастье! Ему хорошо, Григорію-то Михайлычу, говорить, какъ онъ одинъ головой, а вотъ какъ семья? Вѣдь тоже надо обдумать да прокормить. Я на труды не смотрю... Такъ ничего не говорила? Ну, и слава Богу!.. А ложечки у васъ, Ѳедоръ Ивановичъ, одна или двѣ?

Ѳедоръ Ивановичъ. Одна, одна.

Читаетъ газету. Яковъ уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Таня, Ѳедоръ Ивановичъ и артельщикъ. Слышенъ звонокъ. Входятъ Григорій съ подносомъ и швейцаръ.

Швейцаръ Григорію. Доложите барину: мужики изъ деревни.

Григорій, указывая на Федора Иваныча Дворецкому доложи, а мнѣ некогда.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Таня, Федоръ Иванычъ, швейцаръ
и артельщикъ.

Таня. Откуда мужики?

Швейцаръ. Изъ Курской, кажется.

Таня взвизгиваетъ. Они... Это Семеновъ отецъ о землѣ. Пойду встрѣчу.

Бѣжить.

ЯВЛЕНІЕ. 14-е.

Федоръ Иванычъ, швейцаръ и артельщикъ.

Швейцаръ. Такъ какъ скажете: пустить ихъ сюда или какъ? Они говорятъ—объ землѣ, баринъ знаетъ.

Федоръ Иванычъ. Да, о покупкѣ земли. Такъ, такъ. Гость у него теперь. Ты вотъ что: скажи, чтобъ подождали.

Швейцаръ. Гдѣ жъ ждать?

Федоръ Иванычъ. Пусть на дворѣ подождутъ; я тогда вышлю.

Швейцаръ уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Федоръ Иванычъ, Таня, за ней три мужика, Григорій и артельщикъ.

Таня. Направо. Сюда, сюда!

Федоръ Ивановичъ. Я не велѣлъ пускать, было, сюда.

Григорій. То-то, егоза!

Таня. Да ничего, Федоръ Ивановичъ, они тутъ съ краешка.

Федоръ Ивановичъ. Натопчуть.

Таня. Они ноги обтерли, да я и подотру. Мужикамъ. Вотъ тутъ станьте.

Мужики входятъ, несутъ гостинцы въ платкахъ: куличъ, яйца, полотенца; ищутъ на что креститься. Крестятся на лѣстницу, кланяются Федору Ивановичу и становятся твердо

Григорій. Федору Ивановичу. Федоръ Ивановичъ! вотъ говорили, отъ Пироне фасонисты щиблетки, ужъ это чего лучше у энтого-то?

Показываетъ на третьяго мужика въ чуняхъ.

Федоръ Ивановичъ. Все вамъ только пересмѣивать людей!

Григорій уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Таня, Федоръ Ивановичъ и три мужика.

Федоръ Ивановичъ встаетъ и подходитъ къ мужикамъ. Такъ вы самые курскіе, о покупкѣ земли?

1-й мужикъ. Такъ точно. Происходитъ, примѣрно, насчетъ свершенія продажи земли мы. Доложить бы какъ?

Федоръ Ивановичъ. Да, да, знаю, знаю. Подождите здѣсь, я сейчасъ доложу.

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ 17-е.

Таня и три мужика. Василий Леонидычъ за сценой.

Мужики оглядываются, не знаютъ,
куда дѣтъ гостинцы.

1-й мужикъ. Какъ же, значить, это, не знаю, какъ назвать, на чемъ бы подать? Хворменно, чтобъ предметъ исдѣлать. Блюдце бы, что ли?

Таня. Сейчасъ, сейчасъ. Давайте сюда; покамѣстъ вотъ такъ.

Ставить на диванчикъ.

1-й мужикъ. Это какого званія, примѣрно, почтенный подходиль-то къ намъ?

Таня. Это камердинъ.

1-й мужикъ. Прямое дѣло, камердинъ. Въ распоряженіи, значить, тоже. Къ Танѣ. А вы, примѣрно, тоже при услуженіи будете?

Таня. Въ горничныхъ я. Вѣдь я тоже Деменская. Я вѣдь васъ знаю, и васъ знаю, только этого дяденьку не знаю.

Указываетъ на третьяго мужика.

3-й мужикъ. Тѣхъ вознала, а меня не вознала?

Таня. Вы Ефимъ Антонычъ?

1-й мужикъ. Двистительно.

Таня. А вы Семеновъ родитель, Захаръ Трифонычъ?

2-й мужикъ. Вѣрно!

3-й мужикъ. А я, скажемъ, Митрій Чиликинъ. Вознала теперь?

Таня. Теперь и васъ знать будемъ.

2-й мужикъ. Ты чья жъ будешь?

Таня. А Аксиньи солдатки, сирота.

1-й и 3-й мужики съ удивленіемъ. Ну-у?!

2-й мужикъ. Не даромъ говорится: дай за поросенка грошъ, посади въ рожь, онъ и будетъ хорошъ.

1-й мужикъ. Двистительно. Сходственно, въ родѣ какъ мамзель.

3-й мужикъ. Это какъ есть. О, Господи!

Василій Леонидычъ за сценой звонитъ, а потомъ кричитъ. Григорій! Григорій!

1-й мужикъ. Кто жъ это такъ очень себя беспокоитъ, примѣрно?

Таня. Молодой баринъ это.

3-й мужикъ. О, Господи! Сказывалъ, пока что, лучше бы наружу подождали.

Молчаніе

2-й мужикъ. Тебя-то Семень замужъ беретъ?

Таня. А развѣ онъ писалъ?

Закрывается фартукомъ.

2-й мужикъ. Стало, писалъ! Да не дѣло задумалъ. Избаловался, вижу, малый.

Таня живо. Нѣтъ, онъ ничего не избаловался. Послать его вамъ?

2-й мужикъ. Чего посылать-то. Дай срокъ. Успѣемъ!

Слышны отчаянные крики Василія Леонидыча: Григорій! чортъ тебя возьми!

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Тѣ же и изъ двери Василій Леонидычъ въ рубашкѣ, надѣваетъ *pinse-nez*.

Василій Леонидычъ. Вымерли всѣ!

Таня. Нѣтъ его, Василій Леонидычъ... Сейчасъ я пошлю.

Направляется къ двери.

Василій Леонидычъ. Вѣдь я слышу, что разговариваютъ. Это что за чучела явились? А, что?

Таня. Это мужички изъ Курской деревни, Василій Леонидычъ.

Василій Леонидычъ на артельщика. А это кто? А, да, отъ Бурдые!

Мужики кланяются. Василій Леонидычъ не обращаетъ на нихъ вниманія; Григорій встрѣчается съ Таней въ дверяхъ; Таня остается.

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Тѣ же и Григорій.

Василій Леонидычъ. Я тебѣ говорилъ, — тѣ ботинки. Не могу я эти носить!

Григорій. Да и тѣ тамъ же стоятъ.

Василій Леонидычъ. Да гдѣ же тамъ?

Григорій. Да тамъ же.

Василій Леонидычъ. Врешь!

Григорій. Да вотъ увидите.

Василій Леонидычъ и Григорій уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

Таня, три мужика и артельщикъ.

3-й мужикъ. А може, скажемъ, не время таперь, пошли бы на фатеру, обождали бъ пока что.

Таня. Нѣтъ, ничего, подождите. Вотъ я вамъ сейчасъ тарелки для гостинцевъ принесу.

Уходить.

ЯВЛЕНИЕ 21-е.

Тѣ же, Сахатовъ, Леонидъ Ѳедоровичъ, за ними
Ѳедоръ Ивановичъ.

Мужики берутъ гостинцы и становя-
ются въ позы.

Леонидъ Ѳедоровичъ мужикамъ. Сейчасъ, сейчасъ,
подождите. На артельщика А это кто?

Артельщикъ. Отъ Бурдые!

Леонидъ Ѳедоровичъ. А, отъ Бурдые!

Сахатовъ улыбаясь. Да я не отрицаю, но согласитесь, что, не видавъ всего того, что вы говорите, нашему брату, непосвященному, трудно вѣрить.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Вы говорите: я не могу вѣрить. Но мы и не требуемъ вѣры. Мы требуемъ изслѣдованія. Вѣдь не могу же я вѣрить этому кольцу. А кольцо получено мною оттуда.

Сахатовъ. Какъ оттуда? Откуда?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Изъ того міра. Да.

Сахатовъ улыбаясь. Очень интересно, очень интересно!

Леонидъ Ѳедоровичъ. Но, положимъ, вы думаете, что я увлекающійся человѣкъ, воображающій себѣ то, чего нѣтъ, но вѣдь вотъ Алексѣй Владиміровичъ Кругосвѣтловъ, кажется не кто-нибудь, а профессоръ, и вотъ признаетъ то же. Да не онъ одинъ. А Круксъ? а Валласъ?

Сахатовъ. Да вѣдь я не отрицаю. Я говорю только, что это очень интересно. Интересно знать, какъ Кругосвѣтловъ объясняетъ?

Леонидъ Ѳедоровичъ. У него своя теорія! Да вотъ пріѣзжайте нынче вечеромъ; онъ будетъ непремѣнно. Сначала Гросманъ будетъ... знаете, извѣстный угадыватель мыслей.

Сахатовъ. Да, я слышалъ, но ни разу не случилось видѣть.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ну, такъ прїѣзжайте. Сначала Гросманъ, а потомъ Капчичъ, и нашъ сеансъ медиумическій... Ѳедору Иванычу. Не вернулся посланный отъ Капчича?

Ѳедоръ Иванычъ. Нѣтъ еще.

Сахатовъ. Такъ какъ же бы мнѣ узнать?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да вы прїѣзжайте, все равно — прїѣзжайте. Если Капчича и не будетъ, мы найдемъ своего медиума. Марья Игнатьевна—медиумъ; не такой сильный, какъ Капчичъ, но все-таки...

ЯВЛЕНІЕ 22-е.

Тѣ же и Таня

входитъ съ тарелками
для гостинцевъ; прислу
шивается къ разговору.

Сахатовъ улыбаясь. Да, да. Но только вотъ обстоятельство: почему медиумы всегда изъ такъ называемаго образованнаго круга? И Капчичъ и Марья Игнатьевна. Вѣдь если это особенная сила, то она должна бы встрѣчаться вездѣ въ народѣ, въ мужикахъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Такъ и бываетъ. Такъ часто бываетъ, что у насъ въ домѣ одинъ мужикъ, и тотъ оказался медиумомъ. На-дняхъ мы позвали его во время сеанса. Нужно было передвинуть диванъ—и забыли про него. Онъ, вѣроятно, и заснулъ. И представьте себѣ, нашъ сеансъ уже кончился, Капчичъ проснулся, и вдругъ мы замѣчаемъ, что въ другомъ углу комнаты около мужика начинаются медиумическія явленія; столъ двинулся и пошелъ.

Таня въ сторону. Это когда я изъ-подъ стола лѣзла.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Очевидно, что онъ тоже медіумъ. Тѣмъ болѣе, что лицомъ онъ очень похожъ на Юма... Вы помните Юма?—бѣлокурый, наивный.

Сахатовъ пожимая плечами. Вотъ какъ! Это очень интересо! Такъ вотъ вы его бы и испытали.

Леонидъ Ѳедоровичъ. И испытасяемъ. Да и не онъ одинъ. Медіумовъ бездна. Мы только не знаемъ ихъ. Вотъ на-дняхъ одна больная старушка передвинула каменную стѣну.

Сахатовъ. Передвинула каменную стѣну?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да, да, лежала въ постели и совсѣмъ не знала, что она медіумъ. Уперлась рукой о стѣну, а стѣна и отодвинулась.

Сахатовъ. И не завалилась?

Леонидъ Ѳедоровичъ. И не завалилась.

Сахатовъ. Странно! Ну, такъ я пріѣду вечеромъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Пріѣзжайте, пріѣзжайте! Сеансъ будетъ во всякомъ случаѣ.

Сахатовъ одѣвается. Леонидъ Ѳедоровичъ провожаетъ его.

ЯВЛЕНІЕ 23-е.

Тѣ же безъ Сахатова.

Артельщикъ Танѣ. Доложите же барынѣ! Что же мнѣ ночевать, что ли?

Таня. Подождите. Онѣ ѣдутъ съ барышней, такъ скоро сами выйдутъ. Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 24-е.

Тѣ же безъ Тани.

Леонидъ Ѳедоровичъ подходитъ къ мужикамъ, тѣ кланяются и подаютъ гостинцы. Не надо эгого!

1-й мужикъ улыбаясь. Да ужъ это первымъ долгомъ происходитъ. Какъ и мiръ намъ предлагалъ.

2-й мужикъ. Ужъ это какъ водится.

3-й мужикъ. И не толкуй! Потому, какъ мы много довольны... Какъ родигели наши, скажемъ, вашимъ родителямъ, скажемъ, служили, такъ и мы желаемъ отъ души, а не то, чтобы какъ...

Кланяется.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да что вы? Чего вы именно желаете?

1-й мужикъ. Къ вашей милости, значить.

ЯВЛЕНІЕ 25-е.

Тѣ же и Петрищевъ быстро вбѣгаетъ въ шинели.

Петрищевъ. Василій Леонидычъ проснулся?

Увидавъ Леонида Ѳедоровича, кланяется ему одной головой.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Вы къ сыну?

Петрищевъ. Я? Да, я на минутку къ Вово.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Пройдите, пройдите.

Петрищевъ снимаетъ шинель и скоро идетъ.

ЯВЛЕНІЕ 26-е.

Тѣ же безъ Петрищева.

Леонидъ Ѳедоровичъ къ мужикамъ. Да съ. Ну, такъ вы что жъ?

2-й мужикъ. Прими гостинцы-то.

1-й мужикъ улыбаясь. Значить, деревенскія предложенія.

3-й мужикъ. И не толкуй, — что тамъ! Мы желаемъ какъ отцу родному. И не толкуй.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ну что жь... Ѳедоръ, прими.
Ѳедоръ Ивановъ. Ну, давайте сюда.

Береть гостинцы.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Такъ въ чемъ же дѣло?

1-й мужикъ. Да къ вашей милости мы.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Вижу, что ко мнѣ; да чего же вы желаете?

1-й мужикъ. А насчетъ свершенія продажи земли движеніе исдѣлать. Происходить...

Леонидъ Ѳедоровичъ. Что же, вы покупаете землю? что ли?

1-й мужикъ. Двистительно, это какъ есть. Происходить... значитъ, насчетъ покупки собственности земли. Такъ мѣръ насъ, примѣрно, и вполномочилъ, чтобы взойтить, значитъ, какъ полагается, черезъ государственную банку съ приложеніемъ марки узаконеннаго числа.

Леонидъ Ѳедоровичъ. То-есть вы желаете купить землю черезъ посредство банка,—такъ, что ли?

1-й мужикъ. Это какъ есть, какъ лѣтось вы намъ предлогъ исдѣлали. Происходить, значитъ, всей суммы полностью 32.864 р. въ покупки собственности земли.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Это такъ, но какъ же приплату?

1-й мужикъ. А приплату предлагаетъ мѣръ, чтобъ, какъ лѣтось говорено, разсрочить, значитъ, въ полученіи въ наличностяхъ, по законамъ положеній, 4.000 рублей полностью.

2-й мужикъ. Четыре тысячи получи денежки теперь, значитъ, а остальные чтобъ обождать.

3-й мужикъ пока развертываетъ деньги. Ужъ это будь

въ надеждѣ, себя заложимъ, а того не сдѣлаемъ, чтобъ какъ-нибудь, а скажемъ, какъ-никакъ, а чтобы, скажемъ, того... какъ должно.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да вѣдь я писалъ вамъ, что я согласенъ только въ такомъ случаѣ, коли соберете всѣ деньги.

1-й мужикъ. Это двистительно, пріятнѣе бы, да не въ возможностяхъ, значить.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Такъ что же дѣлать?

1-й мужикъ. Міръ, примѣрно, на то упѣвалъ, что какъ лѣтось предлогъ исдѣлали въ отсрочкѣ платежа...

Леонидъ Ѳедоровичъ. То было прошлаго года; тогда я соглашался, а теперъ не могу...

2-й мужикъ. Да какъ же такъ? Обнадежилъ, — мы и бумагу выправили и деньги собрали.

3-й мужикъ. Помилосердствуй, отецъ. Земля наша малая, не то что скотину, — курицу, скажемъ, и ту выпустить некуда. Кланяется. Не грѣши, отецъ!

Кланяется.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Это, положимъ, правда, что прошлаго года я соглашался отсрочить, да тутъ вышло обстоятельство... Такъ что мнѣ теперъ это неудобно.

2-й мужикъ. Намъ безъ этой земли надо жизни рѣшиться.

1-й мужикъ. Двистительно, безъ земли наше житье должно ослабнуть и въ упадокъ произойти.

3-й мужикъ кланяется. Отецъ! земля малая, не то что скотину, — куренка, скажемъ, и того выпустить некуда. Отецъ! помилосердствуй. Прими денежки, отецъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ просматриваетъ пока бумагу.

Я понимаю, мнѣ самому хотѣлось бы вамъ сдѣлать доброе. Вы подождите. Я вамъ черезъ полчаса отвѣтъ дамъ... Ѳедоръ, скажи, чтобъ никого не принимать.

Ѳедоръ Ивановъ. Очень хорошо.

Леонидъ Ѳедоровичъ уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 27-е.

Тѣ же безъ Леонида Ѳедоровича.

Мужики въ уныніи.

2-й мужикъ. Ишь ты дѣло-то! Всѣ, говорить, подавай. А гдѣ ихъ возьмешь?

1-й мужикъ. Кабы лѣтось не обнадежилъ насъ. А то мы такъ упѣвали, двистительно, что какъ лѣтось говорено.

3-й мужикъ. О, Господи! Я было деньги раскуталъ. Завертываетъ деньги. Теперь что станемъ дѣлать?

Ѳедоръ Ивановъ. Да у васъ-въ чемъ дѣло состоитъ?

1-й мужикъ. Дѣло у насъ, почтенный, зависить, примѣрно, вотъ въ чемъ: предлагалъ онъ намъ лѣтось разсрочить. Міръ на то и взошелъ мнѣніемъ и насъ вполномочилъ; а теперь онъ, примѣрно, предлагаетъ, чтобъ всю сумму полностью. А выходитъ дѣло никакъ неспособно.

Ѳедоръ Ивановъ. Денегъ-то много ль?

1-й мужикъ. Всей суммы въ поступленіи четыре тысячи рублей, значить.

Ѳедоръ Ивановъ. Такъ что жъ, понатужьтесь, соберите еще.

1-й мужикъ. И такъ натурно собирали. Пороху въ этихъ смыслахъ, господинъ, не хватаетъ.

2-й мужикъ. Какъ ихъ нѣтъ, зубами не натянешь.

3-й мужикъ. Мы бы всей душой, да, скажемъ, и такъ подъ метелочку и эти-то собрали.

ЯВЛЕНИЕ 28-е.

Тѣ же, Василій Леонидычъ и Петрищевъ
въ дверяхъ, оба съ папиросами.

Василій Леонидычъ. Да ужъ я сказалъ, буду стараться. Такъ буду стараться, что какъ только возможно. А, что?

Петрищевъ. Ты пойми, что если ты не достанешь, то это чортъ знаетъ какая гадость!

Василій Леонидычъ. Да ужъ сказалъ, буду стараться, и буду. А, что?

Петрищевъ. Да ничего. Я только говорю, что добудь непременно. Я подожду.

Уходитъ, запирая дверь.

ЯВЛЕНИЕ 29-е.

Василій Леонидычъ махая рукой. Чортъ знаетъ что такое.

Мужики кланяются.

Василій Леонидычъ смотритъ на артельщика. Федору Иванычу. Что это вы этого отъ Бурдые не отпустите? Онъ ужъ совсѣмъ жить къ намъ переѣхалъ. Смотрите, онъ заснулъ. А, что?

Федоръ Иванычъ. Да подали записку... Велѣли подождать, когда Анна Павловна выйдутъ.

Василій Леонидычъ смотритъ на мужиковъ и взрѣвается на деньги. А это что? Деньги? Это кому? Намъ деньги? Къ Федору Иванычу. Это кто такіе?

Федоръ Ивановичъ. Это крестьяне курскіе, землю покупаютъ.

Василій Леонидычъ. Что жъ, продали?

Федоръ Ивановичъ. Да нѣтъ, не сошлись еще. Вотъ скупаются они.

Василій Леонидычъ. А? Это надо ихъ уговорить. Къ мужикамъ. Вы что жъ, покупаете, а?

1-й мужикъ. Двистительно, мы предлагаемъ, чтобъ какъ пріобрѣсть собственность владѣнія земли.

Василій Леонидычъ. А вы не скупитесь. Вы знаете, я вамъ скажу, какъ земля мужичку нужна. А, что? Очень нужна?

1-й мужикъ. Двистительно, земля мужичку пристекаеть первая статья. Это какъ есть.

Василій Леонидычъ. Ну, вотъ вы и не скупитесь. Вѣдь земля что? Можно вѣдь на ней пшеницу рядами, я вамъ скажу, посѣять. Триста пудовъ можно взять, по рублю за пудъ, триста рублей. А, что?.. А то мяту, такъ тысячу рублей, я вамъ скажу, можно съ десятины слупить!

1-й мужикъ. Двистительно, это вполнѣ, всѣ продукты можно въ дѣйствіе произвести, кто понятіе имѣеть.

Василій Леонидычъ. Такъ непремѣнно мяту. Вѣдь я учился про это. Это въ книгахъ напечатано. Я вамъ покажу. А, что?

1-й мужикъ. Двистительно, что касающее вамъ по книгамъ виднѣе. Умственность, значить.

Василій Леонидычъ. Такъ покупайте, не скупитесь, а давайте деньги. Федору Ивановичу. Папа гдѣ?

Федоръ Ивановичъ. Дома. Они просили не беспокоить ихъ теперь.

Василій Леонидычъ. Что жъ, вѣроятно, у духа спрашиваетъ, продать ли землю, или нѣтъ. А, что?

Федоръ Иванычъ. Этого не могу сказать. Знаю, что пошли въ нерѣшительности.

Василій Леонидычъ. Какъ ты думаешь, Федоръ Иванычъ, есть у него деньги? А, что?

Федоръ Иванычъ. Ужъ не знаю. Едва ли. А вамъ зачѣмъ? Вѣдь вы на прошлой недѣлѣ взяли кушъ не маленькій.

Василій Леонидычъ. Да вѣдь я за собакъ отдалъ. А теперь вѣдь ты знаешь: наше новое общество, и Петрищевъ выбранъ, а я бралъ у Петрищева деньги, а теперь надо внести за него и за себя. А, что?

Федоръ Иванычъ. Это какое ваше новое общество? Велосипедистовъ?

Василій Леонидычъ. Нѣтъ, я тебѣ скажу: это новое общество. Очень, я тебѣ скажу, серьезное общество. И ты знаешь, кто предсѣдатель? А, что?

Федоръ Иванычъ. Въ чемъ же это новое общество?

Василій Леонидычъ. Общество поощренія разведенія старинныхъ русскихъ густопсовыхъ собакъ. А, что? И я тебѣ скажу: нынче первое засѣданіе и завтракъ. А вотъ денегъ-то нѣтъ. Пойду къ нему, попытаюсь.

Уходитъ въ дверь.

ЯВЛЕНІЕ 30-е.

Мужики, Федоръ Иванычъ и артельщикъ.

1-й мужикъ Федору Иванычу. Это кто же, поштенный, будутъ?

Федоръ Иванычъ улыбаясь. Молодой баринъ.

3-й мужикъ. Наслѣдникъ, скажемъ. О, Господи! Прячетъ деньги. Прибрать, видно, пока что.

1-й мужикъ. А намъ сказывали, что военный, въ заслугѣ кавалеріи, примѣрно.

Федоръ Иванычъ. Нѣтъ; онъ, какъ единственный сынъ, уволенъ отъ воинской повинности.

3-й мужикъ. Для прокорму, скажемъ, родителей оставленъ. Это правильно.

2-й мужикъ качаетъ головой. Этотъ прокормить, что и говорить.

3-й мужикъ. О, Господи!

ЯВЛЕНІЕ 31-е.

Федоръ Иванычъ, три мужика, Василій Леонидычъ и за нимъ въ дверяхъ Леонидъ Федоровичъ.

Василій Леонидычъ. Вотъ это всегда такъ. Право, удивительно. То говорятъ мнѣ, отчего я ничѣмъ не занятъ, а вотъ когда я нашель дѣятельность и занятъ, основалось общество серьезное, съ благородными цѣлями, тогда жалко какихъ-нибудь триста рублей!..

Леонидъ Федоровичъ. Сказаль, что не могу, и не могу. Нѣтъ у меня.

Василій Леонидычъ. Да вотъ продали землю.

Леонидъ Федоровичъ. Во-первыхъ, не продалъ, и главное—оставъ меня въ покоѣ. Вѣдь тебѣ сказали, что мнѣ некогда.

Захлопываетъ дверь.

ЯВЛЕНІЕ 32-е.

Тѣ же безъ Леонида Ѳедоровича.

Ѳедоръ Иванычъ. Я вамъ говорилъ, что теперь не время.

Василій Леонидычъ. Вотъ, я вамъ скажу, положеніе, а? Пойду къ мама, одно спасеніе. А то сумасшествуетъ со своимъ спиритизмомъ и всѣхъ забылъ.

Идетъ наверхъ.

Ѳедоръ Иванычъ садится было за газету.

ЯВЛЕНІЕ 33-е.

Тѣ же. Сверху сходятъ Бетси и Марья Константиновна. За ними Григорій.

Бетси. Карета готова?

Григорій Выѣзжаетъ.

Бетси Марья Константиновнѣ. Пойдемте, пойдемте! Я видѣла, что это онъ.

Марья Константиновна. Кто онъ?

Бетси. Очень хорошо знаете, что Петрищевъ.

Марья Константиновна. Такъ гдѣ же онъ?

Бетси. У Вово сидитъ. Вотъ увидите.

Марья Константиновна. А вдругъ не онъ?

Мужики и артельщикъ кланяются.

Бетси къ артельщику. А вы отъ Бурдые съ платьемъ?

Артельщикъ. Такъ точно. Прикажите отпустить.

Бетси. Да я не знаю. Это мама.

Артельщикъ. Не могу знать — кому. Намъ приказано снести и деньги получить.

Бетси. Ну такъ подождите.

Марья Константиновна. Это все тотъ же костюмъ для шарады?

Бетси. Да, прелестный костюмъ. А мама не беретъ и не хочетъ платить.

Марья Константиновна. Отчего же?

Бетси. А вотъ спросите у мама. Для Вово за собакъ заплатить 500 рублей недорого, а за платье 100 рублей дорого. А не могу же я играть чучелой! На мужиковъ. А это кто такіе?

Григорій. Мужики землю покупаютъ какую-то.

Бетси. А я думала охотники. Вы не охотники?

1-й мужикъ. Никакъ нѣтъ-съ, госпожа. Мы насчетъ свершенія продажи акта земли, къ Леониду Фодоровичу.

Бетси. Какъ же, къ Вово должны были придти охотники. Да вы навѣрное не охотники? Мужики молчатъ. Какіе глупые! Подходить къ двери. Вово!

Хохочетъ.

Марья Константиновна. Да вѣдь мы его встрѣтили сейчасъ.

Бетси. Охота вамъ помнить!.. Вово, ты здѣсь?

ЯВЛЕНІЕ 34-е.

Тѣ же и Петрищевъ.

Петрищевъ. Вово нѣтъ, но я готовъ исполнить за него все, что потребуется. Здравствуйте! Здравствуйте, Марья Константиновна!

Трясетъ руку сильно и долго Бетси, а потомъ Марья Константиновнѣ.

2-й мужикъ. Вишь, ровно воду накачиваетъ.

Бетси. Замѣнить не можете, но все-таки лучше, чѣмъ ничего. Хохочетъ. Какія это у васъ дѣла съ Вово?

Петрищевъ. Дѣла? Дѣла фи-нансовыя, то-есть они, дѣла наши—фи! и вмѣстѣ съ тѣмъ нансовыя, и кромѣ еще финансовыя.

Бетси. Что же значить нансовыя?

Петрищевъ. Вотъ вопросъ! Въ томъ-то и штука, что ничего не значить!

Бетси. Ну, это не вышло, совсѣмъ не вышло!

Хохочуть

Петрищевъ. Нельзя вѣдь, чтобы всякій разъ выходило. Это въ родѣ аллегри. Аллегри, аллегри, а потомъ и выигрышь. Ѳедоръ Иванычъ уходитъ въ кабинетъ Леонида Ѳедоровича.

ЯВЛЕНИЕ 35-е.

Тѣ же безъ Ѳедора Иваныча.

Бетси. Ну, это не вышло; а скажите, вы вчера были у Мергасовыхъ?

Петрищевъ. Не столько у mère Gassof, сколько у père Gassof, и даже не père Gassof, а у fils Gassoiff.

Бетси. Не можете безъ jeu de mots? Это болѣзнь. И цыгане были?

Смѣется.

Петрищевъ поетъ. На фартучкахъ пѣтушки, золотые гребешки!..

Бетси. Экіе счастливые! А мы скучали у Фофо.

Петрищевъ продолжая напѣвать. И божилась и клялась—побывать ко мнѣ... Какъ дальше, Марья Константиновна? какъ дальше?

Марья Константиновна. Ко мнѣ на часъ...

Петрищевъ. Какъ? какъ, Марья Константиновна?

Хохочеть.

Бетси. Cessez, vous devenez impossible!

Петрищевъ. J'ai cessé, j'ai bébé, j'ai dédè.

Бетси. Я вижу одно средство избавиться отъ вашихъ остротъ—это заставить васъ пѣть. Пойдемте къ Вово въ комнату, у него и гитара есть. Пойдемте. Марья Константиновна, пойдемте!

Бетси, Марья Константиновна и Петрищевъ уходятъ въ комнату Василія Леонидыча.

ЯВЛЕНІЕ 36-е.

Григорій, три мужика и артельщикъ.

1-й мужикъ. Это чьи жъ?

Григорій. Одна — барышня, а другая — мамзель, музыкѣ учить.

1-й мужикъ. Въ науку производитъ, значить. А какъ акуратна. Настоящій патреть.

2-й мужикъ. Что же замужъ не выдаютъ? Года-то ужъ, небось, вышли.

Григорій. Развѣ какъ у васъ, пятнадцати лѣтъ?

1-й мужикъ. А муцинка-то тотъ, примѣрно, изъ музыканщиковъ?

Григорій передразнивая. Изъ музыканщиковъ!.. Ничего-то вы не понимаете!

1-й мужикъ. Это двистительно, глупость наша, значить, необразованность.

3-й мужикъ. О, Господи!

Слышно пѣніе цыганскихъ пѣсень съ гитарой изъ комнаты Василія Леонидыча.

ЯВЛЕНІЕ 37-е.

Григорій, три мужика, артельщикъ, входитъ Семенъ и вслѣдъ за нимъ Таня.

Таня наблюдаетъ за встрѣчей отца съ сыномъ.

Григорій Семену. Ты чего?

Семенъ. Къ господину Капчичу посылали.

Григорій. Ну что?

Семенъ. На словахъ приказали сказать: нынче никакъ быть не могутъ.

Григорій. Хорошо, я доложу.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 38-е

Тѣ же безъ Григорія.

Семенъ отцу. Здорово, батюшка! Дядѣ Ефиму, дядѣ Митрію—почтеніе! Дома здоровы ли?

2-й мужикъ. Здорово, Семенъ.

1-й мужикъ. Здорово, братецъ.

3-й мужикъ. Здорово, малый. Живъ ли?

Семенъ улыбаясь. Что жъ, батюшка, пойдемъ, что ль, чайку попить.

2 й мужикъ. Погоди, отдѣлаемся,—развѣ не видишь, недосугъ таперь?

Семенъ. Ну, ладно, я у крыльца ждать буду.

Уходитъ.

Таня бѣжитъ за нимъ. Ты что жъ ничего не сказалъ?

Семенъ. Какъ же теперь говорить при народѣ? Дай срокъ, пойдемъ чай пить, я и скажу.

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ 39-е.

Тѣ же безъ СЕМЕНА. Федоръ Иванычъ
выходитъ и садится къ окну съ
газетой.

1-й мужикъ. Ну что жъ, поштенный, какъ дѣло наше
происходитъ?

Федоръ Иванычъ. Погодите, сейчасъ выйдетъ, кон-
чается.

Таня къ Федору Иванычу. А вы почему, Федоръ Иванычъ,
знаете, что кончается?

Федоръ Иванычъ. А я знаю, когда онъ вопросы
окончить, то онъ вслухъ перечитываетъ вопросъ и отвѣтъ.

Таня. Неужели жъ правда, что блюдечкомъ можно
разговаривать съ духами?

Федоръ Иванычъ. Стало быть, можно.

Таня. Ну что жъ, они ему скажутъ подписать—онъ
и подпишетъ?

Федоръ Иванычъ. А то какъ же?

Таня. Да вѣдь они словами не говорятъ?

Федоръ Иванычъ. Азбукой. Противъ какой буквы
остановится, онъ и замѣчаетъ.

Таня. Ну, а если въ сѣансѣ?..

ЯВЛЕНИЕ 40-е.

Тѣ же и Леонидъ Федоровичъ.

Леонидъ Федоровичъ. Ну, друзья мои, не могу,
Очень бы желалъ, но никакъ не могу. Если всѣ деньги,
то другое дѣло.

1-й мужикъ. Это двистительно, чего бь лучше. Да маломочень народъ, никакъ невозможно.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Не могу, не могу никакъ. Вотъ и бумага ваша. Не могу подписать.

3-й мужикъ. А ты пожалѣй, отецъ, помилосердствуй!

2-й мужикъ. Что жъ такъ дѣлать? Обида это.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Обиды, братцы, нѣту. Я вамъ тогда лѣтомъ говорилъ: коли хотите, дѣлайте Вы не захотѣли, а теперъ мнѣ нельзя.

3-й мужикъ. Отецъ! смилосердуйся. Какъ жить тапе-рича? Земля малая, не то что скотину,—курицу, скажемъ, и ту выпустить некуда.

Леонидъ Ѳедоровичъ идетъ
и останавливается въ дверяхъ.

ЯВЛЕНІЕ 41-е.

Тѣ же, барыня и докторъ сходятъ сверху. За ними В-асилій Леонидычъ въ веселомъ и игривомъ настроеніи духа укладываетъ деньги въ бумажникъ.

Барыня зятая, въ шляпкѣ. Такъ принять?

Докторъ. Коли повторныя явленія будутъ, непременно принять. А главное—ведите себя лучше. А то какъ же вы хотите, чтобъ густой сиропъ прошелъ черезъ тоненькую волосяную трубочку, когда еще мы эту трубочку зажемемъ? Нельзя? Такъ и желчепроводъ. Все вѣдь это очень просто.

Барыня. Ну, хорошо, хорошо.

Докторъ. То-то хорошо, а все по-старому; а такъ, барыня, нельзя, нельзя. Ну, прощайте!

Барыня. Не прощайте, а до свиданья. Вечеромъ я васъ всетаки жду; безъ васъ я не рѣшусь.

Докторъ. Ладно, ладно. Коли время будетъ, заверну.
Уходить.

ЯВЛЕНІЕ 42-е.

Тѣ же безъ доктора.

БАРЫНЯ увидавъ мужиковъ. Это что? Что это? что это за люди?

Мужики кланяются.

Өедоръ Ивановчъ. Это крестьяне изъ Курской о покупкѣ земли къ Леониду Өедоровичу.

БАРЫНЯ. Я вижу, что крестьяне, да кто ихъ пустиль?

Өедоръ Ивановчъ. Леонидъ Өедоровичъ приказали. Они съ ними сейчасъ говорили о продажѣ земли.

БАРЫНЯ. И какая продажа? Совсѣмъ не нужно продавать. А главное — какъ же пускать людей съ улицы въ домъ! Какъ пускать людей съ улицы! Нельзя пускать въ домъ людей, которые ночевали Богъ знаетъ гдѣ... Разгорячается все болѣе и болѣе. Въ одеждахъ, я думаю, всякая складка полна микробъ: микробы скарлатины, микробы оспы, микробы дифтерита! Да вѣдь они изъ Курской, изъ Курской губерніи, гдѣ повальный дифтеритъ!.. Докторъ, докторъ! Воротите доктора!

Леонидъ Өедоровичъ уходитъ, закрывая дверь. Григорій выходитъ за докторомъ.

ЯВЛЕНІЕ 43-е.

Тѣ же безъ Леонида Өедоровича и Григорія.

Василій Леонидычъ курить на мужиковъ. Ничего, мама, хотите, я ихъ окурю такъ, что всѣмъ микробамъ капуть? А, что?

Барыня строго молчитъ, ожидая возвращенія доктора.

Василій Леонидычъ къ мужикамъ. А вы свиной выкармливаете? Вотъ выгодно-то!

1-й мужикъ. Двистительно, пускаемъ когда и по свиной части.

Василій Леонидычъ. Такихъ... iy, iy!

Хрюкаетъ поросенкомъ.

Барыня. Вово, Вово! перестань!

Василій Леонидычъ Похоже? А, что?

1-й мужикъ. Двистительно, сходственно.

Барыня. Вово, перестань, я тебѣ говорю!

2-й мужикъ. Это къ чему же?

3-й мужикъ. Сказывалъ, на фатеру бы пока что.

ЯВЛЕНІЕ 44-е.

Тѣ же, докторъ и Григорій.

Докторъ. Ну, что еще? что такое?

Барыня. Да вотъ вы говорите, чтобы не волноваться. Ну какъ тутъ быть спокойной? Я сестры не вижу два мѣсяца, я остерегаюсь всякаго сомнительнаго посѣтителя. И вдругъ люди изъ Курска, прямо изъ Курска, гдѣ повальный дифтеритъ,—въ серединѣ моего дома!

Докторъ. То-есть, вотъ эти молодцы-то?

Барыня. Ну-да, прямо изъ дифтеритной мѣстности!

Докторъ. Да, коли изъ дифтеритной мѣстности, то, разумѣется, неосторожно, но все-таки очень-то волноваться не зачѣмъ.

Барыня. Да вѣдь вы сами же предписываете осторожность?!

Докторъ. Ну-да, ну-да, только волноваться-то очень не зачѣмъ.

БАРЫНЯ. Да вѣдь какъ же? Полную дезинфекцію надо.

ДОКТОРЪ. Нѣтъ, что жъ полную, это дорого слишкомъ,—рублей триста, а то и больше станетъ. А я вамъ дешево и сердито устрою. Возьмите-ка на большую бутылку воды...

БАРЫНЯ. Отварной?

ДОКТОРЪ. Все равно. Отварной лучше... Такъ на бутылку воды столовую ложку салициловой кислоты, да и велите перемыть все, чего касались даже, а ихъ самихъ молодцовъ этихъ, разумѣется, вонъ. Вотъ и все. Тогда смѣло. Да того же состава черезъ пульверизаторъ въ воздухъ пропустите стаканчика два-три и посмотрите, какъ хорошо будетъ. Совершенно безопасно!

БАРЫНЯ. Таня гдѣ? Позовите Таню.

ЯВЛЕНІЕ 45-е.

Тѣ же и ТАНЯ.

ТАНЯ. Что прикажете?

БАРЫНЯ. Знаешь большую бутылку въ уборной?

ТАНЯ. Изъ которой прачку вчера брызгали?

БАРЫНЯ. Ну-да, а то какая же! Такъ вотъ возьми ты эту бутылъ и вымой прежде, гдѣ они стоягъ, мыломъ, потомъ этимъ...

ТАНЯ. Слушаю-сь. Я знаю какъ.

БАРЫНЯ. Да потомъ возьми пульверизаторъ... Впрочемъ, я вернусь, сама сдѣлаю.

ДОКТОРЪ. Такъ и сдѣлайте, и не бойтесь. Ну, такъ до свиданья, до вечера.

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ 46-е.

Тѣ же безъ доктора.

Барыня. А ихъ вонъ, вонъ чтобы ихъ духу не было
Вонъ, вонъ! Идите, что смотрите?

1-й мужикъ. Двистительно, мы какъ по глупости, какъ
намъ предлагать...

Григорій выпроваживая мужиковъ. Ну, ну, идите, идите

2-й мужикъ. Платокъ-то мой дай!

3-й мужикъ. О, Господи! Говорилъ я, на фатеру бы
покуда что.

Григорій выталкиваетъ его

ЯВЛЕНИЕ 47-е.

Барыня, Григорій, Ѳедоръ Ивановичъ, Таня,
Василій Леонидычъ и артельщикъ.

Артельщикъ нѣсколько разъ порывавшійся говорить. Бу-
детъ отвѣтъ какой?

Барыня. А, это отъ Бурдые? Горячась. Никакого,
никакого, и несите назадъ. Я ей говорила, что я такого
костюма не заказывала и дочери своей носить не позволю.

Артельщикъ. Не могу знать, меня послали.

Барыня. Ступайте, ступайте и несите назадъ. Я сама
заѣду.

Василій Леонидычъ торжественно. Господинъ по-
сланникъ отъ Бурдые, ступайте!

Артельщикъ. Давно бы сказали. Что жъ я пять
часовъ сидѣлъ.

Василій Леонидычъ. Посланецъ Бурдые, ступайте

Барыня. Перестань, пожалуйста.

Артельщикъ уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ 48-е.

Тѣ же безъ артельщика.

Барыня. Бетси! Гдѣ она? Вѣчно ее ждаты!

Василій Леонидычъ кричитъ во все горло. Бетси! Петрищевъ! Идите скорѣй! скорѣй! скорѣй! А, что?

ЯВЛЕНИЕ 49-е.

Тѣ же, Петрищевъ, Бетсии Марья Константи-
новна.

Барыня. Вѣчно тебя ждешь!

Бетси. Напротивъ, я васъ жду.

Петрищевъ кланяется одной
головой и цѣлуетъ руку барыни.

Барыня. Здравствуйте! къ Бетси. Всегда отвѣчаты!

Бетси. Если вы, мама, не въ духѣ, такъ лучше я не
поѣду.

Барыня. Ѣдемъ или не Ѣдемъ?

Бетси. Да Ѣдемте, что жъ дѣлать?

Барыня. Видѣла отъ Бурдые?

Бетси. Видѣла и очень была рада. Я заказывала ко-
стюмъ, и надѣну, когда заплатятъ за него деньги.

Барыня. Я не заплачу и не позволю надѣть непри-
личный костюмъ.

Бетси. Отчего онъ сталъ неприличный? То былъ
приличенъ, а то на васъ pruderie нашла.

Барыня. Не pruderie, а передѣлать весь лифъ, тогда
можно.

Бетси. Мама, право, это невозможно!

Барыня. Ну, одѣвайся же.

Садятся. Григорій надѣваетъ ботинки.

Василій Леонидычъ. Марья Константиновна! А вы видите, какая пустота въ передней?

Марья Константиновна. А что?

Впередъ смѣется.

Василій Леонидычъ. А отъ Бурдые ушелъ. А, что? Хорошо?

Хохочетъ громко.

Барыня. Ну, ѣдемъ. Выходить въ дверь и тотчасъ же возвращается. Таня!

Таня. Что прикажете?

Барыня. Фифку безъ меня чтобъ не простудить. Если будетъ проситься выпускать, то непременно надѣтъ капотецъ желтенькій. Она не совсѣмъ здорова.

Таня. Слушаю-сь.

Барыня, Бетси и Григорій уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ 50-е.

Петрищевъ, Василій Леонидычъ, Таня и
Федоръ Иванычъ.

Петрищевъ. Ну, что же, добылъ?

Василій Леонидычъ. Я тебѣ скажу—съ трудомъ. Сначала сунулъ къ родителю,—зарычалъ и прогналъ. Я къ родительницѣ,—ну, и добился. Тутъ! Хлопаетъ по карману. Ужъ если я возьмусь, отъ меня не уйдешь.. Мертвая хватка. А, что? А нынче вѣдь приведутъ моихъ волкодавовъ.

Петрищевъ и Василій Леонидычъ одѣваются и уходятъ. Таня идетъ за ними.

ЯВЛЕНІЕ 51-е.

Федоръ Ивановичъ одинъ.

Федоръ Ивановичъ Да, все непріятности. И какъ это они не могутъ въ согласіи жить? Да и правду сказать, молодое поколѣнье—не то. А царство женщинъ? Какъ давеча Леонидъ Федоровичъ хотѣли было вступиться, да увидали, что она въ экстазѣ, захлопнули дверь. Рѣдкой доброты человекъ! Да, рѣдкой доброты... Это что? Таня-то ихъ опять ведетъ.

ЯВЛЕНІЕ 52-е.

Федоръ Ивановичъ, Таня и три мужика.

Таня. Идите, идите, дяденьки, ничего.

Федоръ Ивановичъ. Зачѣмъ же ты ихъ опять привела?

Таня. Да какъ же, Федоръ Ивановичъ, батюшка, надо же какъ-нибудь похлопатать за нихъ. А я уже вымою заодно.

Федоръ Ивановичъ. Да вѣдь не сойдется дѣло, я ужъ вижу.

1-й мужикъ. Какъ же поштенный, наше дѣло въ дѣйствіе произвестъ. Вы, ваше степенство, побезпокойтесь какъ-нибудь, а ужъ мы въ награжденіе хлопотъ отъ міру благодарность представить можемъ вполнѣ.

3-й мужикъ. Постарайся, соколикъ, жить намъ нельзя. Земля малая,—не то, что скотину, а курицу, скажемъ, и ту выпустить некуда.

Кланяются.

Федоръ Ивановичъ. И жалко мнѣ васъ, да не знаю, братцы. Я вѣдь очень понимаю. Да вѣдь отказалъ онъ!

Теперь какъ же? Да и барыня еще несогласна. Едва ли. Ну, да давайте бумагу—пойду, попытаюсь, попрошу его.
Уходить.

ЯВЛЕНІЕ 53-е.

Таня и три мужика вздыхаютъ.

Таня. Да вы мнѣ скажите, дяденьки, въ чемъ дѣло-то стало?

1-й мужикъ. Да вотъ только бы подписомъ приложенія руки.

Таня. Только чтобъ баринъ бумагу подписалъ, да?

1-й мужикъ. Только всего приложить руку и деньги взять, вотъ бы и развязка.

3-й мужикъ. Написалъ бы только: какъ мужички, скажемъ, желаютъ, такъ, скажемъ, и я желаю. И всего дѣла: взялъ, подписалъ—и крышка.

Таня. Только подписать? На бумагѣ только чтобъ баринъ подписалъ?

Задумывается.

1-й мужикъ. Двистительно, только всего и зависить дѣло. Подписалъ, значить, и больше никакихъ.

Таня. Вы погодите, что вотъ Федоръ Иванычъ скажетъ. Если онъ не уговорить, я попытаю одну штуку.

1-й мужикъ. Объегоришь?

Таня. Попытаю.

3-й мужикъ. Ай, дѣушка, хлопотать хочетъ. Только выхлопочи ты дѣло, всю жизнь, скажемъ, кормить міромъ обяжемся. Во-какъ!

1-й мужикъ. Кабы въ дѣйствіе произвестъ такое дѣло, двистительно, озолотить можно.

2-й мужикъ. Да ужъ что говориты!

Таня. Вѣрно не обѣщаю; какъ это говорится: попытка—не шутка, а...

1-й мужикъ. А спрось—не бѣда. Это двистительно.

ЯВЛЕНИЕ 54-е.

Тѣ же и Ѳедоръ Ивановъ.

Ѳедоръ Ивановъ. Нѣтъ, братцы, не выходитъ ваше дѣло, не согласился и не согласится. Берите бумагу. Идите, идите.

1-й мужикъ беретъ бумагу; къ Танѣ. Такъ ужъ на тебя, примѣрно, упѣвать станемъ.

Таня. Сейчасъ, сейчасъ. Вы идите, на улицѣ подождите, а я сію минуту выбѣгу, скажу что.

Мужики уходятъ.

ЯВЛЕНИЕ 55-е.

Ѳедоръ Ивановъ и Таня.

Таня. Ѳедоръ Ивановъ, голубчикъ, доложите барину, чтобъ онъ ко мнѣ вышелъ. Мнѣ ему словечко сказать надо.

Ѳедоръ Ивановъ. Это что за новости?

Таня. Да нужно, Ѳедоръ Ивановъ. Доложите пожалуйста, худого ничего, ей-Богу.

Ѳедоръ Ивановъ. Какое такое дѣло?

Таня. Да секретъ маленькій. Я вамъ послѣ открою. Вы доложите только.

Ѳедоръ Ивановъ улыбаясь. И что ты строишь, не пойму! Да ну, скажу, скажу.

Уходить.

ЯВЛЕНИЕ 56-е.

Таня одна.

Таня. Право, сдѣлаю. Вѣдь онъ самъ говорилъ, что сила въ Семенѣ есть, а вѣдь я все знаю, какъ дѣлать. Тогда никто не догадался. А теперь научу Семена. А не выйдетъ дѣло—не бѣда. Развѣ грѣхъ какой?

ЯВЛЕНИЕ 57-е.

Таня, Леонидъ Ѳедоровичъ и за ними Ѳедоръ
Иванычъ

Леонидъ Ѳедоровичъ улыбаясь. Вотъ просительница-то! Что это у тебя за дѣло?

Таня. Секретъ маленькій, Леонидъ Ѳедоровичъ. Позвольте мнѣ одинъ на одинъ сказать.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Что такъ? Ѳедоръ, выдь на минутку.

ЯВЛЕНИЕ 58-е.

Леонидъ Ѳедоровичъ и Таня.

Таня. Какъ я жила, выросла въ вашемъ домѣ, Леонидъ Ѳедоровичъ, и какъ благодарна вамъ за все, я какъ отцу родному откроюсь. Живетъ у насъ Семенъ и хочетъ онъ на мнѣ жениться.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Вотъ какъ!

Таня. Открываюсь передъ вами, какъ передъ Богомъ. Посовѣтоваться мнѣ не съ кѣмъ, какъ сирота я.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Что жъ, отчего же! Онъ, кажется, малый хорошій.

ТАНЯ. Это точно, онъ все бы ничего, только одно я сумлѣваюсь. И спросить хотѣла васъ, что есть за нимъ одно дѣло, а я и понять не могу... какъ бы не худое что.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Что жъ онъ, пьетъ?

ТАНЯ. Нѣтъ, помилуй Богъ! А какъ я знаю, что спиритичество есть..

Леонидъ Ѳедоровичъ. Знаешь?

ТАНЯ. Какъ же съ! Я очень понимаю. Другіе, точно, по необразованію не понимаютъ этого...

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ну такъ что жъ?

ТАНЯ. Да вотъ опасаюсь насчетъ Семена. Съ нимъ это бываетъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Что бываетъ?

ТАНЯ. Да вотъ въ родѣ какъ спери...тичество. Это у людей спросите. Какъ только онъ задремлетъ у стола, сейчасъ столъ затрясется, весь заскрипитъ такъ: тукъ, ту...тукъ. Всѣ и люди слышали.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Вотъ какъ разъ то, что я утромъ Сергѣю Ивановичу говорилъ. Ну?..

ТАНЯ. А то... когда это было?.. Да, въ среду. Сѣли обѣдать. Только онъ сѣлъ за столъ, а ложка сама къ нему въ руки—прыгъ!

Леонидъ Ѳедоровичъ. А, это интересно! И въ руку прыгъ? Что жъ онъ, задремаль?

ТАНЯ. Вотъ ужъ не примѣтила. Кажется, что задремаль.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ну?

ТАНЯ. Ну, вотъ я и опасаюсь и объ этомъ спросить хотѣла, что не будетъ ли отъ этого вреда? Тоже вѣкъ жить, а въ немъ такое дѣло.

Леонидъ Ѳедоровичъ улыбаясь. Нѣтъ, не бойся,

туть худого ничего нѣтъ. А это значить только то, что онъ *медіумъ*,—просто медіумъ. Я и прежде зналъ, что онъ медіумъ.

Таня. Вотъ что... А я-то боялась!

Леонидъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, не бойся ничего. Самъ съ собой. Вотъ и прекрасно. Капчича не будетъ, мы его нынче испытасемъ... Нѣтъ, ты, милая, не бойся, онъ хорошій мужъ будетъ, и все... А это особенная сила, она во всѣхъ есть. Только въ однихъ слабѣй, въ другихъ сильнѣй.

Таня. Покорно васъ благодарю. Я теперь и думать не буду. А то я боялась... Что значить неученье-то наше!

Леонидъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, нѣтъ, не бойся... Ѳедоръ!

ЯВЛЕНИЕ 59-е.

Тѣ же и Ѳедоръ Иванычъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Я пойду со двора. Къ вечеру приготовить все для сеанса.

Ѳедоръ Иванычъ. Да вѣдь Капчичъ не изволить быть.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ничего, все равно. Надѣваетъ шинель. Пробный сеансъ будетъ со своимъ медіумомъ.

Уходитъ. Ѳедоръ Иванычъ провожаетъ его.

ЯВЛЕНИЕ 60-е.

Таня одна.

Таня. Повѣрилъ, повѣрилъ! Взвизгиваетъ, прыгаетъ. Ей-Богу, повѣрилъ! Вотъ чудо-то! Взвизгиваетъ. Теперь сдѣлаю, только бѣ Семень не сробѣлъ.

ЯВЛЕНИЕ 61-е.

Таня и Федоръ Ивановичъ возвращается.

Федоръ Ивановичъ. Ну, что же, сказала свой секретъ?

Таня. Сказала. Да я и вамъ открою, только послѣ...

А у меня и къ вамъ, Федоръ Ивановичъ, просьба есть.

Федоръ Ивановичъ. Какая же это ко мнѣ-то просьба?

Таня стыдливо. Вы мнѣ какъ второй отецъ были, я вамъ какъ передъ Богомъ откроюсь.

Федоръ Ивановичъ. Да ты не вилай, прямо къ дѣлу.

Таня. Да что дѣло? Дѣло — то, что Семень на мнѣ жениться хочетъ.

Федоръ Ивановичъ. Вотъ какъ! То-то я примѣчаю...

Таня. Да что жъ мнѣ скрываться? Мое дѣло сиротское, а вы сами знаете здѣшнее городское заведеніе: всякій пристаетъ; хоть бы Григорій Михайлычъ, — проходу отъ него нѣту. Тоже и этотъ... знаете? Они думаютъ, что у меня души нѣтъ; что я только имъ для забавы далась...

Федоръ Ивановичъ. Умница, хвалю! Ну, такъ что жъ?

Таня. Да Семень писалъ отцу, а онъ, отецъ-то, нынче меня увидалъ, да сейчасъ и говоритъ: избаловался, — про сына-то.. Федоръ Ивановичъ! Кланяется будьте мнѣ замѣсто отца, поговорите со старикомъ, съ Семеновымъ отцомъ. Я бы ихъ въ кухню повела, а вы бы зашли да и поговорили старику.

Федоръ Ивановичъ улыбаясь. Это сватомъ я, значить, буду? Что жъ, можно.

Таня. Федоръ Ивановичъ, голубчикъ, будьте замѣсто отца родного, а я вѣкъ за васъ буду Бога молить.

Федоръ Иванычъ. Хорошо, хорошо; пройду ужо
Объщаю—такъ сдѣлаю.

Береть газету.

Таня. Второй отецъ мнѣ будете.

Федоръ Иванычъ. Хорошо, хорошо.

Таня. Такъ я буду въ надеждѣ...

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ 62-е.

Федоръ Иванычъ одинъ.

Федоръ Иванычъ киваетъ головой. А ласковая дѣ-
вочка, хорошая. А вѣдь сколько ихъ такихъ пропадаетъ,
подумаешь! Только вѣдь промахнись разъ одинъ, — пошла
по рукамъ... Потомъ въ грязи ея ужъ не сыщешь. Не хуже
какъ Наталья сердечная... А тоже была хорошая, тоже
мать родила, лелѣяла, выращивала... Береть газету. Ну-ка,
что Фердинандъ нашъ, какъ изворачивается...

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ внутренность людской кухни. Мужики, раздѣвшись и запотѣвъ, сидятъ у стола и пьютъ чай. Ѳедоръ Иванычъ съ сигарой на другомъ концѣ сцены. На печкѣ старый поварь, не видный первыя четыре явленія.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Три мужика и Ѳедоръ Иванычъ.

Ѳедоръ Иванычъ. Мой совѣтъ—ты ему не препятствуй. Если его желаніе есть и ея тоже, такъ и съ Богомъ. Дѣвушка хорошая, честная. На это не смотри, что она щеголиха. Это по городски, нельзя безъ этого. А дѣвушка умная.

2-й мужикъ. Что жъ, коли его охота есть. Ему жить съ ней, а не мнѣ. Только ужъ оченно чиста. Какъ ее въ избу введешь? Свекрови-то она и погладиться не дастся.

Ѳедоръ Иванычъ. Это, братецъ ты мой, не отъ чистоты, а отъ характера. Коли добраго характера, такъ будетъ покорна и уважительна.

2-й мужикъ. Да ужъ возьму, коли такъ малый усѣ-

тился, чтобъ безпремѣнно ее взять. Тоже съ немилой жить бѣда! Со старухой посовѣтуюсь, да и съ Богомъ.

Федоръ Иванычъ. Ну, и по рукамъ.

2-й мужикъ. Да ужъ видно, что такъ.

1-й мужикъ. И какъ тебѣ фортунить, Захаръ: приѣхаль за совершеніемъ дѣла, а глядь—сноху за сына какую кралоу высваталь. Только бы спрыснуть, значить, чтобъ хворменно было.

Федоръ Иванычъ. Этого совсѣмъ не нужно.

Неловкое молчаніе

Федоръ Иванычъ. Я вѣдь вашу жизнь крестьянскую очень понимаю. Я, вамъ скажу, самъ подумываю, гдѣ бы землицы купить. Домикъ построилъ бы да крестьянствовалъ. Хоть бы въ вашей сторонѣ.

2-й мужикъ. Разлюбезное дѣло!

1-й мужикъ. Двистительно при деньгахъ можно въ деревнѣ себѣ всякое удовольствіе получить.

3-й мужикъ. Что и говорить! Деревенское дѣло, скажемъ, во всякомъ разѣ слободно, не то, что въ городу.

Федоръ Иванычъ. Что жъ, примете въ общество, коли у васъ поселюсь?

2-й мужикъ. Отчего же не принять? Вина старикамъ выставишь, сейчасъ примуть.

1-й мужикъ. Да питейное заведеніе, примѣрно, или трактиръ откроете, житье такое будетъ, что умирать не надо. Царствуй, и больше никакихъ!

Федоръ Иванычъ. Тамъ видно будетъ. А только хочется на старости лѣтъ спокойно пожить. Жить мнѣ и здѣсь хорошо,—жалко и оставить: Леонидъ Федоровичъ вѣдь рѣдкой доброты человѣкъ.

1-й мужикъ. Это двистительно. Да что жъ онъ наше-то дѣло? Ужели жъ такъ безъ послѣдствій?

Федоръ Иванычъ. Онъ-то бы радъ.

2-й мужикъ. Видно, онъ жены боится.

Федоръ Иванычъ. Не боится, а тоже согласія нѣтъ.

3-й мужикъ. А ты бы, отецъ, постарался, а то какъ намъ жить? Земля малая..

Федоръ Иванычъ. Да вотъ посмотримъ, что выйдетъ отъ Татьянинныхъ хлопотъ. Вѣдь она взялась.

3-й мужикъ пьетъ чай. Отецъ, помилосердуй! Земля малая, не токмо скотину,—курицу, скажемъ, и ту выпустить некуда.

Федоръ Иванычъ. Да кабы въ моихъ рукахъ дѣло было. Ко 2-му мужику. Такъ такъ, братецъ, сваты мы съ тобой будемъ. Кончено дѣло о Танѣ-то?

2-й мужикъ. Да ужъ сказалъ коли я, и безъ пропоу назадъ не попячусь. Только бъ дѣло наше вышло.

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Тѣ же, входитъ КУХАРКА,

заглядываетъ на печку, дѣлаетъ туда знаки и тотчасъ же начинаетъ оживленно говорить съ Федоромъ Иванычемъ.

Кухарка. Сейчасъ изъ бѣлой кухни позвали Семена вверхъ; баринъ да энтотъ, что вызываетъ съ нимъ, лысый-то, посадили его да велѣли на мѣсто Капчича дѣйствовать...

Федоръ Иванычъ. Что ты врешь!

КУХАРКА. Какъ же! сейчасъ Танѣ Яковъ сказываль.
Өедоръ Иванычъ. Чудно это!

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тѣ же и кучеръ.

Өедоръ Иванычъ. Ты что?

Кучеръ къ өедору Иванычу. Такъ и скажите, что я не нанимался съ собаками жить. Пускай кто другой живеть, а я съ собаками жить не согласенъ.

Өедоръ Иванычъ. Съ какими собаками?

Кучеръ. Да привели отъ Василия Леонидыча трехъ кобелей къ намъ въ кучерскую. Напакостили, воютъ, а приступиться нельзя,—кусаются. Злые черти!—того и гляди сожрутъ. И то хочу полѣномъ ноги имъ перебить.

Өедоръ Иванычъ. Да когда же это?

Кучеръ. Да нынче привели съ выставки, какія-то дорогія, пустопсовыя, что ль, лѣшій ихъ знаетъ! Либо собакамъ въ кучерской, либо кучерамъ жить. Такъ и скажите.

Өедоръ Иванычъ. Да, это непорядокъ. Я пойду спрошу.

Кучеръ. Ихъ бы сюда, что ль, къ Лукерѣ.

Кухарка горячо. Тутъ люди обѣдаютъ, а ты кобелей запереть хочешь. Ужъ и такъ..

Кучеръ. А у меня кафтаны, полости, сбруя. А чистоту спрашиваютъ. Ну въ дворницкую, что ль.

Өедоръ Иванычъ. Надо Василию Леонидычу сказать.

Кучеръ сердито. Повѣсилъ бы себѣ на шею кобелей

этихъ, да и ходилъ бы съ ними, а то самъ-то, небось, на лошадахъ ѣздить любить. Красавчика испортилъ ни за что. А лошадь была!.. Эхъ, житье!

Уходитъ, хлопая дверью.

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Тѣ же безъ кучера.

Федоръ Ивановичъ. Да, непорядки! Къ мужикамъ. Ну такъ-то, пока прощайте, ребята!

Мужики. Съ Богомъ.

Федоръ Ивановичъ уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тѣ же безъ Федора Ивановича.

Какъ только Федоръ Ивановичъ уходитъ, на печкѣ слышно кряхтѣнье.

2-й мужикъ. Ужъ и гладокъ же, ровно анаралъ.

Кухарка. Да что и говорить! Горница особая, стирка на него вся отъ господъ, чай, сахаръ,—это все господское, и пища со стола.

Старый поваръ. Какъ чорту не жить, — накралъ!

3-й мужикъ. Это чей же, на печкѣ-то?

Кухарка. Да такъ, человѣчекъ одинъ.

Молчаніе.

1-й мужикъ. Ну, да и у васъ, посмотрѣлъ я давеча, ужинали, капиталецъ дюже хорошъ.

Кухарка. Жаловаться нельзя. На это она не скупа. Бѣлая булка по воскресеньямъ, рыба въ постные дни по праздникамъ, а кто хошь, и скоромное ѣшь.

2-й мужикъ. Развѣ постомъ лопаютъ кто?

Кухарка. Э, да всё почитай! Только и посятся, что кучерь (не тотъ, что приходилъ, а старый), да Сема, да я, да икономка, а то всё скоромное жрутъ.

2-й мужикъ. Ну, а самъ-то?

Кухарка. Э, хватился! да онъ и думать забылъ, какой такой постъ есть.

3-й мужикъ. О, Господи!

1-й мужикъ. Дѣло господское, по книжкамъ дошли. Потому умственность.

3-й мужикъ. Ситникъ-то каждый день, я чай?

Кухарка. О, ситникъ! Не видали они твоего ситника! Посмотрѣлъ бы пищу у нихъ; чего-чего нѣтъ!

1-й мужикъ. Господская пища, извѣстно, воздушная.

Кухарка. Воздушная-то, воздушная, — ну, да и здоровы жрать!

1-й мужикъ. Въ апекитѣ, значить.

Кухарка. Потому запиваютъ. Винъ этихъ сладкихъ, водокъ, наливокъ шипучихъ, къ каждому кушанью — свое. Ъсть и запиваетъ, ѣсть и запиваетъ.

1-й мужикъ. Она, значить, въ препорцію и проносить пищу-то.

Кухарка. Да ужъ какъ здоровы жрать, бѣда! У нихъ вѣдь нѣтъ того, чтобы сѣлъ, поѣлъ, перекрестился да всталъ, а безперечь ѣдятъ.

2-й мужикъ. Какъ свиньи, въ корыто съ ногами.
Мужики смѣются.

Кухарка. Только, Господи благослови, глаза проде-рутъ, сейчасъ самоваръ, чай, кофе, шиколадъ. Только самовара два отопьютъ, ужъ третій ставъ. А тутъ завтракъ, а тутъ обѣдъ, а тутъ опять кофій. Только отвалятся, сей-

часть опять чай. А тутъ закуски пойдугъ: конфеты, жамки,— и конца нѣтъ. Въ постели лежа, и то ѣдятъ.

3-й мужикъ. Вотъ такъ такъ!

Хохочетъ.

1-й и 2-й мужики. Да ты чего?

3-й мужикъ. Хоть бы денекъ такъ пожить!

2-й мужикъ. Ну, а когда жъ дѣла дѣлаютъ?

Кухарка. Какія у нихъ дѣла? Въ карты да въ фортепьяны—только и дѣловъ. Барышня—такъ та, бывало, какъ глаза продеретъ, такъ сейчасъ къ фортепьянамъ, и валяй! А эта, что живетъ, учительша, стоитъ, ждетъ, бывало, скоро ли опростаются фортепьяны; какъ отдѣлалась одна, давай эта закатывать. А то двое фортепьянъ поставятъ, да по двое, вчетверомъ запузываютъ. Такъ-то запузываютъ, ажъ здѣсь слышно.

3-й мужикъ. Охъ, Господи!

Кухарка. Ну, вотъ только и дѣловъ: въ фортепьяны, а то въ карты. Какъ только съѣхались, сейчасъ карты, вино, закуратъ,—и пошло на всю ночь. Только встанутъ—поѣсть опять.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ же и Семень.

Семень. Чай да сахары!

1-й мужикъ. Милости просимъ, садись.

Семень подходитъ къ столу. Благодарю покорно.

1-й мужикъ наливаетъ ему чай.

2-й мужикъ. Гдѣ былъ?

Семень. Вверху былъ.

2-й мужикъ. Что жъ, какія жъ тамъ дѣла?

Семенъ. Да и не поймешь. Не знаю, какъ сказать.

2-й мужикъ. Да что жъ, дѣло какое?

Семенъ. Да и не знаю, какъ сказать, силу какую-то во мнѣ пытали. Да я не пойму. Татьяна говоритъ: дѣлай, мы, говоритъ, нашимъ мужикамъ землю охлопочемъ,—продасть.

2-й мужикъ. Да какъ же она сдѣлаетъ-то?

Семенъ. Да не пойму отъ нея, она не сказываетъ. Только, говоритъ, дѣлай, какъ я велю!

2-й мужикъ. Что жъ дѣлать-то?

Семенъ. Да сейчасъ ничего. Посадили меня, свѣтъ потушили, велѣли спать. А Татьяна тутъ же схоронилась. Они не видятъ, а я вижу.

2-й мужикъ. Что жъ это, къ чему?

Семенъ. А Богъ ихъ знаетъ,—не поймешь.

1-й мужикъ. Извѣстно, для разгулки времени.

2-й мужикъ. Ну, видно, этихъ дѣловъ не разберемъ мы съ тобой. А вотъ ты сказывай: денегъ ты много забралъ?

Семенъ. Я не бралъ, все зажито; 28 рублей должно.

2-й мужикъ. Это ладно. Ну, а коли, Богъ дастъ, о землѣ сладимся, вѣдь я тебя, Семка, домой возьму.

Семенъ. Съ моимъ удовольствіемъ.

2-й мужикъ. Набаловался ты, я чай. Пахать не захочешь?

Семенъ. Пахать-то? Давай сейчасъ. Косить, пахать—это все изъ рукъ не вывалится.

1-й мужикъ. А все, примѣрно, послѣ городского жительства не поманится.

Семенъ. Ничего, и въ деревнѣ жить можно.

1-й мужикъ. А вотъ дядя Митрій на твое мѣсто охотится, на великатную жизнь.

Семень. Ну, дядя Митрій, наскучить. Оно, глядѣться, легко, а бѣготни тоже много. Замотаешься.

Кухарка. Вотъ ты бы, дядя Митрій, посмотрѣлъ балы у нихъ. Вотъ подивился бѣ!

3-й мужикъ. А что жъ, ѣдятъ все?

Кухарка. Куда тебѣ? Посмотрѣлъ бы, что было! Меня Ѳедоръ Ивановъ провелъ. Посмотрѣла я: барыни—страсть! Разряжены, разряжены, что куда тебѣ! А по сихъ мѣсть голая и руки голая,

3-й мужикъ. О, Господи!

2-й мужикъ. Тѣфу, скверность!

1-й мужикъ. Значить, клеймать такъ позволяетъ.

Кухарка. Такъ-то и я, дяденька, глянула: что жъ это?—всѣ тѣлешомъ. Вѣришь ли, старыя,—наша барыня, у ней, мотри, внуки,—тоже оголились.

3-й мужикъ. О, Господи!

Кухарка. Такъ вѣдь что: какъ вдарить музыка, какъ зыграли,—сейчасъ это господа подходятъ каждый къ своей, обхватить и пошелъ кружить.

2-й мужикъ. И старухи?

Кухарка. И старухи.

Семень. Нѣтъ, старухи сидятъ.

Кухарка. Толкуй, я сама видѣла!

Семень. Да нѣтъ же.

Старый поваръ высовываясь, хрипло. Полька-мазурка это. Э, дура, не знаетъ!—танцуютъ такъ...

Кухарка. Ну, ты, танцорщикъ, помалкивай, знай. Во, идетъ кто-то.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же и Григорій.

Старый поваръ поспѣшно скрывается.

Григорій кухаркѣ. Давай капусты кислой!

Кухарка. Только съ погребѣ пришла, опять лѣзть. Кому это?

Григорій. Барышнямъ тюрю. Живо! Съ Семеномъ пришли, а мнѣ некогда.

Кухарка. Вотъ наѣдятся сладкаго такъ, что больше не лѣзеть, ихъ и потянетъ на капусту.

1-й мужикъ. Для прочистки, значить.

Кухарка. Ну-да, опростають мѣсто, опять валяй!
Беретъ чашку и уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же безъ кухарки.

Григорій мужикамъ. Вишь, разсѣлись. Вы смотрите: барыня узнаетъ, она вамъ такую задасть трепку, не хуже утрешняго.

Смѣется и уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Три мужика, Семень и старый поваръ
на печкѣ.

1-й мужикъ. Двистительно, штурму сдѣлала давеча— бѣда!

2-й мужикъ. Давеча хотѣлъ онъ, видно, вступиться, а потомъ какъ глянулъ, что она крышу съ избы рветъ, захопнулъ дверь: будь ты, молъ, неладна.

3-й мужикъ махая рукой. Все одно положеніе. Тоже

моя старуха, скажемъ, другой разъ распалится—страсть!
Ужъ я изъ избы вонъ иду. Ну ее совсѣмъ! Того гляди,
скажемъ, рогачомъ зашибеть. О, Господи!

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же и Яковъ
вбѣгаетъ съ рецептомъ.

Яковъ. Сема, бѣги въ аптеку, живо, возьми порошки
вотъ барынѣ!

Семенъ. Да вѣдь онъ не велѣлъ уходить.

Яковъ. Успѣешь. Твое дѣло еще, поди, послѣ чаю...
Чай да сахаръ!

1-й мужикъ. Милости просимъ.

Семенъ уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ же безъ СЕМЕНА.

Яковъ. Некогда, да ужъ налейте чашечку для ком-
паніи.

1-й мужикъ. Да вотъ предлагаетъ разговорка, какъ
давеча ваша госпожа очень какъ себя гордо повела.

Яковъ. О, эта горячка—страсть! Такъ горяча,—сама
себя не помнитъ. Другой разъ заплачетъ даже.

1-й мужикъ. А что, примѣрно, я спросить хотѣлъ?
Она что-то давеча предлагала макроту. Макроту, макроту,
говорить, занесли. Къ чему это приложить, макроту эту
самую?

Яковъ. О, это макровы. Это, они говорятъ, такія ко-
зьявки есть, отъ нихъ, моль, и болѣзни всѣ. Такъ вотъ,
моль, что на васъ онѣ. Ужъ они послѣ васъ мыли-мыли,

брызгали-брызгали, гдѣ вы стояли. Такая спеція есть, отъ ней дохнутъ онѣ, козявки-то.

2-й мужикъ. Такъ гдѣ жъ онѣ на насъ, козявки-то эти?

Яковъ пьетъ чай. Да онѣ, сказываютъ, такія махонькія, что и въ стекла не видать.

2-й мужикъ. А почему она знаетъ, что онѣ на мнѣ? Може на ней этой пакости больше моего.

Яковъ. А вотъ поди спроси ихъ!

2-й мужикъ. А я полагаю, пустое это.

Яковъ. Извѣстно, пустое; надо же дохтурамъ выдумывать, а то за что бы имъ деньги платить? Вотъ къ намъ каждый день ѣздитъ. Приѣхалъ, поговорилъ, — десятку.

2-й мужикъ. Вре?..

Яковъ. А то одинъ есть такой, что сотенную.

1-й мужикъ. Ну! и сотенную?

Яковъ. Сотенную? Ты говоришь: сотенную, — по тысячѣ беретъ, коли за городъ ѣхать. Давай, говоритъ, тысячу, а не дашь, — издыхай себѣ!

3-й мужикъ О, Господи!

2-й мужикъ. Что жъ, онъ слово какое знаетъ?

Яковъ. Должно, что знаетъ. Жилъ я прежде у генерала, подъ Москвой, сердитый былъ такой, гордый — страсть, генераль-то! Такъ заболѣла у него дочка. Сейчасъ послали за этимъ. Тысячу рублей, — приѣду... Ну, сговорились, приѣхалъ. Такъ что-то не потрафили ему. Такъ, батюшки мои, какъ цыкнетъ на генерала. А! говоритъ, такъ такъ-то ты меня уважаешь, такъ-то? Такъ не стану жъ лѣчить! — Такъ куда тебѣ! генераль то и гордость свою забылъ, всячески улещаетъ. Батюшка! только не бросай!

1-й мужикъ. А тысячу-то отдали?

Яковъ. А то какъ же?

2-й мужикъ. То-то шальные деньги-то. Что бъ мужикъ на эти деньги надѣлалъ!

3-й мужикъ. А я думаю, пустое все. Какъ у меня тады нога прѣла. Лѣчилъ, лѣчилъ, скажемъ, рублей пять пролѣчилъ. Бросилъ лѣчить, а она и зажила.

Старый поваръ на печкѣ кашляетъ.

Яковъ. Опять тутъ, сердешный!

1-й мужикъ. Какой такой мушинка будетъ?

Яковъ. Да нашего барина поваръ былъ, къ Лукерьѣ ходить.

1-й мужикъ. Кухмистеръ, значить. Что жъ, здѣсь проживаетъ?

Яковъ. Нѣ... Здѣсь не велятъ. А гдѣ день, гдѣ ночь. Есть три копейки—въ ночлежномъ домѣ, а пропѣтъ все—сюда придетъ.

2-й мужикъ. Какъ же онъ такъ?

Яковъ. Да такъ, ослабъ. А тоже человѣкъ какой былъ, какъ баринъ! При золотыхъ часахъ ходилъ, по сорока рублей въ мѣсяцъ жалованья бралъ. А теперь давно съ голоду бы померъ, кабы не Лукерья.

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ же и КУХАРКА съ капустой.

Яковъ къ Лукерьѣ. А я вижу, Павелъ Петровичъ опять тутъ

Кухарка. Куда жъ ему дѣться,—замерзнуть, что ль?

3-й мужикъ. Что дѣлаеть вино-то! Вино-то, скажемъ ..

Щелкаетъ языкомъ съ соболѣзнованіемъ.

2-й мужикъ. Извѣстно, окрѣпнетъ человѣкъ—крѣпче камня; ослабнетъ—слабѣе воды.

Старый поваръ слѣзаетъ съ печи, дрожить и ногами и руками. Лукерья! говорю, дай рюмочку.

Кухарка. Куда лѣзешь? Я те дамъ такую рюмочку!..

Старый поваръ. Боишься ты Бога? Умираю... Братцы, пяточокъ. .

Кухарка. Говорю, полѣзай на печь.

Старый поваръ. Кухарка! полъ-рюмочки. Христа ради, говорю, понимаешь ты—Христомъ прошу!

Кухарка. Иди, иди. Чаю вотъ на!

Старый поваръ. Что чай? что чай? Пустое питье, слабое. Вина бы, только глоточекъ... Лукерья!

3-й мужикъ. Ахъ, сердешный, мается какъ.

2-й мужикъ. Да дай ему, что ль?

Кухарка достаетъ въ поставцѣ и наливаетъ рюмку. На вотъ, больше не дамъ.

Старый поваръ хватаетъ, пьетъ дрожа. Лукерья! Кухарка! Я выпью, а ты понимай...

Кухарка. Ну, ну, разговаривай! Лѣзь на печку, и чтобъ духа твоего не слышно было.

Старый поваръ лѣзетъ покорно и не переставая ворчить что то себѣ подъ носъ.

2-й мужикъ. Что значить—ослабъ человѣкъ!

1-й мужикъ. Двистительно, слабость-то человѣческая.

3-й мужикъ. Да что и говорить.

Старый поваръ укладывается
и все ворчитъ. Молчаніе.

2-й мужикъ. Ну, что я хотѣлъ спросить: эта вотъ дѣвушка живетъ у васъ съ нашей стороны—Аксиньиной-то. Ну что? какъ? Какъ она живетъ,—значить, честно ли?

Яковъ. Дѣвушка хорошая, похвалить можно.

Кухарка. Я тебѣ, дядя, истину скажу, какъ я здѣшнее заведеніе твердо знаю: хочешь ты Татьяну за сына брать,—бери скорѣе, пока не изгадилась, а то не миновать.

Яковъ. Да, это истинно такъ. Вотъ лѣтось Наталья у насъ, дѣвушка, жила. Хорошая дѣвушка была. Такъ ни за что пропала, не хуже этого...

Показываетъ на повара.

Кухарка. Потому нашей сестры пропадаетъ — плотину пруди. Всякому манится на легонькую работу да на сладкую пищу. Анъ глядь, со сладкой-то пищи сейчасъ и свихнулась. А свихнулась, имъ ужъ такая не нужна. Сейчасъ эту вонь—свѣженькую на мѣсто. Такъ-то Наташа сердешная: свихнулась, — сейчасъ прогнали. Родила, заболѣла, весной прошлой въ больницѣ и померла. И какая дѣвушка была!

3-й мужикъ. О, Господи! Народъ слабый. Жалѣть надо.

Старый поваръ. Какъ же, пожалѣютъ они, черти! Спускаетъ съ печи ноги. Я у плиты тридцать лѣтъ прожарился. А вотъ не нуженъ сталъ: издыхай, какъ собака!.. Какъ же, пожалѣютъ!..

1-й мужикъ. Это двистительно, положенія извѣстная.

2-й мужикъ. Пили, ѣли—кудрявчикомъ звали; попили, поѣли—прощай, шелудяк!

3-й мужикъ. О, Господи!

Старый поваръ. Понимаешь ты много. Что значить: сотей а ла бамонъ? Что значить: бавасари? Что я сдѣлать могъ! Мысли! Императоръ мою работу кушалъ! А теперь не нуженъ сталъ чертямъ. Да не поддамся я!

Кухарка. Ну, ну, разговорился. Вотъ я тебя!.. Залѣзай въ уголь, чтобъ не видать тебя было, а то Федоръ Иванычъ зайдетъ или еще кто, и выгонятъ меня съ тобой совсѣмъ!

Молчаніе.

Яковъ. Такъ знаете мою сторону-то, Вознесенское?

2-й мужикъ. Какъ же не знать. Отъ насъ версть 17, больше не будетъ, а бродомъ меньше. Ты что жъ, землю-то удержишь?

Яковъ. Братъ держитъ, а я посылаю. Я самъ хоть здѣсь, а умираю объ домѣ.

1-й мужикъ. Двистительно.

2-й мужикъ. Анисимъ, значить, братъ тебѣ?

Яковъ. Какъ же, братъ родной! На томъ концу.

2-й мужикъ. Какъ не знать,—третій дворъ.

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Тѣ же и Таня вбѣгаетъ.

Таня. Яковъ Иванычъ! что вы тутъ прохлаждаетесь? Зоветъ!

Яковъ. Сейчасъ. Что тамъ?

Таня. Фифка лаеть, ѣсть хочеть; а она ругается на

вась: какой, говорить, онъ злой. Жалости, говорить, въ немъ нѣтъ. Ей давно обѣдать пора, а онъ не несетъ!..

Смѣется.

Яковъ хочетъ уходить. О, сердита? Какъ бы чего не вышло!

Кухарка. Якову. Капусту-то возьмите.

Яковъ. Давай, давай!

Береть капусту и уходить.

ЯВЛЕНИЕ 14-е.

Тѣ же безъ Якова.

1-й мужикъ. Кому же это обѣдать теперь?

Таня. А собакѣ. Собака это ея... Присаживается и берется за чайникъ. Чай то есть ли? а то я принесла еще.

Всыпаетъ.

2-й мужикъ. Обѣдать собакѣ?

Таня. Какъ же! Коклетку особенную дѣлають, чтобъ не жирная была. Я на нее, на собаку-то, бѣлье стираю.

3-й мужикъ. О, Господи!

Таня. Какъ тотъ баринъ, что собаку хоронилъ.

2-й мужикъ. Это какъ же такъ?

Таня. А такъ,—разсказывалъ одинъ челоуѣкъ, издохъ у него песь, у барина-то. Вотъ онъ и поѣхалъ зимой хоронить его. Похоронилъ, ѣдетъ и плачетъ, баринъ-то. А морозъ здоровый, у кучера изъ носу течетъ и онъ утирается.. Дайте налью. Наливаетъ чай. Изъ носу-то течетъ, а онъ все утирается. Увидалъ баринъ: «что, говорить, о чемъ ты плачешь?» А кучеръ говорить: «какъ же, сударь, не плакать, какая собака была!»

Хохочетъ.

2-й мужикъ. А самъ, я чай, думаетъ: хоть бы ты и самъ издохъ, я бѣ плакать не сталъ...

Хохочетъ.

Старый поваръ съ печки. Это правильно, вѣрно!

Таня. Хорошо, приѣхалъ домой баринъ, сейчасъ барынѣ: «какой, говоритъ, нашъ кучеръ добрый: онъ всю дорогу плакалъ,—такъ ему жаль моего Дружка. Позовите его... На, моль, выпей водки, а вотъ тебѣ награда—рубль». Такъ-то и она, что Яковъ собаки ея не жалѣетъ.

Мужики хохочутъ.

1-й мужикъ. Хворменно.

2-й мужикъ. Вотъ такъ такъ.

3-й мужикъ. Ай, дѣвушка, насмѣшила!

Таня наливаетъ еще чай. Кушайте еще!.. То-то, оно такъ кажется, что жизнь хорошая, а другой разъ противно всѣ эти гадости за ними убирать. Тьфу! Въ деревнѣ лучше.

Мужики перевертываютъ чашки.

Таня наливаетъ. Кушайте на здоровье, Ефимъ Антофичъ! Я налью, Митрій Власевичъ!

3-й мужикъ. Ну, налей, налей.

1-й мужикъ. Ну, какъ же, умница, дѣло наше происходитъ?

Таня. Ничего, идетъ...

1-й мужикъ. Семень сказывалъ...

Таня быстро. Сказывалъ?

2-й мужикъ. Да не понять отъ него.

Таня. Мнѣ сказать теперь нельзя, а только стараюсь, стараюсь. Вотъ она—и бумага ваша! Показываетъ бумагу за фартукомъ. Только бы одна штука удалась... Взвизгиваетъ. Ужъ какъ бы хорошо было!

2-й мужикъ. Ты, смотри, бумагу-то не затеряй. За нее тоже денежки плачены.

Таня. Будьте покойны. Вѣдь только чтобъ подписалъ онъ?

3-й мужикъ. А то чего жъ еще? Подписалъ, скажемъ, и крышка. Перевертываетъ чашку. Да будетъ ужъ.

Таня сама съ собой. Подпишетъ, вотъ увидите, подпишетъ... Еще кушайте.

Наливаетъ.

1-й мужикъ. Только охлопочи насчетъ свершенія продажи земли, міромъ и замужъ можемъ отдать.

Отказывается отъ чая.

Таня наливаетъ и подаетъ. Кушайте.

3-й мужикъ. Только сдѣлай: и замужъ отдадимъ, и на свадьбу, скажемъ, плясать приду. Хоть отродясь не плясывалъ, плясать буду!

Таня смѣется. Да ужъ я буду въ надеждѣ.

Молчаніе.

2-й мужикъ оглядывая Таню. Такъ-то такъ, а не го-жаешься ты для мужицкой работы.

Таня. Я то? Чго жъ, вы думаете, силы нѣту? Вы бы посмотрѣли, какъ я барыню затыгиваю. Другой мужикъ такъ не потянетъ.

2-й мужикъ. Да куда жъ ты ее затыгиваешь?

Таня. Да такъ на костяхъ исдѣлано, какъ куртка, по сихъ поръ. Ну, на шнуры и стягиваешь, какъ вотъ запрягаютъ, еще въ руки плюютъ.

2-й мужикъ. Засупониваешь, значитъ?

Таня. Да, да, засупониваю. А ногой въ нее вѣдь не упрешься.

Смѣется.

2-й мужикъ. Зачѣмъ же ты ее затягиваешь?

Таня. А вотъ затѣмъ.

2-й мужикъ. Что жъ, она обрелась, что ль?

Таня. Нѣтъ, для красоты.

1-й мужикъ. Пузу, значить, ей утягиваетъ для хвормы.

Таня. Такъ такъ стянешь, что у нея глаза вонъ лѣзутъ, а она говоритъ: «еще». Такъ всѣ руки обожжешь, а вы говорите: силы нѣтъ.

Мужики смѣются и качаютъ головами.

Таня. Однако я заболталась.

Убѣгаетъ, смѣясь.

3-й мужикъ. Вотъ такъ дѣвушка, насмѣшила!

1-й мужикъ. Да ужъ какъ акуратна!

2-й мужикъ. Ничего.

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Три мужика, кухарка, старый поваръ на печкѣ. Входятъ Сахатовъ и Василій Леонидычъ.

У Сахатова въ рукахъ ложка чайная.

Василій Леонидычъ. Не то, чтобы обѣдъ, а déjeuner dinatoire. И прекрасный, я вамъ скажу, былъ завтракъ: поросячьи окорочка—прелесть! Рулье отлично кормить. Я вѣдь только сейчасъ пріѣхалъ. Увидѣвъ мужиковъ. А мужики опять здѣсь?

Сахатовъ. Да, да, это все прекрасно, но мы пришли спрятать предметъ. Такъ куда же спрятать?

Василій Леонидычъ. Виновать, я сейчасъ. Къ кухаркѣ. А собаки гдѣ же?

Кухарка. Въ кучерской собаки. Развѣ можно въ людскую?

Василій Леонидычъ. А, въ кучерской? Ну, хорошо.

Сахатовъ. Я жду.

Василій Леонидычъ. Виновать, виновать. А, что? спрятать? Да, Сергѣй Ивановичъ, такъ вотъ что я вамъ скажу: мужику, одному изъ этихъ, въ карманъ. Вотъ хоть этому. Ты послушай. А, что? Гдѣ у тебя карманъ?

3-й мужикъ. А на что тебѣ карманъ? Ишь ты, карманъ! У меня въ карманѣ деньги.

Сахатовъ. Ну, гдѣ кошель?

3-й мужикъ. А тебѣ на что?

Кухарка. Что ты! Молодой баринъ это.

Василій Леонидычъ хохочетъ. А вы знаете, отчего онъ испугался такъ? Я вамъ сейчасъ скажу: у него денегъ пропасть. А, что?

Сахатовъ. Да, да, понимаю. Ну, такъ вотъ что: вы поговорите съ ними, а я покамѣсть незамѣтно положу вонъ въ эту сумку—такъ, чтобъ и они не знали, не могли ничѣмъ указать ему. Погсворите съ ними.

Василій Леонидычъ. Сейчасъ, сейчасъ. Ну, такъ какъ же, ребяташки, купите землю-то? А, что?

1-й мужикъ. Мы-то предлагаемъ, какъ всей душой. Да вотъ все не происходитъ въ движеніи дѣлу.

Василій Леонидычъ. А вы не скупитесь. Земля—

дѣло важное. Я вамъ говоритъ—мяту. А то можно табакъ еще.

1-й мужикъ. Это двистительно, всякіе продукты можно.

3-й мужикъ. А ты, отецъ, попроси батюшку. А то какъ жить? Земля малая,—курицу, скажемъ, и ту выпустить некуда.

САХАТОВЪ положилъ ложку въ сумку 3-го мужика. *C'est fait.* Готово. Пойдемте.

Уходить.

Василій Леонидычъ. А вы не скупитесь. А? Ну, прощайте.

Уходить.

ЯВЛЕНИЕ 16-е.

Три мужика, кухарка и старый поваръ на печкѣ.

3-й мужикъ. Я говорилъ: на фатеру. Ну, по гривнѣ, скажемъ, отдали бы, по крайности покойно, а тутъ помилуй Богъ. Деньги, говоритъ, давай. Къ чему это?

2-й мужикъ. Должно, выпимши.

Мужики переворачиваютъ чашки
встаютъ и крестятся.

1-й мужикъ. А ты помни, какъ онъ слово закинулъ, чтобъ мяту сѣять? Тоже понимать надо.

2-й мужикъ. Какъ же, мяту сѣй, вишь. Ты попытайся-ка, горбомъ поворочай,—запросишь мяты, небось... Ну, благодаримъ покорно!.. А что жъ, умница, гдѣ намъ лечь тутъ?

Кухарка. Ложитесь—на печку одинъ, а то по лавкамъ.

3-й мужикъ. Спаси Христосъ!

Молится Богу.

1-й мужикъ. Кабы Богъ далъ свершенія дѣла. Ложится. Завтра послѣ обѣда на машину бы закатились, во вторникъ и дома бы.

3-й мужикъ. Свѣтъ-то тушить будете?

Кухарка. Гдѣ тушить! Все прибѣгать будутъ: то того, то другого.. Да вы ложитесь, я заверну.

2-й мужикъ. На малой землѣ какъ проживешь? Я нынче вѣдь съ Рождества хлѣбъ покупаю. И солома овсяная дошла. А то закатилъ бы четыре десятинки, Семку бы домой взялъ.

1-й мужикъ. Твое дѣло семейное. Безъ нужды! Землю уберешь, только подавай. Только бы свершилось дѣло.

3-й мужикъ. Царицу Небесную просить надо. Авось смилосердуется.

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Тишина, вздохи. Потомъ слышны топотъ шаговъ, шумъ голосовъ, двери растворяются настежь и стремительно вваливаются: Гросманъ съ завязанными глазами, держащій за руку Сахатова, профессоръ и докторъ, толстая барыня и Леонидъ Ѳедоровичъ, Бетси и Петрищевъ, Василій Леонидычъ и Марья Константиновна, барыня и баронесса, Ѳедоръ Иванычъ и Таня. Три мужика, кухарка и старый поваръ невидимъ.

Мужики вскакиваютъ. Гросманъ входитъ быстрыми шагами, потомъ останавливается.

Толстая барыня. Вы не заботьтесь: я слѣжу; я

взялась слѣдить и строго исполняю свою обязанность. Сергѣй Ивановичъ, вы не ведете?

Сахатовъ. Да нѣтъ же.

Толстая барыня. Вы не ведите и не противьтесь. Къ Леониду Федоровичу. Я знаю эти опыты. Я сама ихъ дѣлала, Я, бывало, чувствую истечение и какъ только почувствую...

Леонидъ Федоровичъ. Позвольте попросить соблюдать тишину.

Толстая барыня. Ахъ, я это очень понимаю! Я это на себѣ испытала. Какъ только вниманіе развлеклось, я ужъ не могу.

Леонидъ Федоровичъ Шт...

Ходятъ, ищутъ около 1-го и 2-го мужика и подходятъ къ 3-му. Гросманъ спотыкается на скамейку.

Баронесса. Mais dites moi, on le paye?

Барыня. Je ne saurais vous dire.

Баронесса. Mais c'est un monsieur?

Барыня. Oh! oui.

Баронесса. Ça tient du miraculeux! N'est-ce pas? Comment est-ce qu'il trouve?

Барыня. Je ne saurais vous dire. Mon mari vous l'expliquera. Увидавъ мужиковъ, оглядывается и видитъ кухарку. Pardon... Это что?

Баронесса подходитъ къ группѣ.

Барыня кухаркѣ. Кто пустилъ мужиковъ?

Кухарка. Яковъ привелъ.

Барыня. Якову кто приказалъ?

Кухарка. Не могу знать. Федоръ Иванычъ ихъ видѣли.

Б а р ы н я. Леонидъ!

Леонидъ Ѳеодоровичъ не слышитъ, занятъ отыскиваніемъ и шикаетъ.

Б а р ы н я. Ѳеодоръ Иванычъ! это что значитъ? Развѣ вы не видали, что я дезинфицировала всю переднюю, а теперь вы мнѣ всю кухню заразили, черный хлѣбъ, квасъ..

Ѳеодоръ Иванычъ. Я полагаю, что здѣсь неопасно; а люди по дѣлу. Идти имъ далеко, и изъ своей деревни.

Б а р ы н я. Въ этомъ-то и дѣло, что изъ курской деревни, гдѣ какъ мухи мрутъ отъ дифтерита. А главное — я приказывала, чтобъ ихъ не было въ домѣ!.. Приказывала я или нѣтъ? Подходить къ кучкѣ, собравшейся около мужиковъ Осторожнѣе! Не дотрогивайтесь до нихъ, они всѣ въ дифтеритной заразѣ!

Никто ея не слушаетъ; она съ достоинствомъ отходить и неподвижно стоитъ, дожидаясь.

П е т р и щ е в ъ сопить громко носомъ. Дифтеритная — не знаю, а нѣкоторая другая зараза въ воздухѣ есть. Вы слышите?

Б е т с и. Полноте враты! Вово, въ какой сумкѣ?

В а с и л і й Леонидычъ. Въ той, въ той! Подходить, подходитъ.

П е т р и щ е в ъ. Что это тутъ: дѹхи или духи?

Б е т с и. Вотъ когда ваши папироски кстати. Курите, курите ближе ко мнѣ.

П е т р и щ е в ъ нагибается и окуриваетъ.

В а с и л і й Леонидычъ. Добирается, я вамъ скажу. А, что?

Гросманъ съ безпокойствомъ шарить около 3-го мужика. Здѣсь, здѣсь. Я чувствую, что здѣсь.

Толстая барыня. Истеченіе чувствуете?

Гросманъ нагибается къ сумочкѣ и достаетъ ложку.

Всѣ. Bravo!

Общій восторгъ.

Василій Леонидычъ А? такъ вотъ гдѣ наша ложечка нашлась! На мужика. Такъ ты такъ-то?

3-й мужикъ. Чего такъ-то? Не бралъ я твоей ложечки. И что путаешь? Не бралъ я и не бралъ, и душа моя не знаетъ. А вольно ему! Я видѣлъ, онъ приходилъ не за добромъ. Кошель, говоритъ, давай. А я не бралъ, вотъ-те Христось, не бралъ.

Молодежь обступаетъ и смѣется.

Леонидъ Ѳедоровичъ сердито на сына. Вѣчно глупости! 3-мужуки. Да не безпокойся, дружокъ! Мы знаемъ, что ты не бралъ; это опытъ былъ.

Гросманъ снимаетъ повязку и дѣлаетъ видъ, какъ бы очнулся. Воды, если можно... позвольте.

Всѣ хлопчутъ около него.

Василій Леонидычъ. Пойдемте отсюда въ кучерскую. Я вамъ покажу, какой кобель одинъ тамъ у меня. *Épâtant!* А, что?

Бетси. И какое слово гадкое. Развѣ нельзя сказать: собака?

Василій Леонидычъ. Нельзя. Вѣдь нельзя про тебя сказать: какая Бетси человѣкъ *épâtant*? Надо сказать: дѣвица; такъ и это. А, что? Марья Константиновна, правда? хорошо?

Хохочетъ.

МАРЬЯ КОНСТАНТИНОВНА. Ну, пойдѣмъ.

Марья Константиновна, Бетси, Петрищевъ и Василій Леонидычъ уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Тѣ же безъ Бетси, Марьи Константиновны, Петрищева и Василя Леонидыча.

Толстая барыня Гросману. Что? какъ? Отдохнули? Гросманъ не отвѣчаетъ. Къ Сахатову. Вы, Сергѣй Ивановичъ, чувствовали истеченіе?

Сахатовъ. Я ничего не чувствовалъ. Да, прекрасно, прекрасно. Вполнѣ удачно.

Баронесса. Admirable. Ça ne le fait pas souffrir?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Pas le moins du monde.

Профессоръ Гросману. Позвольте васъ попросить. Подаетъ термометръ. При началѣ опыта было 37 и 2. Доктору. Такъ, кажется? Да будьте добры, пульсъ провѣрьте. Трата неизбѣжна.

Докторъ Гросману. Ну-ка, господинъ, позвольте вашъ пульсъ. Провѣримъ, провѣримъ.

Вынимаетъ часы и держитъ его за руку.

Толстая барыня къ Гросману. Позвольте. Но вѣдь то состояніе, въ которомъ вы находились, нельзя называть сномъ?

Гросманъ устало. Тотъ же гипнозъ.

Сахатовъ. Стало быть, надо понимать такъ, что вы сами гипнотизировали себя?

Гросманъ. А отчего же нѣтъ? Гипнозъ можетъ на-

ступить не только при ассоціаціи, при звукѣ тамтамъ, на-
примѣръ, какъ у Шарко, но и при одномъ вступленіи въ
гипногенную зону.

Сахатовъ. Это такъ, положимъ, но все-таки жела-
тельно точнѣе опредѣлить, что такое гипнозъ?

Профессоръ. Гипнозъ есть явленіе превращенія од-
ной энергіи въ другую.

Гросманъ. Шарко не такъ опредѣляетъ.

Сахатовъ. Позвольте, позвольте. Таково ваше опре-
дѣленіе, но Либо мнѣ самъ говорилъ...

Докторъ оставляя пульсъ. А, хорошо, хорошо, только
температуру теперь...

Толстая барыня вмѣшиваясь. Нѣтъ, позвольте! Я
согласна съ Алексѣемъ Владиміровичемъ. И вотъ вамъ
лучше всѣхъ доказательствъ. Когда я послѣ своей болѣзни
лежала безъ чувствъ, то на меня нашла потребность гово-
рить. Я вообще молчалива, но тутъ явилась потребность
говорить, говорить и мнѣ говорили, что я такъ говорила,
что всѣ удивлялись. Къ Сахатову. Впрочемъ, я васъ пере-
била кажется?

Сахатовъ достойно. Нисколько. Сдѣлайте одолженіе.

Докторъ. Пульсъ 82, температура повысилась на 0,3

Профессоръ. Ну, вотъ вамъ и доказательство! Такъ
и должно было быть. Вынимаетъ записную книжку и записываетъ.
82, такъ? И 37 и 5? Какъ только вызванъ гипнозъ, такъ
непремѣнно усиленная дѣятельность сердца.

Докторъ. Я, какъ врачъ, могу засвидѣтельствовать
то, что ваше предсказаніе вполнѣ подтвердилось.

Профессоръ къ Сахатову. Такъ вы говорили?

Сахатовъ. Я хотѣлъ сказать, что Либо мнѣ самъ

говорилъ, что гипнозъ есть только особенное психическое состояніе, увеличивающее внушаемость.

ПРОФЕССОРЪ. Это такъ, но все-таки, главное, законъ эквивалентности.

ГРОСМАНЪ. Кромѣ того, Либо—далеко не авторитетъ, а Шарко всесторонне изслѣдовалъ и доказалъ, что гипнозъ, производимый ударомъ, травмою...

САХАТОВЪ. Да я и не отрицаю трудовъ Шарко. Я его тоже знаю; я говорю только то, что говорилъ мнѣ Либо.

ГРОСМАНЪ горячась. Въ Сальпетриерѣ 3.000 больныхъ, и я прослушалъ полный курсъ.

ПРОФЕССОРЪ. Позвольте, господа, не въ этомъ дѣло.

ГОЛСТАЯ БАРЫНЯ вмѣшиваясь. Я въ двухъ словахъ вамъ объясню. Когда мой мужъ былъ боленъ, то всѣ доктора отказались...

ЛЕОНИДЪ ФЕДОРОВИЧЪ. Пойдемте однако въ домъ. Баронесса, пожалуйста!

Всѣ уходягъ, говоря вмѣстѣ и перебивая другъ друга.

Вмѣстѣ.

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Три мужика, кухарка, Федоръ Ивановичъ, Таня, старый поваръ на печкѣ. Леонидъ Федоровичъ и
БАРЫНЯ.

БАРЫНЯ останавливаетъ за рукавъ Леонида Федоровича. Сколько разъ я васъ просила не распоряжаться въ домѣ! Вы знаете только свои глупости, а домъ на мнѣ. Вы заразите всѣхъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да кто? что? Ничего не понимаю.

Барыня. Какъ? Люди, больные въ дифтеритѣ, ночуютъ въ кухнѣ, гдѣ постоянное сношеніе съ домомъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да я...

Барыня. Что я?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да я ничего не знаю.

Барыня. Надо знать, коли вы отецъ семейства. Нельзя этого дѣлать.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да я не думалъ... Я думалъ...

Барыня. Слушать васъ противно!

Леонидъ Ѳедоровичъ молчитъ.

Барыня къ Ѳедору Иванычу. Сейчасъ вонъ! Чтобъ ихъ не было въ моей кухнѣ! Это ужасно. Никто не слушаетъ, все на зло... я оттуда ихъ прогоню, они ихъ сюда пустятъ. Все больше и больше волнуется и доходитъ до слезъ. Все на зло! Все на зло! И съ моею болью... Док горъ! докторъ! Петръ Петровичъ!.. И онъ ушелъ!

Всхлипываетъ и уходитъ, за ней Леонидъ Ѳедоровичъ.

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

Три мужика, Таня, Ѳедоръ Иванычъ, кухарка и СТАРЫЙ поваръ на печкѣ.

Картина. Всѣ стоятъ долго молча.

3-й мужикъ. Ну ихъ къ Богу совсѣмъ! Тутъ того и гляди въ полицію попадешь. А я въ жизнь не судился! Пойдемъ на фатеру, ребята!

Ѳедоръ Иванычъ Танѣ. Какъ же быть-то?

ТАНЯ. Да ничего, Федоръ Иванычъ. Въ кучерскую ихъ. Федоръ Иванычъ. Да какъ же въ кучерскую? И такъ кучеръ жаловался,—тамъ полно собакъ.

ТАНЯ. Ну, такъ въ дворницкую.

ФЕДОРЪ ИВАНЫЧЪ. А какъ узнаютъ?

ТАНЯ. Ничего не узнаютъ. Ужъ будьте покойны, Федоръ Иванычъ. Развѣ можно ихъ ночью гнать? Они и не найдутъ теперь.

ФЕДОРЪ ИВАНЫЧЪ. Ну. дѣлай, какъ знаешь, только бы тутъ ихъ не было.

Уходить.

ЯВЛЕНІЕ 21-е.

Три мужика, Таня, кухарка и старый поваръ.
Мужики собираютъ сумки.

Старый поваръ. Вишь, черти проклятые! Съ жируто! Черти!..

Кухарка. Молчи ужъ ты-то. Спасибо, не увидали.

Таня. Такъ пойдете, дяденьки, въ дворницкую.

1-й мужикъ. Ну, а что же дѣло-то наше? Какъ же, примѣрно, насчетъ подписки, руки приложенія? Что жъ, въ надеждѣ намъ быть?

Таня. Вотъ черезъ часъ все узнаемъ.

2-й мужикъ. Исхитришься?

Таня смѣется. Какъ Богъ дастъ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Дѣйствіе происходитъ вечеромъ того же дня въ маленькой гостиной, гдѣ всегда производятся у Леонида Ѳедоровича опыты.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Леонидъ Ѳедоровичъ и профессоръ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Такъ какъ же, рискнуть сеансъ съ нашимъ новымъ медиумомъ.

Профессоръ. Непремѣнно. Медиумъ несомнѣнно сильный. Главное же—желательно, чтобы медиумической сеансъ у насъ былъ нынче же и съ тѣмъ же персоналомъ. Гросманъ не премѣнно долженъ отозваться на вліяніе медиумической энергіи, и тогда связь и единство явленій будутъ еще очевиднѣе. Вы увидите, что если медиумъ будетъ такъ же силенъ, какъ сейчасъ, то Гросманъ будетъ вибрировать.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Такъ я, знаете, пошлю за Семеномъ и приглашу желающихъ.

Профессоръ. Да, да, я только сдѣлаю себѣ нѣкоторыя замѣтки.

Вынимаетъ записную книжку и записываетъ.

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Тѣ же и Сахатовъ.

Сахатовъ. Тамъ у Анны Павловны сѣли въ винтъ, а я, какъ остающійся за штатомъ... да, кромѣ того, интересующійся сеансомъ, вотъ и являюсь къ вамъ. Что жъ, будетъ сеансъ?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Будетъ, непременно будетъ!

Сахатовъ. Какъ же, и безъ медиумической силы г-на Капчича?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Vous avez la main heureuse Представьте себѣ, тотъ самый мужикъ, о которомъ я вамъ говорилъ, оказался несомнѣнный медиумъ.

Сахатовъ. Вотъ какъ! О, да это особенно интересно!

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да, да. Мы послѣ обѣда сдѣлали съ нимъ маленькій предварительный опытъ.

Сахатовъ. Успѣли сдѣлать и убѣдиться?..

Леонидъ Ѳедоровичъ. Вполнѣ, и оказался замѣчательной силы медиумъ.

Сахатовъ недоувѣрчиво. Вотъ какъ!

Леонидъ Ѳедоровичъ. Оказывается, что въ людской давно уже замѣчали. Онъ сядетъ къ чашкѣ, ложка сама вскакиваетъ ему въ руку. Къ профессору. Вы слышали?

Профессоръ. Нѣтъ, этого собственно я не слышалъ.

Сахатовъ профессору. Но все-таки и вы допускаете возможность такихъ явлений?

ПРОФЕССОРЪ. Какихъ явленій?

САХАТОВЪ. Ну, вообще, спиритическихъ, медиумическихъ, вообще сверхъестественныхъ явленій.

ПРОФЕССОРЪ. Дѣло въ томъ, что мы называемъ сверхъестественнымъ? Когда не живой человѣкъ, а кусокъ камня притянулъ къ себѣ гвоздь, то какимъ показалось это явленіе для наблюдателей: естественнымъ или сверхъестественнымъ?

САХАТОВЪ. Да, конечно; но только такія явленія, какъ притяженіе магнита, постоянно повторяются.

ПРОФЕССОРЪ. То же самое и здѣсь. Явленіе повторяется, и мы его подвергаемъ изслѣдованію. Мало того, мы подводимъ изслѣдуемая явленія подъ общіе другимъ явленіямъ законы. Явленія вѣдь кажутся сверхъестественными только потому, что причины явленій приписываются самому медиуму. Но вѣдь это невѣрно. Явленія производимы не медиумомъ, но духовной энергіей черезъ медиума, а это разница большая. Все дѣло—въ законѣ эквивалентности.

САХАТОВЪ. Да, конечно, но...

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ же и ТАНЯ входитъ и становится за портьеру.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Одно только знайте, что какъ съ Юмомъ и Капчичемъ, такъ и теперь съ этимъ медиумомъ впередъ ни на что разсчитывать нельзя. Можетъ быть неудача, а можетъ быть и полная матеріализація.

САХАТОВЪ. Даже и матеріализація? Какая же можетъ быть матеріализація?

Леонидъ Ѳедоровичъ. А такая, что придетъ

умершій человекъ: отецъ вашъ, дѣдъ, возьметъ васъ за руку, дастъ вамъ что-нибудь; или кто-нибудь вдругъ поднимется на воздухъ, какъ прошлый разъ у насъ съ Алексѣемъ Владиміровичемъ.

Профессоръ. Конечно, конечно. Но главное дѣло—въ объясненіи явленій и подведеніи ихъ подъ общіе законы.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же и толстая барыня.

Толстая барыня. Анна Павловна мнѣ позволила пройти къ вамъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Милости просимъ.

Толстая барыня. Но какъ однако Гросманъ усталъ. Онъ не могъ чашки держать. Вы замѣтили, какъ онъ поблѣднѣлъ къ профессору въ ту минуту, какъ приблизился? Я сейчасъ же замѣтила, я первая сказала Аннѣ Павловнѣ.

Профессоръ. Несомнѣнно, трата жизненной энергіи.

Толстая барыня. Вотъ и я говорю, что этимъ злоупотреблять нельзя. Какъ же, гипнотизаторъ внушилъ одной моей знакомой, Вѣрочкѣ Коншиной,—да вы ее знаете,—чтобъ она перестала курить, а у нея спина заболѣла.

Профессоръ хочетъ начать говорить. Измѣреніе температуры и пульсъ очевидно показываютъ...

Толстая барыня. Я сію минуту, позвольте. Я ей и говорю: ужъ лучше курить, но не страдать такъ нервами. Разумѣется, что курить вредно, и я бы желала отвыкнуть, но, что хотите, не могу. Я разъ двѣ недѣли не курила, а потомъ не выдержала.

ПРОФЕССОРЪ опять дѣлаетъ попытку говорить.. показываютъ несомнѣнно...

ТОЛСТАЯ БАРЫНЯ. Да нѣтъ, позвольте! Я въ двухъ словахъ. Вы говорите, что трата силъ? И я хотѣла сказать, что когда я ѣздила на почтовыхъ... Дороги тогда были ужасныя, вы это не помните, а я замѣчала, и, какъ хотите, наша нервность вся отъ желѣзныхъ дорогъ. Я, напримѣръ, въ дорогѣ спать не могу,—хоть убейте, а не засну.

ПРОФЕССОРЪ опять начинаетъ, но толстая барыня не даетъ ему говорить. Трата силъ...

САХАТОВЪ улыбаясь. Да, да,

Леонидъ Ѳедоровичъ звонить.

ТОЛСТАЯ БАРЫНЯ. Я одну, другую, третью ночь не буду спать, а все-таки не засну.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же и Григорій.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Скажите, пожалуйста, Ѳедору приготовить все для сеанса и позовите Семена сюда,—буфетнаго мужика, Семена, слышите?

Григорій. Слушаю-съ!

Уходить.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Леонидъ Ѳедоровичъ, профессоръ, толстая барыня и Таня спрятанная.

Профессоръ къ Сахатову. Измѣреніе температуры

и пульсъ показали трату жизненной энергіи. То же будетъ и при медіумическихъ проявленіяхъ. Законъ сохраненія энергіи...

Толстая барыня. Да, да. Я только еще хотѣла сказать, что я очень рада, что простой мужикъ оказался медіумъ. Это прекрасно. Я всегда говорила, что славянофилы...

Леонидъ Ѳедоровичъ. Пойдемте пока въ гостиную.

Толстая барыня. Позвольте, я въ двухъ словахъ... Славянофилы правы, но я всегда говорила своему мужу, что ни въ чемъ не надо преувеличивать. Золотая середина, знаете. А то какъ же утверждать, что въ народѣ все хорошо, когда я сама видѣла...

Леонидъ Ѳедоровичъ. Не угодно ли въ гостиную?

Толстая барыня. Вотъ такой мальчикъ и ужъ пьеть. Я его сейчасъ же разбранила. И онъ благодарень былъ потомъ. Они—дѣти, а дѣтямъ, я всегда говорила, нужны и любовь и строгость.

Всѣ уходятъ, разговаривая.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Таня одна, выходитъ изъ-за двери.

Таня. Ахъ, удалось бы только!

Завязываетъ нитки.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Таня и Бетси входитъ поспѣшно.

Бетси. Папа нѣтъ тутъ? Вглядывается въ Таню. Ты что тутъ?

Таня. А я такъ, Лизавета Леонидовна, взошла, хотѣла... только взошла...

Смущается.

Бетси. Да вѣдь тутъ сеансъ сейчасъ будетъ? Замѣчаетъ, что Таня собираетъ нитки, пристально смотритъ на нее и вдругъ заливается хохотомъ. Таня! это вѣдь ты все дѣлаешь? Да ужь не отпирайся. И тотъ разъ ты? Вѣдь, ты, ты?

Таня. Лизавета Леонидовна, голубушка!

Бетси въ восторгѣ. Ахъ, какъ это хорошо! Вотъ не ожидала! Зачѣмъ же ты это дѣлала?

Таня. Барышня, милая, да вы не выдайте!

Бетси. Да нѣтъ, ни за что. Я ужасно рада! Да какъ же ты дѣлаешь?

Таня. Да такъ и дѣлаю: спрячусь, а потомъ, какъ потушатъ, вылѣзу и дѣлаю.

Бетси показывая на нитку. А это зачѣмъ? Да, не говори, понимаю—задѣваешь...

Таня. Лизавета Леонидовна, голубушка, я только вамъ откроюсь! Прежде я такъ шалила, а теперь дѣло хочу сдѣлать.

Бетси. Какъ? что? Какое дѣло?

Таня. Да вотъ, видѣли, мужики пришли, хотятъ землю купить, а папаша не продаютъ и бумагу не подписали и имъ назадъ отдали. Ѳедоръ Иванычъ говоритъ: духи ему запретили. Вотъ я и вздумала.

Бетси. Ахъ, какая же ты умница! Дѣлай, Дѣлай... Да какъ же ты будешь дѣлать?

Таня. Да я такъ придумала: какъ они свѣтъ потушатъ, сейчасъ я начну стучать, швырять, ниткой ихъ по головамъ, а подъ конецъ бумагу объ землѣ—она у меня—и брошу на столъ.

Бетси. Ну и что жъ?

Таня. А какъ же? Они удивятся. Бумага была у мужиковъ и вдругъ здѣсь. А тутъ же велю...

Бетси. Да вѣдь Семень нынче медиумъ!

Таня. Такъ я ему вѣлю... Не можетъ говорить отъ смѣха. Вѣлю давить руками, кто подъ рукой будетъ. Только не папашу,—этого онъ не посмѣетъ,—и пусть давить кого другихъ, пока подпишутъ.

Бетси смѣется. Да вѣдь такъ не дѣлаютъ,—медиумъ самъ ничего не дѣлаетъ.

Таня. Да ничего, это все одно,—авось и такъ выйдетъ.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Таня и Ѳедоръ Ивановичъ.

Бетси дѣлаетъ знаки Танѣ и уходить.

Ѳедоръ Ивановичъ Танѣ. Ты что тутъ?

Таня. Да я къ вамъ, Ѳедоръ Ивановичъ, батюшка!..

Ѳедоръ Ивановичъ. Чего же ты?

Таня. Да объ дѣлѣ моемъ, къ вамъ, что я просила.

Ѳедоръ Ивановичъ смѣясь. Сосваталъ, сосваталъ, и по рукамъ ударили, только не пили.

Таня взвизгиваетъ. Неужто за-правду?

Ѳедоръ Ивановичъ. Да ужъ я тебѣ говорю. Онъ говоритъ: съ старухой посовѣтуюсь, да и съ Богомъ.

Таня. Такъ и сказалъ?.. Взвизгивая. Ахъ, голубчикъ, Ѳедоръ Ивановичъ, вѣкъ за васъ буду Бога молить!

Ѳедоръ Ивановичъ. Ну ладно, ладно! Теперь некогда. Велѣно убирать для сеанса.

Таня. Дайте я вамъ подсоблю. Какъ же убирать?

Ѳедоръ Ивановичъ. Да какъ? Да вотъ: столъ посреди комнаты, стулья, гитару, гармонию. Лампу не надо—свѣчи.

Таня устанавливаетъ се съ Федоромъ Ивановичемъ
Такъ, что ли? Сюда гитару, сюда чернильницу... Ставить. Такъ?

Федоръ Ивановичъ. Да неужели въ самомъ дѣлѣ Се-
мена посадятъ?

Таня. Должно быть. Вѣдь ужъ сажали.

Федоръ Ивановичъ. Удивленіе! Надѣваетъ *pince-nez*. Да
чистъ ли онъ?

Таня. Почему я знаю.

Федоръ Ивановичъ. Такъ ты вотъ что...

Таня. Что, Федоръ Ивановичъ?

Федоръ Ивановичъ. Поди ты, возьми щеточку ногтя-
ную и мыла Тридасъ, хоть у меня возьми.. И всѣ ты ему
остриги когти и вымой чисто-начисто.

Таня. Онъ и самъ вымоетъ.

Федоръ Ивановичъ. Ну такъ скажи только. Да бѣлье
вели надѣть чистое.

Таня. Хорошо, Федоръ Ивановичъ.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Федоръ Ивановичъ одинъ садится въ
кресло.

Федоръ Ивановичъ. Учены, ученые, хоть бы Алексѣй
Владиміровичъ, профессоръ онъ, а все другой разъ сильно
сомнѣніе беретъ. Народныя суевѣрія, грубыя, истребляются,
суевѣрія домовыхъ, колдуновъ, вѣдьмъ... А вѣдь если вник-
нуть, вѣдь это такое же суевѣріе. Ну, развѣ возможно
это, чтобы души умершихъ и говорили бы и на гитарѣ
играли бы? А дурачить ихъ кто-нибудь или сами себя. А
ужъ это съ Семеномъ и не поймешь что. Разсматриваетъ
альбомъ. Вѣдь вотъ ихъ альбомъ спиритическій. Ну, воз-

можно ли это дѣло, чтобы фотографію съ духа снять? А вотъ изображеніе—турокъ и Леонидъ Ѳедоровичъ сидятъ... Удивительна слабость человѣческая!

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Ѳедоръ Иванычъ и Леонидъ Ѳедоровичъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. входя. Что, готово?

Ѳедоръ Иванычъ. встаетъ не торопясь. Готово. Улыбаясь. Только не знаю, какъ бы вашъ новый медиумъ не скомпрометировалъ васъ, Леонидъ Ѳедоровичъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, мы его испытывали съ Алексѣемъ Владиміровичемъ. Удивительно сильный медиумъ.

Ѳедоръ Иванычъ, Ужъ этого не знаю. Только чистъ ли онъ? Вы вотъ не позаботились руки ему велѣть вымыть. А то всетаки неудобно.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Руки? Ахъ, да! Нечисты, ты думаешь?

Ѳедоръ Иванычъ. Да какъ же, мужикъ. А тутъ дамы, и Марья Васильевна.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ну и прекрасно.

Ѳедоръ Иванычъ. Да еще я хотѣлъ вамъ доложить: Тимошей, кучеръ, приходилъ жаловаться, что нельзя ему чистоту соблюсти отъ собакъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. устанавливая предметы на столъ, разсѣянно. Какихъ собакъ?

Ѳедоръ Иванычъ. Да Василию Леонидычу нынче борзыхъ привели тройку, въ кучерскую помѣстили.

Леонидъ Ѳедоровичъ. досадливо. Скажи Аннѣ Павловнѣ, какъ она хочетъ, а мнѣ и некогда.

Федоръ Ивановичъ. Да вѣдь вы знаете ихъ пристрастіе...
Леонидъ Федоровичъ. Ну, какъ хочеть она, такъ
и дѣлаеть. А отъ него, кромѣ неприятностей... да и некогда.

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ же и Семенъ въ поддевкѣ, входитъ,
улыбается.

Семенъ. Приказали придти?

Леонидъ Федоровичъ. Да, да. Покажи руки. Ну и
прекрасно, прекрасно! Такъ вотъ, дружокъ, ты такъ же
дѣлай, какъ давеча; садись и отдавайся чувству. А самъ
ничего не думай.

Семенъ. Чего жъ думать? Что думать, то хуже.

Леонидъ Федоровичъ. Вотъ, вотъ, вотъ! Чѣмъ
менѣе сознательно, тѣмъ сильнѣе. Не думай, а отдавайся
настроению: хочется спать—спи, хочется ходить—ходи; по-
нимаешь?

Семенъ. Какъ не понимать? Хитрости тутъ ни-
сколько.

Леонидъ Федоровичъ. И главное—не смущайся. А
то ты самъ можешь удивиться. Ты пойми, что какъ мы
живемъ, такъ невидимый міръ духовъ тутъ же живетъ.

Федоръ Ивановичъ поправляя. Незримыя чувства, по-
нимаешь?

Семенъ смѣется. Какъ не понять! Какъ вы сказывали,
такъ это очень просто.

Леонидъ Федоровичъ. Можешь подняться на воз-
духъ или еще что-нибудь, то ты не робѣй.

Семенъ. Чего жъ робѣть? Это все можно.

Леонидъ Федоровичъ. Ну, такъ я пойду, позову
всѣхъ... Все готово?

Федоръ Иванычъ. Кажется, все.
Леонидъ Федоровичъ. А грифельныя доски?
Федоръ Иванычъ. Внизу, сейчасъ принесу.
Уходить.

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Леонидъ Федоровичъ и Семень.

Леонидъ Федоровичъ. Ну, такъ хорошо. Такъ ты не смущайся и будь свободнѣе.

Семень. Нешто поддевку снять: оно свободнѣе будетъ.

Леонидъ Федоровичъ. Поддевку? Нѣтъ, нѣтъ, не надо.

Уходить.

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Семень одинъ.

Семень. Опять то же велѣла дѣлать, а она опять будетъ свое швырять. И какъ она не боится?

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Семень и Таня входитъ безъ ботинокъ, въ платьѣ цвѣта обоевъ Семень хохочетъ.

Таня шикаетъ. Шш!.. услышатъ! Вотъ на пальцы спички наклеи, какъ давеча. Наклеиваетъ. Что же, все помнишь?

Семень загибая пальцы. Перво-наперво—спички на-

мочить. Махать — разъ. Другое дѣло — зубами трещать, вотъ такъ... — два. Вотъ третье забылъ.

Таня. А третье-то лучше всего. Ты помни: какъ бумага на столъ падетъ — я еще въ колокольчикъ позвоню, — такъ ты сейчасъ же руками вотъ такъ.. Разведи шире и захватывай. Кто возлѣ сидитъ, того и захватывай. А какъ захватишь, такъ жми. Хсочетъ. Баринъ ли, барыня ли, знай — жми, все жми, да и не выпускай, какъ будто во снѣ, а зубами скрипи али рычи, вотъ такъ... Рычить. А какъ я на гитарѣ заиграю, такъ какъ будто просыпайся, потянись, знаешь, такъ и проснись... Все помнишь?

Семень. Все помню, только смѣшно больно.

Таня. А ты не смѣйся. А засмѣешься — это еще не бѣда. Они подумаютъ, что во снѣ. Одно только — взаправду не засни, какъ они свѣтъ-то потушатъ.

Семень. Небось, я себя за уши щипать буду.

Таня. Такъ ты смотри, Семочка, голубчикъ. Только дѣлай все, не робѣй. Подпишетъ бумагу. Вотъ увидишь. Идутъ...

Лѣзетъ подъ диванъ.

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Семень и Таня. Входятъ Гросманъ, профессоръ, Леонидъ Ѳедоровичъ, толстая барыня, докторъ, Сахатовъ, барыня.

Семень стоитъ у двери.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Милости просимъ, всѣ невѣрующіе! Несмотря на то, что медіумъ новый, случайный, я нынче жду очень знаменательныхъ проявленій.

Сахатовъ. Очень, очень интересно.

Толстая барыня на Семена. Mais il est très bien.

Барыня. Какъ буфетный мужикъ, да, но только...

Сахатовъ. Жены всегда не вѣрятъ въ дѣло своихъ мужей. Вы совсѣмъ не допускаете?

Барыня. Разумѣется, нѣтъ. Въ Капчичѣ, правда, есть что-то особенное, но ужъ это Богъ знаетъ что такое!

Толстая барыня. Нѣтъ, позвольте, Анна Павловна, это нельзя такъ рѣшать. Когда я еще была не замужемъ, видѣла одинъ замѣчательный сонъ. Сны, знаете, бываютъ такіе, что вы не знаете, когда начинается, когда кончается: такъ я видѣла именно такой сонъ...

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Тѣ же. Василій Леонидычъ и Петрищевъ входятъ.

Толстая барыня. И мнѣ многое было открыто этимъ сномъ. Нынче ужъ эти молодые люди указываютъ на Петрищева и на Василія Леонидыча все отрицаютъ.

Василій Леонидычъ. А я никогда, я вамъ скажу ничего не отрицаю. А, что?

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Тѣ же. Входятъ Бетси и Марья Константиновна и вступаютъ въ разговоръ съ Петрищевымъ.

Толстая барыня. А какъ же можно отрицать сверхъестественное? Говорятъ: не согласно съ разумомъ. Да разумъ-то можетъ быть глупый, тогда что? Вѣдь вотъ на Садовой—вы слышали?—каждый вечеръ являлось. Братъ

моего мужа—какъ это называется?.. не beau frère, а по-русски... не свекоръ, а еще какъ-то?.. я никогда не могу запомнить этихъ русскихъ названій,—такъ онъ ѣздилъ три ночи сряду и все-таки ничего не видалъ, такъ я и говорю...

Леонидъ Ѳедоровичъ. Такъ кто же да кто остается?

Толстая барыня. Я, я!

Сахатовъ. Я!

Барыня къ доктору. Неужели вы остаетесь?

Докторъ. Да, надо хоть разъ посмотрѣть, что тутъ Алексѣй Владимировичъ находитъ. Отрицать бездоказательно тоже нельзя.

Барыня. Такъ рѣшительно принять нынче вечеромъ?

Докторъ. Кого принять?.. Ахъ да, порошокъ. Да, примите, пожалуй. Да, да, примите... Да я зайду.

Барыня. Да, пожалуйста. Громко. Когда кончите, *messieurs et mesdames*, милости просимъ ко мнѣ отдохнуть отъ эмоцій, да и винтъ докончимъ.

Толстая барыня. Непремѣнно.

Сахатовъ. Да, да!

Барыня уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Тѣ же безъ барыни.

Бетси Петрищеву. Я вамъ говорю, оставайтесь. Я вамъ обѣщаю необыкновенныя вещи. Хотите пари?

Марья Константиновна. Да развѣ вы вѣрите?

Бетси. Нынче вѣрю.

Марья Константиновна Петрищеву. А вы вѣрите?

Петрищевъ. «Не вѣрю, не вѣрю обѣтамъ коварнымъ». Ну, да если Елизавета Леонидовна велитъ...

Василій Леонидычъ. Останемся, Марья Константиновна. А, что? Я что-нибудь такое épátant придумаю.

Марья Константиновна. Нѣтъ, вы не смѣшите. Я вѣдь не могу удержаться.

Василій Леонидычъ громко. Я остаюсь!

Леонидъ Ѳедоровичъ строго. Прошу только тѣхъ, кто остается, не дѣлать изъ этого шутки. Это дѣло серьезное.

Петрищевъ. Слышишь? Ну, такъ останемся. Вово, садись сюда, да смотри не робѣй.

Бетси. Да вы смѣтетесь, а вотъ увидите, что будетъ.

Василій Леонидычъ. А что какъ въ самомъ дѣлѣ? Вотъ штука-то будетъ! А, что?

Петрищевъ дрожитъ. Ой, боюсь, боюсь! Марья Константиновна, боюсь!.. ножки дрожатъ.

Бетси смѣтется. Тише!

Всѣ садятся.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Садитесь, садитесь. Садись, Семень!

Семень. Слушаю-сь.

Садится на край стула.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Садись хорошенько.

Профессоръ. Садись правильно на средину стула, совершенно свободно.

Усаживаетъ Семена. Бетси, Марья Константиновна и Василій Леонидычъ хохочуть.

Леонидъ Ѳедоровичъ возвышая голосъ. Прошу тѣхъ, кто остается, не шалить и относиться къ дѣлу серьезно. Могутъ быть дурныя послѣдствія. Вово, слышишь? Если не будешь сидѣть смиренно, уйди.

Василій Леонидычъ. Смирно!

Прячется за спину толстой барыни.

Леонидъ Федоровичъ. Алексѣй Владимировичъ, вы усыпите.

Профессоръ. Нѣтъ, зачѣмъ же я, когда Антонъ Борисовичъ тутъ? У него гораздо больше и практики въ этомъ отношеніи и силы... Антонъ Борисовичъ!

Гросманъ. Господа, я собственно не спирить. Я только изучалъ гипнозъ. Гипнозъ я изучалъ, правда, во всѣхъ его извѣстныхъ проявленіяхъ. Но то, что называется спиритизмомъ, мнѣ совершенно неизвѣстно. Отъ усыпленія субъекта я могу ожидать извѣстныхъ мнѣ явленій гипноза: летаргіи, абуліи, анестезіи, аналгезіи, каталепсіи и всякаго рода внушеній. Здѣсь же предполагаются къ изслѣдованію не эти, а другія явленія, и потому желательно было бы знать, какого рода эти ожидаемая явленія и какое они имѣютъ научное значеніе.

Сахатовъ. Вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію г-на Гросмана. Такое разъясненіе было бы очень интересно.

Леонидъ Федоровичъ къ пофессору. Я думаю, Алексѣй Владимировичъ, вы не откажетесь объяснить вкратцѣ...

Профессоръ. Отчего жъ, я могу объяснить, если этого желаютъ. Къ доктору. А вы, пожалуйста, измѣрьте температуру и пульсъ. Объясненіе мое будетъ неизбежно поверхностно и кратко.

Леонидъ Федоровичъ. Да, вкратцѣ, вкратцѣ...

Докторъ. Сейчасъ. Вынимаетъ термометръ и подаетъ. Ну-ка, молодецъ!..

Устанавливаетъ.

Семень. Слушаю-съ.

ПРОФЕССОРЪ вставая и обращаясь къ толстой барынѣ, а потомъ садясь. Господа, явленіе, которое мы изслѣдуемъ, представляется обыкновенно съ одной стороны какъ нѣчто новое, съ другой стороны какъ нѣчто выходящее изъ ряда естественныхъ условій. Ни то, ни другое несправедливо. Явленіе это не ново, а старо какъ міръ, и не сверхъестественно, а подлежитъ все тѣмъ же вѣчнымъ законамъ, которымъ подлежитъ и все существующее. Явленіе это опредѣлялось обыкновенно какъ общеніе съ міромъ духовнымъ. Опредѣленіе это не точно. По опредѣленію этому міръ духовный противопоставляется міру матеріальному, но это несправедливо: противоположенія этого нѣтъ. Оба міра такъ тѣсно соприкасаются, что нѣтъ никакой возможности провести демаркаціонную линію, отдѣляющую одинъ міръ отъ другого. Мы говоримъ: матерія слагается изъ молекулъ...

Петрищевъ. Скучная матерія!

Шопотъ, хохотъ.

ПРОФЕССОРЪ остановившись и потомъ продолжая. Молекулы—изъ атомовъ, но атомы, не имѣя протяженія, суть въ сущности не что иное, какъ точки приложенія силъ. То-есть, строго говоря, не силъ, а энергіи,—той самой энергіи, которая такъ же едина и неуничтожима, какъ и матерія. Но какъ матерія одна, а виды ея различны, такъ точно и энергія. До послѣдняго времени намъ были извѣстны только четыре, превращающіеся одинъ въ другой, вида энергіи. Намъ извѣстны энергіи: динамическая, термическая, электрическая и химическая. Но четыре вида энергіи далеко не исчерпываютъ всего разнообразія ея проявленій. Виды проявленія энергіи многообразны, и одинъ изъ такихъ новыхъ,

мало извѣстныхъ видовъ энергіи и изслѣдуется нами. Я говорю объ энергіи медиумизма.

Опять шопотъ и хохотъ въ углу молодежи.

ПРОФЕССОРЪ останавливается и, строго оглянувшись, продолжаетъ. Медиумическая энергія извѣстна человѣчеству давнымъ-давно: предсказанія, предчувствія, видѣнія и многія другія—все это не что иное, какъ проявленія медиумической энергіи. Явленія, производимыя ею, извѣстны давнымъ-давно. Но самая энергія не признавалась таковой до самаго послѣдняго времени, до тѣхъ поръ, пока не было признано той среды, колебанія которой и производятъ медиумическія явленія. И точно такъ же, какъ явленія свѣта были необъяснимы до тѣхъ поръ, пока не было признано существованіе невѣсогомаго вещества—ээира, точно такъ же и медиумическія явленія казались таинственными до тѣхъ поръ, пока не была признана та, несомнѣнная теперь, истина, что въ промежуткахъ частицъ ээира находится другое, еще болѣе тонкое, чѣмъ ээиръ, невѣсоемое вещество, не подлежащее закону трехъ измѣреній...

Опять шопотъ, хохотъ и повизгиванье.

ПРОФЕССОРЪ опять оглядывается строго. И точно такъ же, какъ математическія вычисленія подтвердили неопровержимо существованіе невѣсогомаго ээира, дающаго явленія свѣта и электричества, точно такъ же блестящій рядъ самыхъ точныхъ опытовъ геніальнаго Германа, Шмита и Іосифа Шмацофена несомнѣнно подтвердилъ существованіе того вещества, которое наполняетъ вселенную и можетъ быть названо духовнымъ ээиромъ.

Толстая барыня. Да, теперь я понимаю. Какъ я благодарна...

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да; но нельзя ли, Алексѣй Владиміровичъ, нѣсколько... сократить?

Профессоръ не отвѣчая. Итакъ, рядъ строго-научныхъ опытовъ и изслѣдованій, какъ я имѣлъ честь сообщить вамъ, выяснялъ намъ законы медіумическихъ явленій. Опыты эти выяснили намъ то, что погруженіе нѣкоторыхъ личностей въ гипнотическое состояніе, отличающееся отъ обыкновеннаго сна только тѣмъ, что при погруженіи въ этотъ сонъ дѣятельность фізіологическая не только не понижается, но всегда повышается, какъ мы сейчасъ видѣли — оказалось, что погруженіе въ это состояніе какого бы то ни было субъекта неизмѣнно влечетъ за собой нѣкоторыя пертурбаціи въ духовномъ эфирѣ, — пертурбаціи совершенно подобныя тѣмъ, которыя производитъ погруженіе твердаго тѣла въ жидкое. Пертурбаціи же эти и суть то, что мы называемъ медіумическими явленіями...

Хохотъ, шопотъ.

Сахатовъ. Это совершенно справедливо и понятно; но позвольте спросить: если, какъ вы изволите говорить, погруженіе медіума въ сонъ производитъ пертурбаціи духовнаго ээира, то почему же эти пертурбаціи выражаются всегда, какъ это подразумѣвается обыкновенно въ спиритическихъ сеансахъ, проявленіемъ дѣятельности душъ умершихъ личностей?

Профессоръ. А потому, что частицы этого духовнаго ээира суть не что иное, какъ души живыхъ, умершихъ и неродившихся, такъ что всякое сотрясеніе этого духовнаго ээира неизбѣжно вызываетъ извѣстное движеніе его ча-

стиць. Частицы же эти суть не что иное, какъ души людей, входящія этимъ движеніемъ въ общеніе между собой.

Толстая барыня къ Сахатову. Что же тутъ не понимать? Это такъ просто... Очень, очень благодарю васъ!

Леонидъ Ѳедоровичъ. Мнѣ кажется, что теперь все ясно, и мы можемъ приступить.

Докторъ. Малый въ самыхъ нормальныхъ условіяхъ: температура 37 и 2, пульсъ 74.

Профессоръ вынимаетъ книжку и записываетъ. Подтверженіемъ того, что я имѣлъ честь сообщить, можетъ служить то, что погруженіе медиума въ сонъ неизбѣжно, какъ мы сейчасъ и увидимъ, вызоветъ подъемъ температуры и пульса, точно такъ же какъ и при гипнозѣ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да, да, виноватъ, я только хотѣлъ сказать Сергѣю Ивановичу на то, что онъ спрашивалъ: почему мы узнаемъ, что съ нами общаются души умершихъ? Мы узнаемъ это потому, что тотъ духъ, который приходитъ, прямо намъ говоритъ,—просто, какъ я говорю,—говоритъ намъ, кто онъ и зачѣмъ пришелъ, и гдѣ онъ, и хорошо ли ему. Послѣдній сеансъ былъ испанецъ донъ Кастильось, и онъ все сказалъ намъ. Онъ сказалъ намъ, кто онъ, и когда умеръ, и то, что ему тяжело за то, что онъ участвовалъ въ инквизиціи. Мало того, онъ сообщилъ намъ то, что съ нимъ случилось въ то самое время, какъ онъ говорилъ съ нами, а именно то, что въ то самое время, какъ онъ говорилъ съ нами, онъ долженъ былъ вновь рождаться на землю и потому не могъ докончить начатаго съ нами разговора... Да вотъ вы сами увидите...

Толстая барыня перебивая. Ахъ, какъ интересно! Можетъ быть, испанецъ у насъ въ домѣ родился и маленькій теперь.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Очень можетъ быть.

Профессоръ. Я думаю, пора бы начинать.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Я только хотѣлъ сказать...

Профессоръ. Поздно ужъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ну, хорошо. Такъ можемъ приступить. Пожалуйста, Антонъ Борисовичъ, усыпите медиума...

Гросманъ. Какъ вы желаете, чтобъ я усыпилъ субъекта? Есть много употребительныхъ приемовъ. Есть способъ Бреда, есть египетскій символъ, есть способъ Шарко.

Леонидъ Ѳедоровичъ къ профессору. Это все равно, я думаю.

Профессоръ. Безразлично.

Гросманъ. Такъ я употреблю свой способъ, который я демонстрировалъ въ Одессѣ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Пожалуйста!

Гросманъ машетъ рукой надъ Семеномъ. Семень закрываетъ глаза и потягивается.

Гросманъ приглядывается. Засыпаетъ, заснулъ. Замѣчательно быстрое наступленіе гипноза. Очевидно, субъектъ уже вступилъ въ анестетическое состояніе. Замѣчательно, необыкновенно воспримчивый субъектъ и могъ бы быть подвергнутъ интереснымъ опытамъ!.. Садится, встаетъ, опять садится. Теперь можно бы проколоть ему руки. Если желаете...

Профессоръ къ Леониду Ѳедоровичу. Замѣчаете, какъ сонъ медиума дѣйствуетъ на Гросмана? Онъ начинаетъ вибрировать.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да, да... теперь можно тушить?

Сахатовъ. Но почему же нужна темнота?

Профессоръ. Темнота? А потому, что темнота есть одно изъ условій, при которыхъ проявляется медиумическая энергія, такъ же какъ извѣстная температура есть условіе извѣстныхъ проявленій химической или динамической энергіи.

Леонидъ Ѳедоровичъ. И не всегда. Многимъ—и мнѣ—являлись и при свѣчахъ и при солнцѣ.

Профессоръ перебивая. Можно тушить?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да, да. Тушить свѣчи. Господа, теперь прошу вниманія.

Таня вылѣзаетъ изъ-подъ дивана и беретъ въ руки нитку, привязанную къ бра.

Петрищевъ. Нѣтъ, мнѣ понравился испанецъ. Какъ онъ въ серединѣ разговора внизъ головой... что называется *riquer une tête*

Бетси. Нѣтъ, вы подождите, посмотрите, что будетъ!

Петрищевъ. Я одного боюсь: какъ бы Вово не захрюкалъ поросенкомъ.

Василій Леонидычъ. Хотите? Я хвачу...

Леонидъ Ѳедоровичъ. Господа, прошу не разговаривать, пожалуйста...

Тишина. Семень лижетъ палець, мажетъ имъ косточки на рукѣ и машетъ ими.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Свѣтъ! Видите свѣтъ?

Сахатовъ. Свѣтъ! да, да, вижу; но позвольте...

Толстая барыня. Гдѣ, гдѣ? Ахъ, не видала! Вотъ онъ. Ахъ!..

Профессоръ къ Леониду Ѳедоровичу шопотомъ

указывая на Гросмана, который двигается. Вы замѣтите, какъ онъ вибрируетъ. Двойная сила.

Опять показывается свѣтъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ къ профессору. А вѣдь это онъ.

Сахатовъ. Кто онъ?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Грекъ Николай. Его свѣтъ, Не правда ли, Алексѣй Владиміровичъ?

Сахатовъ. Что такое грекъ Николай?

Профессоръ. Нѣкій грекъ, монашествовавшій при Константиинѣ въ Царьградѣ и посѣщавшій насъ послѣднее время.

Толстая барыня. Гдѣ же онъ? гдѣ же онъ? Я не вижу.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Его нельзя еще видѣть... Алексѣй Владиміровичъ, онъ всегда особенно благосклоненъ къ вамъ. Спросите его.

Профессоръ особеннымъ голосомъ. Николай, ты это?

Таня стучитъ два раза объ стѣну.

Леонидъ Ѳедоровичъ радостно. Онъ! онъ!

Толстая барыня Ай, ай! Я уйду.

Сахатовъ. Почему же предполагается, что это онъ?

Леонидъ Ѳедоровичъ. А два удара. Утвердительный отвѣтъ: иначе было бы молчаніе.

Молчаніе. Сдержанный хохотъ въ углу молодежи. Таня бросаетъ на столъ колпакъ съ лампы, карандашъ, утиралку перьевъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ шопотомъ. Замѣчайте, господа, вотъ колпакъ съ лампы. Еще что-то. Карандашъ!..

Алексѣй Владиміровичъ, карандашъ!

Профессоръ. Хорошо, хорошо. Я слѣжу и за нимъ, и за Гросманомъ. Вы замѣчаете?

Гросманъ встаетъ и оглядываетъ предметы, упавшіе на столъ.

Сахатовъ. Позвольте, позвольте! Я бы желалъ по-смотреть, не производитъ ли всего этого медиумъ?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Вы думаете? Такъ сядьте подлѣ, держите его за руки. Но будьте увѣрены, онъ спитъ.

Сахатовъ подходитъ, задѣваетъ головой за нитку, которую спускаетъ Таня и, испуганно нагибается. Да... а-а!.. Странно, странно.

Подходитъ, беретъ за локоть Семена, Семень рычитъ.

Профессоръ къ Леониду Ѳедоровичу. Слышите, какъ дѣйствуетъ присутствіе Гросмана? Новое явленіе,— надо записать...

• Выбѣгаетъ и записываетъ, потомъ возвращается.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да... Но нельзя же оставлять Николая безъ отвѣта, надо начинать...

Гросманъ встаетъ, подходитъ къ Семену, поднимаетъ и опускаетъ его руку. Теперь интересно бы произвести контратуру. Субъектъ въ полномъ гипнозѣ.

Профессоръ къ Леониду Ѳедоровичу. Вы видите, видите?

Гросманъ. Если вы желаете..

Докторъ. Да ужъ позвольте, батюшка, Алексѣю Владиміровичу распорядиться, — штука-то выходитъ серьезная.

Профессоръ. Оставьте его. Онъ говоритъ уже во снѣ.

Толстая барыня. Какъ я рада теперь, что рѣши-

лась присутствовать. Страшно, но все-таки я рада, потому что я мужу всегда говорила...

Леонидъ Ѳедоровичъ. Прошу помолчать.

Таня проводить ниткой по головѣ толстой барыни.

Толстая барыня. Ай!

Леонидъ Ѳедоровичъ. Что? что?

Толстая барыня. Онъ меня за волосы взялъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ шопотомъ. Не бойтесь, ничего, подайте ему руку. Рука бываетъ холодная, но я это люблю.

Толстая барыня прячетъ руки. Ни за что!

Сахатовъ. Да, странно, странно!

Леонидъ Ѳедоровичъ. Онъ здѣсь и ищетъ общенія. Кто хочетъ спросить что-нибудь?

Сахатовъ. Позвольте, я спрошу...

Профессоръ. Сдѣлайте одолженіе.

Сахатовъ. Вѣрю я или нѣтъ?

Таня стучить два раза.

Профессоръ. Отвѣтъ утвердительный.

Сахатовъ. Позвольте, я еще спрошу. Есть у меня въ карманѣ десятирублевая бумажка?

Таня стучить много разъ и проводить ниткой по головѣ Сахатова.

Сахатовъ. Ахъ!.. Хватаетъ нитку и обрываетъ ее.

Профессоръ. Я бы просилъ присутствующихъ не дѣлать неопредѣленныхъ или шуточныхъ вопросовъ. Ему неприятно.

Сахатовъ. Нѣтъ, позвольте, у меня въ рукѣ нитка.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Нитка? Держите ее. Это часто бываетъ; не только нитка, но шелковые снурки, самые древніе.

Сахатовъ. Нѣтъ, однако откуда же нитка?

Таня бросаетъ въ него подушкой.

Сахатовъ. Позвольте, позвольте! Что-то мягкое ударило меня въ голову. Позвольте свѣтъ—тутъ чтонибудь...

Профессоръ. Мы просимъ васъ не нарушать проявленія.

Толстая барыня. Ради Бога, не нарушайте! И я хочу спросить. Можно?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Можно, можно. Спрашивайте.

Толстая барыня. Я хочу спросить о своемъ желудкѣ. Можно? Я хочу спросить, что мнѣ принимать—аконитъ или белладону?

Молчаніе, шопоть въ сторонѣ молодыхъ людей, и вдругъ Василій Леонидычъ кричитъ, какъ грудной ребенокъ; уа! уа! Хохотъ. Захватывая носы и рты и фыркая, дѣвицы съ Петрищевымъ убѣгаютъ.

Толстая барыня. Ахъ, это вѣрно и этотъ монахъ опять родился!

Леонидъ Ѳедоровичъ въ бѣшенствѣ, гнѣвнымъ шопотомъ. Кромѣ глупости, отъ тебя ничего! Если не умѣешь держать себя прилично, то уйди.

Василій Леонидычъ уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

Леонидъ Ѳедоровичъ, профессоръ, толстая барыня, Сахатовъ, Гросманъ, докторъ, Семень и Таня. Темнота и молчаніе.

Толстая барыня. Ахъ, какъ жаль! Теперь уже нельзя спрашивать. Онъ родился.

Занавѣсъ падаетъ

Леонидъ Ѳедоровичъ. Нисколько. Это глупости Вово. А онъ тутъ. Спрашивайте.

Профессоръ. Это часто бываетъ; эти шутки, насмѣшки—самое обыкновенное явленіе. Я полагаю, что онъ здѣсь еще. Впрочемъ, мы можемъ спросить. Леонидъ Ѳедоровичъ, вы?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, пожалуйста, вы. Меня это разстроило. Такъ неприятно! Эта безтактность!..

Профессоръ. Хорошо, хорошо!.. Николай, ты здѣсь еще?

Таня стучитъ два раза и звонитъ въ колокольчикъ. Семенъ начинаетъ рычать и разводитъ руками. Захватываетъ Сахатова и профессора и давить ихъ.

Профессоръ. Какое неожиданное проявленіе! Воздѣйствіе на самого медиума. Этого не бывало. Леонидъ Ѳедоровичъ, наблюдайте, мнѣ неловко. Онъ давить меня. Да смотрите, что Гросманъ? Теперь нужно полное вниманіе.

Таня бросаетъ мужицкую бумагу на столъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Что-то упало на столъ.

Профессоръ. Смотрите, что упало.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Бумага! Сложенный листъ бумаги.

Таня бросаетъ дорожную чернильницу.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Чернильница!

Таня бросаетъ перо.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Перо!

Семенъ рычитъ и давить.

ПРОФЕССОРЪ задавленный. Позвольте, позвольте, совершенно новое явление: не вызванная медиумическая энергия дѣйствуетъ, а самъ медиумъ. Однако откройте чернильницу и положите на бумагу перо, онъ напишетъ.

Таня заходитъ сзади Леонида Ѳедоровича и бьетъ его по головѣ гитарой.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ударилъ меня по головѣ. Смотрить на столъ. Перо еще не пишетъ, еще и бумага сложена.

ПРОФЕССОРЪ. Посмотрите, что за бумага, дѣлайте скорѣй; очевидно двойная сила—его и Гросмана—производить пертурбаціи.

Леонидъ Ѳедоровичъ выходитъ съ бумагой въ дверь и тотчасъ возвращается. Необычайно! Бумага эта—договоръ съ крестьянами, который я нынче утромъ отказался подписать и отдалъ назадъ крестьянамъ. Вѣроятно, онъ хочетъ, чтобъ я подписалъ его?

ПРОФЕССОРЪ. Разумѣется! Разумѣется! Да вы спросите.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Николай, или ты желаешь...

Таня стучитъ два раза.

ПРОФЕССОРЪ. Слышите? Очевидно, очевидно!

Леонидъ Ѳедоровичъ беретъ перо и выходитъ. Таня стучитъ, играетъ на гитарѣ и гармоніи и лѣзетъ опять подъ диванъ. Леонидъ Ѳедоровичъ возвращается. Семень потягивается и прокашливается.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Онъ просыпается. Можно зажечь свѣчи.

Профессоръ поспѣшно. Докторъ, докторъ, пожалуй-ста, температуру и пульсъ! Вы увидите, что сейчасъ обнаружится повышеніе.

Леонидъ Ѳедоровичъ зажигаетъ свѣчи. Ну что, господа невѣрующіе?

Докторъ подходя къ Семену и вставляя термометръ. Ну-ка, молодецъ. Что, поспаль? Ну-ка, это вставь и дай руку.

Смотрить на часы.

Сахатовъ пожимаетъ плечами. Могу утверждать, что медиумъ не могъ дѣлать всего того, что происходило. Но нитка?.. Я бы желалъ объясненіе нитки.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Нитка, нитка! Тутъ были явленія посерьезнѣе.

Сахатовъ. Не знаю. Во всякомъ случаѣ je *réserve mon opinion*.

Толстая барыня къ Сахатову. Нѣтъ, какъ же вы говорите: je *réserve mon opinion*? А младенецъ-то съ крыльшками? Развѣ вы не видали? Я сначала подумала, что это кажется, но потомъ ясно, ясно, какъ живой...

Сахатовъ. Могу говорить только о томъ, что видѣлъ. Я не видалъ этого, не видалъ.

Толстая барыня. Ну какъ же! Совсѣмъ ясно было видно. А съ лѣвой стороны монахъ въ черномъ одѣяніи еще нагнулъ къ нему...

Сахатовъ отходитъ. Какое преувеличеніе!

Толстая барыня обращается къ доктору. Вы должны были видѣть. Онъ съ вашей стороны поднимался.

Докторъ, не слушая ея, продолжаетъ считать пульсъ.

Толстая барыня къ Гросману. И свѣтъ, свѣтъ отъ него, особенно вокругъ личика. И выраженіе такое кроткое, нѣжное, что-то вотъ этакое небесное!

Сама нѣжно улыбается.

Гросманъ. Я видѣлъ свѣтъ фосфорическій, предметы измѣняли мѣсто, но болѣе я ничего не видѣлъ.

Толстая барыня. Ну, полноте! Это вы такъ. Эго оттого, что вы, ученые школы Шарко, не вѣрите въ загробную жизнь. А меня никто теперь, никто въ мірѣ не разувѣритъ въ будущей жизни.

Гросманъ уходитъ отъ нея

Толстая барыня. Нѣтъ, нѣтъ, что ни говорите, а это одна изъ самыхъ счастливыхъ минутъ въ моей жизни. Когда Сарасате игралъ и эта... Да! Никто ея не слушаетъ. Она подходитъ къ Семену. Ну, ты мнѣ скажи, дружокъ, ты что чувствовалъ? Очень тебѣ было тяжело?

Семенъ смѣется. Такъ точно.

Толстая барыня. Все-таки терпѣть можно?

Семенъ. Такъ точно. Къ Леониду Федоровичу. Прикажете идти?

Леонидъ Федоровичъ. Иди, иди.

Докторъ къ профессору. Пульсъ тотъ же, но температура понизилась.

Профессоръ. Понизилась? Задумывается и вдругъ догадывается. Такъ и должно было быть,—должно было быть пониженіе. Двойная энергія, пересѣкаясь, должна была произвести нѣчто въ родѣ интерференціи. Да, да.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Мнѣ одно жалко, что полной матеріализаціи не было. Но все-таки... Господа, милости просимъ въ гостиную.

Толстая барыня. Особенно меня поразило, когда онъ взмахнулъ крылышками и видно было, какъ онъ поднимается.

Гросманъ Сахатову. Если бы держаться одного гипноза, можно бы произвести полную эпилепсію. Успѣхъ могъ бы быть совершенный.

Сахатовъ. Интересно, но не вполнѣ убѣдительно!—все, что могу сказать.

Говорятъ всё вмѣстѣ, уходя.

ЯВЛЕНІЕ 21-е.

Леонидъ Ѳедоровичъ съ бумагой. Входитъ Ѳедоръ Ивановичъ.

Леонидъ Ѳедоровичъ. Ну, Ѳедоръ, какой сеансъ былъ—удивительный! Оказывается, что землю-то надо уступить крестьянамъ на ихъ условіяхъ.

Ѳедоръ Ивановичъ. Вотъ какъ!

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да какъ же? Показываетъ бумагу. Представь, бумага, которую я имъ отдалъ, оказалась на столѣ. Я подписалъ.

Ѳедоръ Ивановичъ. Какъ же она попала сюда?

Леонидъ Ѳедоровичъ. Да вотъ попала.

Уходитъ.

Ѳедоръ Ивановичъ уходитъ за нимъ.

ЯВЛЕНИЕ 22-е.

Таня одна, выльзаетъ изъ-подъ дивана и смѣется.

Таня. Батюшки мои! Голубчики! Набралась я страху, какъ онъ за нитку поймалъ. Визжитъ. Ну, да все-таки вышло,—подписалъ!

ЯВЛЕНИЕ 23-е.

Таня и Григорій.

Григорій. Такъ это ты ихъ дурачила?

Таня. А вамъ что?

Григорій. А что жъ, думаешь, барыня за это похвалить? Нѣтъ, шалишь, теперь попалась. Расскажу твои плутни, коли по-моему не сдѣлаешь.

Таня. И по-вашему не сдѣлаю, и ничего вы мнѣ не сдѣлаете.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ декорацію 1-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Два выѣздныхъ лакея въ ливреяхъ, Ѳеодоръ Ивановичъ и Григорій.

1-й лакей съ сѣдыми бакенбардами. Нынче къ вамъ къ третьимъ. Спасибо, въ одной сторонѣ пріемные дни. У васъ прежде по четвергамъ было.

Ѳеодоръ Ивановичъ. Затѣмъ перемѣнили на субботу, чтобы заодно: у Головкиныхъ, у Граде-фонъ-Грабе...

2-й лакей. У Щербаковыхъ такъ-то хорошо: что какъ балъ, такъ лакеямъ угощеніе.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же. Сверху сходятъ княгиня съ княжной. Бетси провожаетъ ихъ. Княгиня глядитъ въ книжечку, на часы и садится на ларь. Григорій надѣваетъ ей ботинки.

Княжна. Нѣтъ, ты, пожалуйста, пріѣзжай. А то ты откажешься, Додо откажется,—ничего и не выйдетъ.

Бетси. Не знаю. Къ Шубинымъ надо непремѣнно. Потому репетиція.

Княжна. Успѣшь. Нѣтъ, ты пожалуйста. Ne nous fais pas faux bond. Одея будетъ и Коко.

Бетси. J'en ai par dessus la tête de votre Coco.

Княжна. Я думала, что я его здѣсь найду. Ordinairement il est d'une exactitude...

Бетси. Онъ непремѣнно будетъ.

Княжна. Когда я его вижу съ тобой, мнѣ кажется, что онъ только что сдѣлалъ или вотъ сдѣлаетъ предложеніе.

Бетси. Да ужъ, вѣроятно, придется пройти черезъ это. И такъ непріятно.

Княжна. Бѣдный Коко! Онъ такъ влюбленъ.

Бетси. Cessez, les gens.

Княжна садится на диванчикъ⁴ разговаривая шопотомъ. Григорій надѣваетъ ей ботики.

Княжна. Такъ до вечера.

Бетси. Постараюсь.

Княгиня. Такъ скажите папа, что я ничему не вѣрю, но пріѣду посмотрѣть его новаго медиума. Чтобъ онъ далъ знать. Прощайте ma toute belle.

Цѣлуетъ и уходитъ съ княжной.
Бетси уходитъ наверхъ.

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Два лакея, Федоръ Ивановъ и Григорій

Григорій. Не люблю старухъ обувать: не перегнется никакъ, отъ живота не видитъ, тычетъ мимо все; то ли дѣло молоденькую — пріятно и ножку въ руки взять.

2-й лакей. Тоже разбираетъ!

1-й лакей. Нашему брату этого разбирать не полагается.

Григорій. Отчего же не разбирать, развѣ мы не люди? Это они думаютъ, что мы не понимаемъ; какъ сейчасъ разговорились, взглянули на меня, сейчасъ: ле жанъ.

2-й лакей. А это что жъ?

Григорій. А это значить по-русски: не говори, поймутъ. За обѣдомъ то же; а я понимаю. Вы говорите: разница— никакой нѣтъ.

1-й лакей. Разница большая, кто понимаетъ.

Григорій. Разницы нѣтъ никакой. Нынче я лакей, а завтра, можетъ, и не хуже ихъ жить буду. И за лакеевъ замужъ выходятъ, развѣ не бывало? Пойти покурить.

Уходить.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же безъ Григорія.

2-й лакей. А смѣлый этотъ у васъ молодой человѣкъ.

Едодоръ Ивановъ. Пустой малый, неспособенъ къ службѣ: въ конторщикахъ былъ, набаловался. Я и не совѣтовалъ брать, да барынѣ понравился, — виденъ для выѣзда.

1-й лакей. Я бы его къ нашему графу: онъ бы его поставилъ въ точку. Охъ! не любить этакихъ вертуновъ. Лакей, такъ будь лакей, званіе свое оправдай; а эта гордость не пристала.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же, сверху сбѣгаетъ Петрищевъ и достаетъ папироску.

Петрищевъ въ задумчивости. Да, да. Мое второе то же,

что «ка». Кар тожъ-ка. Мое все... Да, да. Навстрѣчу ему входитъ Коко Клингенъ въ pince-nez. Кокошка. А, Картошка! Откуда?

Коко Клингенъ. Отъ Щербаковыхъ. Ты вѣчно глупости...

Петрищевъ. Нѣтъ, ты слушай, шарада: мое первое то же, что «кинъ», мое второе то же, что «ка», а мое все далеко гонитъ телятъ.

Коко Клингенъ. Не знаю, не знаю. И некогда.

Петрищевъ. А куда тебѣ еще?

Коко Клингенъ. Какъ куда? Къ Ивинымъ, спѣвка, надо быть. Потомъ къ Шубинимъ, потомъ на репетицію. Вѣдь и ты долженъ быть?

Петрищевъ. Какъ же, непремѣнно. И на репетициі и на морковетициі. Вѣдь то я былъ дикій, а теперь я и дикій и генераль.

Коко Клингенъ. Ну, а сеансъ вчерашній что?

Петрищевъ. Умора! Мужикъ былъ; но главное дѣло— все въ темнотѣ. Вово младенцемъ пицаль. Профессоръ объяснялъ, а Марья Васильевна разъясняла. Потѣха! Жаль, что ты не былъ.

Коко Клингенъ. Боюсь, mon cher; ты какъ-то это умѣешь шутками отдѣлываться, а мнѣ все кажется, что чуть скажу словечко, сейчасъ повернуть такъ, что я сдѣлалъ предложеніе. Et ça ne m'arrange pas du tout, du tout. Mais du tout, du tout!

Петрищевъ. А ты дѣлай предложеніе со сказуемымъ, вотъ ничего и не будетъ. Такъ заходи къ Вово, вмѣстѣ поѣдемъ на рѣдъкотицію.

Коко Клингенъ. Не понимаю, какъ ты можешь во-

диться съ такимъ дуракомъ. Ужъ такъ глупъ, вотъ ужъ истинно шалопай!

Петрищевъ. А я его люблю. Люблю Вово, но... «странную любовь», «къ нему не зарастетъ народная тропа»...

Уходитъ въ комнату Василія Леонидыча.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Два лакея, Федоръ Ивановъ и Коко Клингенъ.
Бетси провожаетъ даму.

Коко значительно кланяется.

Бетси трясетъ ему руху бокомъ; къ дамѣ. Вы не знакомы?

Дама. Нѣтъ.

Бетси. Баронъ Клингенъ... Что жъ вы вчера не были? Коко Клингенъ. Никакъ не могъ, не успѣлъ.

Бетси. Жаль, очень было интересно. Смѣется. Вы бы увидали, какія были manifestations. Ну что же, наша шарада подвигается?

Коко Клингенъ. О, да! Стихи на mon second готовы, Никъ сочинилъ, а я музыку.

Бетси. Какъ же, какъ? Скажите.

Коко Клингенъ. Позвольте, какъ?.. Да! Рыцарь поетъ Наннѣ.

Поетъ.

«Какъ прекрасна натура,
Льетъ на душу мнѣ надежду...
Нанна, Нанна! на, на, на!»

ДАМА. Это mon second na, а mon premier что же?
Коко Клингенъ. Mon premier—это *Аре*, имя ди-
карки.

Бетси. *Аре*—это, видите, дикарка, которая хочетъ съѣсть предметъ любви... Хохочетъ. Она ходитъ, тоскуетъ и поетъ:

«Ахъ аппетитъ...»

Коко перебивая. «Меня мутитъ...»

Бетси подхватываетъ. «Кого-то ѣсть желаю.

Х-хожу, брожу...»

Коко Клингенъ. «Не нахожу...»

Бетси. «Кого жевать—не знаю...»

Коко Клингенъ. «Вдали вотъ плотъ...»

Бетси. «Сюда плыветъ;

«На немъ два генерала...»

Коко Клингенъ. «Мы два генерала,

Судьба насъ связала,

На островъ послала».

И опять refrain:

«Судьба насъ связала,

На островъ посла-а-ла».

ДАМА. Charmant!

Бетси. Вы поймите, какъ глупо!

Коко Клингенъ. Въ томъ-то и прелесть.

ДАМА. Кто же *Аре*?

Бетси. Я; я костюмъ сдѣлала, а мама говоритъ: «не-
прилично». А нисколько не неприличнѣе, чѣмъ на балѣ.

Къ Федору Иванычу. Что, здѣсь отъ Бурдые?

Федоръ Иванычъ. Здѣсь, на кухнѣ сидитъ.

ДАМА. Ну, а *арена* какъ же?

Бетси. Да вы увидите. Не хочу вамъ портить удовольствія. Au revoir.

ДАМА. Прощайте!

Раскланиваются. Дама уходитъ.

БЕТСИ къ Коко Клингенъ. Пойдемте къ татап.

Бетси и Коко Клингенъ
уходятъ наверхъ.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Федоръ Иванычъ, два лакея и Яковъ

выходитъ изъ буфета съ подносомъ,
чаемъ, печеньемъ; запыхавшись идетъ
черезъ переднюю.

Яковъ лакеямъ. Мое почтеніе, мое почтеніе!

Лакеи кланяются.

Яковъ Федору Иванычу. Хоть бы вы приказали Григорю Михайлычу подсобить. Замучился на отдѣлку...

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ. 8 е.

Тѣ же безъ Якова.

1-й ЛАКЕЙ. Старательный это у васъ человекъ.

Федоръ Иванычъ. Хорошій малый, да вотъ не нравится барынѣ,—не виденъ, говоритъ, изъ себя. А тутъ еще наклепали на него вчера, что онъ мужиковъ въ кухню пустилъ. Какъ бы не разочли! А малый хорошій.

2-й ЛАКЕЙ. Какихъ мужиковъ?

Федоръ Иванычъ. Да пришли изъ нашей курской деревни землю покупать; дѣло ночное, да и земляки. Одинъ буфетному мужику отецъ. Ну и провели ихъ въ кухню. А

тутъ случись угадыванье мыслей; спрятали вещь въ кухню, пришли всѣ господа, увидала ихъ барыня — бѣда! Какъ, говоритъ, люди, можетъ быть, зараженные, а ихъ въ кухню!.. Очень она напугана заразой этой.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и Григорій.

Федоръ Ивановичъ. Пойдите, Григорій, подсобите Якову Ивану, а я здѣсь побуду одинъ. Одинъ не поспѣваетъ.

Григорій. Неловокъ, оттого и не поспѣваетъ.
Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же безъ Григорія.

1-й лакей. И что это за новая мода пошла нынче — эти заразы!.. Такъ и ваша боится?

Федоръ Ивановичъ. Пуще огня. У насъ только и заботы теперь, что окуривать, обмывать, обрызгивать.

1-й лакей. То то я слышу духъ такой тяжелый. Съ оживленіемъ. Ни на что не похоже, какіе грѣхи съ этими заразами. Скверно совсѣмъ! Даже Бога забыли. Вотъ у нашего барина сестры, княгини Мосоловой, дочка умирала. Такъ что же? Ни отецъ ни мать и въ комнату не вошли, такъ и не простились. А дочка плакала, звала проститься, — не вошли! Докторъ какую-то заразу нашель. А вѣдь ходили же за нею и горничная своя и сидѣлка, — и ничего, обѣ живы остались.

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Тъ же, Василій Леонидычъ и Петрищевъ
выходятъ изъ двери съ папиросками.

Петрищевъ. Да пойдёмъ же, я только Кокошу-Картошу захвачу.

Василій Леонидычъ. Болванъ твой Кокоша! Я тебѣ скажу, терпѣть его не могу. Вотъ пустой-то малый, настоящій полотеръ! Ничѣмъ не занятъ, только шляется. А, что?..

Петрищевъ. Ну, такъ погоди, все-таки я прощусь.

Василій Леонидычъ. Ну, хорошо. Я пойду собакъ посмотрю въ кучерскую. Кобель одинъ такъ такъ золь, что, кучеръ говоритъ, чуть не съѣлъ его. А, что?

Петрищевъ. Кто кого съѣлъ? Неужели кучеръ съѣлъ кобеля?

Василій Леонидычъ. Ну, ты вѣчно...

Одѣвается и уходитъ.

Петрищевъ задумчиво. Ма-кинъ-тожъ, каръ-тож-ка...
Да, да.

Идетъ наверхъ.

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Два лакея, Ѳедоръ Иванычъ и Яковъ
пробѣгаетъ черезъ сцену въ началѣ
и концѣ явленія.

Ѳедоръ Иванычъ Якову. Чего еще?

Яковъ. Тартинокъ нѣтъ! Я говорилъ...

Уходитъ.

2-й лакей. А вотъ еще у насъ барчукъ заболѣлъ.

Такъ сейчасъ свезли его въ гостиницу съ нянькой, такъ тамъ безъ матери и померъ.

1-й лаквей. То-то грѣха не боятся! Я полагаю, что отъ Бога никуда не уйдешь.

Федоръ Иванычъ. И я такъ думаю.

Яковъ бѣжитъ навѣрхъ съ тар-тинками.

1-й лаквей. И то возьмите во вниманіе, что ежели теперь такъ всѣхъ бояться, то надо запереться въ четырехъ стѣнахъ, какъ въ тюрьмѣ ровно, да такъ и сидѣть.

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ же и Таня, потомъ Яковъ.

Таня кланяется лакеямъ. Здравствуйте!

Лакеи кланяются.

Таня. Федоръ Иванычъ, мнѣ вамъ два слова сказать.

Федоръ Иванычъ. Ну, что?

Таня. Да пришли, Федоръ Иванычъ, мужички опять...

Федоръ Иванычъ. Ну такъ что же? Бумагу-то вѣдь я Семену отдалъ...

Таня. Бумагу я имъ отдала. Ужъ какъ благодарятъ-то, и не знаю какъ. Теперь только просятъ деньги отъ нихъ принять.

Федоръ Иванычъ. Да гдѣ они?

Таня. Тутъ, у крыльца стоятъ.

Федоръ Иванычъ. Ну что жъ, я скажу.

Таня. Да еще просьба моя къ вамъ, батюшка, Федоръ Иванычъ.

Федоръ Иванычъ. Что еще?

Таня. Да что, Федоръ Ивановичъ, мнѣ ужъ оставаться нельзя здѣсь, Попросите, чтобъ отпустили меня.

Яковъ вбѣгаетъ.

Федоръ Ивановичъ Якову. Что ты?

Яковъ. Самоваръ другой да апельсины.

Федоръ Ивановичъ. У экономки спроси.

Яковъ убѣгаетъ.

Федоръ Ивановичъ. Это что жъ такъ?

Таня. Да вѣдь какъ же? Теперь мое дѣло такое.

Яковъ вбѣгая. Апельсиновъ мало.

Федоръ Ивановичъ. Подай, что есть. Яковъ убѣгаетъ.
Не время ты выбрала: вѣдь видишь, суета...

Таня. Да вѣдь сами знаете, Федоръ Ивановичъ, этой суетѣ угомону не бываетъ, сколько ни жди,—вы сами знаете,—а вѣдь мое дѣло на вѣкъ... Вы, батюшка, Федоръ Ивановичъ, какъ мнѣ добро такое сдѣлали, будьте отецъ родной, выберите времечко, скажите. А то разсердится—билетъ не дастъ.

Федоръ Ивановичъ. Да что же тебѣ такъ загорѣлось?

Таня. Да какъ же, Федоръ Ивановичъ, дѣло теперь сладилось... Я бы къ маменькѣ къ крестной поѣхала, приготовилась бы. А на красную горку и свадьба. Скажите, батюшка, Федоръ Ивановичъ!

Федоръ Ивановичъ. Ступай,—теперь не мѣсто тутъ.

Сверху сходитъ баринъ пожилой и молча уходитъ со 2-мъ лакеемъ.
Таня уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Федоръ Иванычъ, 1-й лакей и Яковъ
входить.

Яковъ. Что же, Федоръ Иванычъ, это обида живая! Теперь меня расчестъ хочетъ. Ты, говоритъ, все колотишь, Фифку забылъ и противъ моего приказанія мужиковъ въ кухню пустилъ. А вы сами знаете: я ничего знать не знаю! Только сказала мнѣ Татьяна: проведи въ кухню, а я не знаю по чьему это приказу.

Федоръ Иванычъ. Что жъ, развѣ она говорила?

Яковъ. Сейчасъ говорила. Ужъ вы заступитесь, Федоръ Иванычъ, а то семейство только стало поправляться, а тутъ сойдешь съ мѣста, когда-то опять попадешь. Федоръ Иванычъ, пожалуйста!

ЯВЛЕНІЕ 15 е.

Федоръ Иванычъ, 1-й лакей и барыня провожаютъ
старую графиню съ фальшивыми во-
лосами и зубами.

Графиню одѣваетъ 1-й лакей.

Барыня. Непремѣнно, какъ же. Я такъ истинно тронута.

Графиня. Кабы не нездоровье, я бы чаще у васъ бывала.

Барыня. Право, возьмите Петра Петровича. Онъ грубъ, но никто такъ не можетъ успокоить; такъ просто, ясно у него все.

Графиня. Нѣтъ, ужъ я привыкла.

Барыня. Осторожнѣе.

Графиня. Merci, mille fois merci.

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Тѣ же и Григорій, растрепанный, въ волненіи, выскакиваетъ изъ буфета. За нимъ виденъ Семень.

Семень. А ты къ ней не приставай.

Григорій. Я тебя, мерзавца, научу какъ драться! Ахъ ты, негодяй!

Барыня. Что это такое? Что вы, въ кабакѣ, что ль?

Григорій. Не могу жить отъ этого мужика грубаго.

Барыня съ досадой. Вы съ ума сошли, развѣ вы не видите? Къ графинѣ. Merci, mille fois merci. А mardi.

Графиня и 1-й лакей уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Федоръ Иванычъ, барыня, Григорій и Семень

Барыня къ Григорію. Что такое?

Григорій. Я хоть въ должности лакея, но я имѣю свою гордость и не позволю всякому мужику меня толкать.

Барыня. Да что такое случилось?

Григорій. Да вотъ Семень вашъ набрался храбрости, что онъ съ господами сидѣлъ. Драться лѣзеть.

Барыня. Что такое? за что?

Григорій. А Богъ его знаетъ.

Барыня къ Семену. Что это такое значитъ?

Семень. Что жъ онъ къ ней пристаесть?

Барыня. Да что у васъ было?

Семень улыбаясь. Да такъ, онъ Таню, горничную все

хватаетъ, а она не хочетъ. Вотъ я его отстранилъ рукой... такъ, маленечко.

Григорій. Хорошо отстранилъ, чуть ребра не сломалъ. И фракъ разорвалъ. Да онъ что говоритъ: «на меня, говоритъ, по-вчерашнему, сила нашла», и началъ давить.

Барыня къ Семену. Какъ ты смѣешь драться въ моемъ домѣ?

Евдоръ Иванычъ. Позвольте доложить, Анна Павловна! Надо вамъ сказать, что Семень имѣетъ чувства къ Танѣ, и какъ они теперь сосватаны, а Григорій — что жъ, надо правду сказать—обращается нехорошо, неблагородно, ну, вотъ Семень, я полагаю, и обидѣлся на него.

Григорій. Совсѣмъ нѣтъ; это изъ-за злобы, что я плутовство ихъ все открылъ.

Барыня. Какое плутовство?

Григорій. А въ сеансѣ. Всѣ вчерашнія штуки не Семень а Татьяна дѣлала. Я самъ видѣлъ, какъ она изъ-подъ дивана лѣзла.

Барыня. Что такое? изъ-подъ дивана лѣзла?

Григорій. Честное слово могу дать. Она и бумагу принесла и кинула на столъ. Кабы не она, бумагу не подписали бы и мужикамъ землю не продали бы.

Барыня. Вы сами видѣли?

Григорій. Своими глазами. Прикажете позвать ее, она не отопрется.

Барыня. Позовите ее.

Григорій уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Тѣ же безъ ГРИГОРІЯ. За сценой шумъ, голосъ ШВЕЙЦАРА: Нельзя, нельзя! Показывается ШВЕЙЦАРЪ, мимо него врываются три мужика. Впереди 2-й мужикъ; 3-й мужикъ спотыкается, падаетъ и хватается за носъ.

ШВЕЙЦАРЪ. Нельзя, идите!

2-й мужикъ. Авось не бѣда. Развѣ мы за худымъ чѣмъ? Мы денежки отдать.

1-й мужикъ. Двистительно, какъ за подписью руки приложенья дѣло въ окончаніи, мы только денежки предоставить съ нашею благодарностью.

БАРЫНЯ. Погодите, погодите благодарить, все это былъ обманъ. Еще не кончено. Не продано еще... Леонидъ!... Позовите Леонида Ѳедоровича.

Швейцаръ уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 19-е

Тѣ же и Леонидъ Ѳедоровичъ выходитъ, но, увидавъ барыню и мужиковъ, хочетъ уйти назадъ.

БАРЫНЯ. Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста сюда! Я говорила вамъ, что нельзя продавать землю въ долгъ, и всѣ вамъ говорили. А васъ обманываютъ, какъ самаго глупаго человѣка.

Леонидъ Ѳедоровичъ. То-есть въ чемъ? Я не понимаю, какой обманъ.

БАРЫНЯ. Стыдились бы вы! Вы сѣдой, а васъ, какъ мальчишку, обманываютъ и смѣются надъ вами. Жалѣете для сына какіе-нибудь 300 рублей для его общественнаго

положенія, а самихъ насъ, какъ дурака, проводятъ на тысячи.

Леонидъ Ѳедоровичъ Да ты, Annette, успокойся.

1-й мужикъ. Мы только въ полученіи суммы, значить...

3-й мужикъ достаетъ деньги. Отпусти ты насъ, ради Христа.

Барыня. Погодите, погодите.

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

Тѣ же, Григорій и Таня.

Барыня строго къ Танѣ. Ты была вчера вечеромъ во время сеанса въ маленькой гостиной?

Таня вздыхая оглядывается на
Ѳедора Иваныча, Леонида
Ѳедоровича и Семена.

Григорій. Да ужъ нечего вилять, когда я самъ видѣлъ...

Барыня. Говори, была? Я знаю все, признавайся. Я тебѣ ничего не сдѣлаю. Мнѣ только хочется уличить вотъ его указываетъ на Леонида Ѳедоровича, барина... Ты кинула бумагу на столъ?

Таня. Я не знаю, что и отвѣчать. Одно, что нельзя ли меня домой отпустить?

Барыня къ Леониду Ѳедоровичу. Вотъ видите, васъ дурачатъ.

ЯВЛЕНІЕ 21-е.

Тѣ же. Входитъ Бетси въ началѣ явленія и стоитъ незамѣченная.

Таня. Отпустите меня, Анна Павловна!

Барыня. Нѣтъ, милая! Ты вѣдь, можетъ быть, убытку сдѣлала на нѣсколько тысячъ. Продали землю, которую не надо было продавать.

Таня. Отпустите меня, Анна Павловна.

Барыня. Нѣтъ, ты отвѣтишь. Плутовать нельзя. Къ мировому судѣ подамъ.

Бетси выступая. Отпустите ее, мама. А коли вы хотите ее судить, то и меня вмѣстѣ съ ней, — я съ ней вмѣстѣ вчера все дѣлала.

Барыня. Ну, да ужъ когда ты, то, кромѣ самага гадкаго, ничего и быть не могло.

ЯВЛЕНІЕ 22-е.

Тѣ же и профессоръ.

Профессоръ. Здравствуйте, Анна Павловна! Здравствуйте, барышня! А я вамъ несу, Леонидъ Ѳедоровичъ, отчетъ о 13-мъ съѣздѣ спиритуалистовъ въ Чикаго. Удивительная рѣчь Шмита.

Леонидъ Ѳедоровичъ. А, очень интересно!

Барыня. Я вамъ гораздо интереснѣе расскажу. Оказывается, что и васъ и мужа дурачила эта дѣвчонка. Бетси на себя говоритъ, но это чтобъ дразнить меня; а дурачила васъ безграмотная дѣвчонка, а вы вѣрите. Вчера никакихъ вашихъ медиумическихъ явленій не было, а это она указывая на Таню все дѣлала.

Профессоръ раздѣваясь. Какъ, то-есть?

Барыня. Да такъ, что она въ темнотѣ и на гитарѣ играла, и мужа по головѣ била, и всѣ глупости ваши дѣлала, и сейчасъ призналась.

ПРОФЕССОРЪ улыбаясь. Такъ что же это доказываетъ?
БАРЫНЯ. Доказываетъ, что вашъ медиумизмъ—вздоръ!
Вотъ что доказываетъ.

ПРОФЕССОРЪ. Оттого что эта дѣвушка хотѣла обманывать, отъ этого медиумизмъ—вздоръ, какъ вы изволите выражаться? Улыбаясь. Странное заключеніе! Очень можетъ быть, что дѣвушка эта хотѣла обманывать: это часто бываетъ; можетъ быть, она что-нибудь и дѣлала, но то, что она дѣлала, дѣлала она, а то, что было проявленіемъ медиумической энергіи, было проявленіемъ медиумической энергіи. Даже весьма вѣроятно, что то, что дѣлала эта дѣвушка, вызывало, солицитировало, такъ сказать, проявленіе медиумической энергіи, давало ей опредѣленную форму.

БАРЫНЯ. Опять лекція!..

ПРОФЕССОРЪ строго. Вы говорите, Анна Павловна, что эта дѣвушка, можетъ быть, и эта милая барышня что-то дѣлали; но свѣтъ, который мы всѣ видѣли, а въ первомъ случаѣ пониженіе, а во второмъ—повышеніе температуры, а волненіе и вибрированіе Гросмана, — что же, это тоже дѣлала эта дѣвушка? А это факты, факты, Анна Павловна! Нѣтъ, Анна Павловна, есть вещи, которыя надо изслѣдовать и вполне понимать, чтобы говорить о нихъ, — вещи слишкомъ серьезныя, слишкомъ серьезныя..

ЛЕОНИДЪ ѲЕДОРОВИЧЪ. А дитя, которое ясно видѣла Марья Васильевна? Да и я видѣлъ.. Это не могла же сдѣлать эта дѣвушка.

БАРЫНЯ. Вы думаете, что вы умны? а вы—дуракъ.

ЛЕОНИДЪ ѲЕДОРОВИЧЪ. Ну, я уйду.. Алексѣй Владиміровичъ, пойдемте ко мнѣ.

Уходитъ въ кабинетъ.

ПРОФЕССОРЪ пожимая плечами, идетъ за нимъ. Да, какъ еще мы далеки отъ Европы!

ЯВЛЕНІЕ 23-е.

БАРЫНЯ, три мужика, Ѳедоръ Ивановичъ, Таня, Бетси, Семенъ и Яковъ входятъ.

БАРЫНЯ вслѣдъ Леониду Ѳедоровичу. Обманули его какъ дурака, а онъ ничего не видитъ. Якову. Тебѣ что?

Яковъ. На много ли персонъ прикажете накрывать?

БАРЫНЯ. На много ли?.. Ѳедоръ Ивановичъ! принять отъ него серебро! Вонъ сейчасъ! Отъ него все. Этотъ человѣкъ меня въ гробъ сведетъ. Вчера чуть-чуть не заморилъ собачку, которая ничего ему не сдѣлала. Мало ему этого, онъ же зараженныхъ мужиковъ вчера въ кухню завелъ, и опять они здѣсь. Отъ него все! Вонъ, сейчасъ вонъ! Расчетъ, расчетъ! Семену. А если ты себѣ впередъ позволишь шумѣть въ моемъ домѣ, я тебя, сквернаго мужика, выучу!

2-й мужикъ. Да что же, коли онъ скверный мужикъ, такъ и держать его нечего, а давай расчетъ, вотъ и все.

БАРЫНЯ слушая его, вглядывается въ 3-го мужика. Да смотрите: у этого сыпь на носу, сыпь! Онъ больной, онъ резервуаръ заразы! Вѣдь я вчера говорила, чтобъ ихъ не пускать, и вотъ они опять тутъ. Гоните ихъ вонъ!

Ѳедоръ Ивановичъ. Что же, не прикажете деньги принять?

БАРЫНЯ. Деньги? Деньги возьми, но ихъ, особенно этого больного, вонъ, сію минуту вонъ! Онъ совсѣмъ гнилой!

3-й мужикъ. Напрасно ты, мать, ей Богу, напрасно. У моей старухи, скажемъ, спроси. Какой я гнилой? Я какъ стеклышко, скажемъ.

Барыня. Еще разговариваетъ!.. Вонъ, вонъ! Все на зло!.. Нѣтъ, я не могу, не могу!.. Пошлите за Петромъ Петровичемъ.

Убѣгаетъ всхлипывая. Яковъ и Григорій уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ 24-е.

Тѣ же безъ барыни, Якова и Григорія.

Таня къ Бетси. Барышня, голубушка, какъ же мнѣ быть теперь?

Бетси. Ничего, ничего. Поѣзжай съ ними, я устрою.
Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 25-е.

Өвдоръ Иванычъ, три мужика, Таня и швейцаръ.

1-й мужикъ. Какъ же, почтенный, получение суммы теперича?

2-й мужикъ. Отпусти ты насъ.

3-й мужикъ мнется съ деньгами. Кабы знать, я ни въ жизнь не взялся бы. Это засушить хуже лихой болѣсти.

Өвдоръ Иванычъ швейцару. Проводи ихъ ко мнѣ, тамъ и счета есть. Тамъ и получу. Идите, идите.

Швейцаръ. Пойдемте, пойдемте.

Өвдоръ Иванычъ. Да благодарите Таню. Кабы не она, быть бы вамъ безъ земли.

1-й мужикъ. Двистительно, какъ исдѣлала предлогъ, такъ и въ дѣйствиіе произвела.

3-й мужикъ. Она насъ людьми исдѣлала; а то бы что? земля малая, не то что скотину, — курицу, скажемъ, и ту выпустить некуда. Прощай, умница! Приѣдешь на село, приходи медъ ѣсть.

2-й мужикъ. Дай домой приѣду, свадьбу готовить стану, пиво варить. Только приѣзжай.

Таня. Приѣду, приѣду! Визжитъ. Семень! то-то хо-рошо-то!

Мужики уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ 26-е.

Федоръ Ивановичъ, Таня и Семень.

Федоръ Ивановичъ. Съ Богомъ. Ну, смотри, Таня, когда домкомъ заживешь, я приѣду къ тебѣ погостить. Примешь?

Таня. Голубчикъ ты мой, какъ отца родного примемъ! Обнимаетъ и цѣлуетъ его.

Занавѣсъ.

к о н е ц ъ.

ПЕРВЫЙ ВІНОКУРЪ

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА 1-я.

Мужикъ пашеть, глядитъ вверхъ. Вотъ и полдни, пора отпрягать. Но, вылѣзь! Заморилась, сердечная. Вотъ завернись оттуда, послѣднюю борозду проѣду, да и обѣдать. Спасибо, догадался, съ собою краюшку хлѣба взялъ. Домой не поѣду. Закушу у колодца, вздремну, а буланка травки покушаетъ. Да съ Богомъ опять за работу. Рано отпашусь, Богъ дастъ.

СЦЕНА 2-я.

Выбѣгаетъ чертенокъ къ кусту.

Чертенокъ. Ишь, добрый какой! Все Бога поминаетъ. Погоди ты, и чорта помянешь. Унесу у него краюшку. Хватится, станеть искать. Жрать захочетъся, обругаетъся и чорта помянетъ.

Береть краюшку, уносить и садится за кустъ; выглядываетъ, что будетъ дѣлать мужикъ.

Мужикъ выхлестываетъ гужи. Господи, благослови! Выводить лошадь, пускаетъ, идетъ къ кафтану. Страсть проголодался! Краюшку большую баба отрѣзала, а гляди, всю съѣмъ. Подходить къ кафтану. Нѣту! Должно, я ее кафта-

номъ накрыль. Поднимаетъ кафтанъ. И тутъ нѣтъ. Вотъ что-то! Трясетъ кафтанъ.

ЧЕРТЕНОКЪ изъ-за куста. Ищи, ищи, она вотъ она! Садится на нее.

Мужикъ поднимаетъ сволока, еще трясетъ кафтаномъ. Чудо, право чудо! Никого не было, а нѣтъ краюшки. Кабы птицы расклевали, крошки бы были. А то и крохъ нѣтъ. Никого не было, а унесъ кто-то.

ЧЕРТЕНОКЪ поднимается, заглядываетъ. Сейчасъ меня помянетъ.

Мужикъ. Видно, такъ и быть. Съ голоду не помру. Унесъ, такъ унесъ. Пускай ѣстъ на здоровье.

ЧЕРТЕНОКЪ плюется. Ахъ ты, проклятый мужикъ! Ему бы надо ругаться, а онъ говоритъ: на здоровье! Ничего съ нимъ не сдѣлаешь.

Мужикъ укладывается спать, крестится, зѣваетъ и засыпаетъ.

ЧЕРТЕНОКЪ выходитъ изъ-за куста. Вотъ и толкуй старшой! Старшой все говоритъ: мало ты въ адъ ко мнѣ мужиковъ водишь. Гляди-ка, курцовъ, господъ да и всякихъ сколько каждый день прибываетъ, а мужиковъ мало. Какъ его обратаешь? Не подобьешься къ нему никакъ. Ужъ чего же лучше—послѣднюю краюшку укралъ, а онъ все не обругался. И не знаю, что теперь дѣлать! Пойду доложусь.

Проваливается.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

А Д Ъ.

На главномъ мѣстѣ сидитъ старшій чортъ. Писарь чортовъ сидитъ внизу, за столомъ съ письменными принадлежностями. Стража стоитъ по сторонамъ. Направо—5 чертенятъ разныхъ видовъ; налѣво у дверей—привратникъ; одинъ франтоватый чертенокъ стоитъ прямо передъ старшимъ.

ФРАНТОВАТЫЙ ЧЕРТЕНОКЪ. Всей добычи моей за три года 220.005 человекъ. Всѣ теперь у меня во власти. Старшой. Хорошо, благодарю. Проходи.

ФРАНТОВАТЫЙ ЧЕРТЕНОКЪ
проходить направо.

Старшой къ писарю. Усталъ я. Много ли тамъ еще осталось дѣла? Отъ кого и отъ кого получили отчетъ и отъ кого еще осталось получить?

ПИСАРЬ считаетъ по пальцамъ и указываетъ по мѣрѣ счета на стоящихъ направо чертенятъ. Когда называютъ чертенка, то тотъ кланяется. Отъ боярскаго бѣса полученъ отчетъ. Всѣхъ забралъ 836. Отъ купческаго полученъ, — 9643. Отъ су-

дейскаго полученъ,—3423. Отъ бабьяго сейчасъ тоже получень, —бабъ 186.315, дѣвокъ 17.438. Только два остаются: приказный да мужицкій. Всѣхъ 220.005.

Старшой, Ну, ужъ видно покончить нынче. Привратнику. Пускай!

Входитъ приказный чертенокъ,
кланяется старшому.

Старшой. Ну, что? Твои дѣла какъ?

Приказный чертенокъ все смѣется, потираетъ руки. Мои дѣла какъ сажа бѣла. Добыча такая, что съ сотворенія міра не запомню.

Старшой. А что, али много забралъ?

Приказный чертенокъ. Не въ счетъ дѣло. Счетомъ хоть и немного, всего 1350 человекъ, да хороши ребята. Такіе ребята, что замѣсто чертей отвѣчать могутъ. Сами лучше чертей людей смущаютъ. Новую моду я имъ завель.

Старшой. Какую же такую новую моду?

Приказный чертенокъ. А вотъ какую: прежде были приказные при судьяхъ, людей обманывали. А теперь я ихъ научилъ особо отъ судей быть. А кто денегъ больше дастъ, за того онъ и хлопочетъ. И такъ хлопочетъ, что гдѣ и дѣлать нечего, дѣла заводитъ. Много лучше чертей людей мутятъ.

Старшой. Погляжу. Проходи!

Приказный чертенокъ проходитъ
вправо.

Старшой привратнику. Впусти послѣдняго!

Входитъ мужицкій чертенокъ съ
краюшкой и кланяется въ ноги.

Мужицкій чертенокъ. Не могу больше жить, поставь въ другое мѣсто.

Старшой. Куда приставить, что ты городишь? Встань, говори толкомъ. Давай отчетъ, много ли ты за эту недѣлю мужиковъ забралъ?

Мужицкій чертенокъ плачетъ. Ни одного!

Старшой. Что? Ни одного? Какъ ни одного! Что же ты дѣлалъ? Гдѣ же ты болтался?

Мужицкій чертенокъ хныкаетъ. Не болтался я: все время изъ кожи вонъ бился, да ничего сдѣлать не могу. Вотъ у одного изъ-подъ носа послѣднюю краюшку укралъ, и то не обругалъ, а велѣлъ съѣсть на здоровье.

Старшой. Что?.. Что... ты бормочешь? Высморкайся, да Расскажи толкомъ, а то ничего отъ тебя и не разберешь.

Мужицкій чертенокъ. Да вотъ пахалъ мужикъ; и знаю я, что у него съ собою одна краюшка и больше ѣсть нечего. Укралъ я у него краюшку. Надо бы ему обругаться, а онъ что же? Говорить: кто взялъ, пусть съѣсть на здоровье. Вотъ я и краюшку принесъ. Вотъ она.

Старшой. Ну, а другіе-то что жъ?

Мужицкій чертенокъ. Да все такіе же, ни одного не забралъ.

Старшой. Да какъ же ты смѣешь съ пустыми руками ко мнѣ ворочаться? Да еще краюшку какую-то вонючую принесъ! Что ты надо мной смѣяться вздумалъ? А что ты въ аду даромъ хлѣбъ ѣсть хочешь! Другіе стараются, хлопчутъ. Вотъ, вѣдь, они показываютъ на чертенятъ: кто 10.000, кто 20.000, кто вонъ 200.000 доставилъ. А ты съ пустыми руками пришелъ да еще какую-то краюшку

принеси! Да мнѣ басни рассказываешь! Болтаешься ты, не работаешь. Вотъ они у тебя и отбились отъ рукъ. Погоди жь, братъ, я тебя выучу.

Мужицкїй чертенокъ. Не вели казнить, вели слово молвить! Тѣмъ чертямъ хорошо,— съ боярами ли, съ купцами ли, съ бабами ли. Тамъ дѣло извѣстное: покажи боярину шапку соболью да вотчину, прямо его и обраталь и веди, куда хочешь. Тоже и купца. Покажи ему денежки да раззадорь завистью,— и веди какъ на арканѣ, не вырвется. А съ бабами дѣло тоже извѣстное. Наряды да сласти,— тоже дѣлай съ нею, что хочешь. А вотъ съ мужиками повозись! Какъ онъ съ утра до ночи на работѣ, да и ночи захватитъ, да безъ Бога дѣла не начнетъ, такъ къ нему какъ подъѣдешь? Отецъ, уволь ты меня отъ мужиковъ, замучился я съ ними! И тебя прогнѣвилъ.

Старшой. Врешь, лѣнтяй. На другихъ указывать нечего. Оттого они и купцовъ, и бояръ, и бабъ забирають, что знаютъ, какъ ихъ обходить, новыя штуки придумываютъ. Вотъ приказный совсѣмъ новое колѣно сдѣлалъ. И ты придумай! А то краюшку укралъ, хвалится! Вишь, хитрость какая! Обсыпай ихъ сѣтями, въ какую-нибудь да попадется. А какъ ты болтаешься да далъ имъ ходу,—они, твои мужики, силу забрали. Сталъ уже о краюшкѣ не жалѣть. Если они такую повадку возьмутъ да еще бабъ научатъ, такъ они вовсе отъ рукъ отобьются. Придумывай! Растягивайся, какъ знаешь!

Мужицкїй чертенокъ. Не знаю, что и придумать. Отмѣни ты меня. Не могу больше.

Старшой съ гнѣвомъ. Не можешь! Что жъ, я самъ, что ли, за тебя работать пойду?

Мужицкій чертенокъ. Не могу.

Старшой. Не можешь? Погоди жъ. Эй! давайте сюда прутьевъ, порите его!

Стража хватаетъ чертенка и сѣ-
кутъ его.

Мужицкій чертенокъ. Ой! ой! ой!

Старшой. Придумалъ?

Мужицкій чертенокъ. Ой! ой! не могу придумать.

Старшой. Порите еще. Сѣкутъ. Придумалъ?

Мужицкій чертенокъ. Придумалъ, придумалъ!

Старшой. Ну, рассказывай, что придумалъ?

Мужицкій чертенокъ. Придумалъ такую штуку, что всѣхъ въ свои руки заберу. Позволь только мнѣ въ работники къ мужику наняться, а рассказать мнѣ напередъ дѣла нельзя.

Старшой. Ну, ладно, только помни, что, если ты въ три года краюшки не заслужишь, я съ тебя шкуру сдеру.

Мужицкій чертенокъ. Черезъ три года всѣ мои будутъ.

Старшой. Ну, хорошо. Черезъ три года самъ пріѣду посмотрѣть.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Амбаръ. Стоять воза съ хлѣбомъ.

СЦЕНА 1-я.

РАБОТНИКЪ-ЧОРТЪ.

Работникъ насыпаетъ съ воза,
мужикъ носить мѣрками.

Работникъ. Седьмая.

Мужикъ. Сколько четвертей?

Работникъ смотритъ на двери мѣтки. 26 четвертей да
на 27-ю седьмая мѣрка.

Мужикъ. Не войдетъ все, ужъ полно.

Работникъ. Разгреби хорошенько.

Мужикъ. И то.

Уносить мѣрку.

СЦЕНА 2-я.

Работникъ одинъ, снимаетъ шапку, рога выставляются. Теперь не скоро войдетъ. Немножко рога расправитъ. Рога расправляются. Да разуться, а то при немъ нельзя. Вынимаетъ ноги изъ сапогъ. Видны копыта. Садится на порогъ. Вотъ ужъ третій годъ идетъ. Приходитъ дѣло къ расчету. Хлѣба дѣвать некуда. Только и осталось, что послѣднюю штуку научить. А тогда приходи самъ, старшой смотрѣть. Будетъ что показать. Заплатитъ онъ мнѣ за краюшку.

Подходить сосѣдъ.

СЦЕНА. 3-я.

Работникъ прячетъ рога.

Сосѣдъ. Здорово!

Работникъ. Здорово!

Сосѣдъ. Гдѣ хозяинъ?

Работникъ. Да пошелъ разгрести въ закромѣ, не входитъ вся.

Сосѣдъ. Эка благодать у хозяина твоего! И сыпать некуда. Мы и то дивимся всѣ, какой у твоего хозяина второй годъ хлѣбъ родится. Какъ будто ему кто сказываетъ. То лѣтось, сухой годъ, въ болотѣ посѣялъ; у людей не родилось, а вы полно гумно наставили. Нынче мочливое лѣто, догадался же онъ на горахъ посѣять. У людей попрѣлъ, а у васъ обломный хлѣбъ. И зерно-то, зерно!

Трясетъ на рукѣ и беретъ на зубъ.

СЦЕНА 4-я.

Мужикъ выходитъ съ пустой мѣркой. Здорово, кумъ!

Сосѣдъ. Здорово. Да вотъ толкую съ работникомъ твоимъ, какъ угадали вы, гдѣ посѣять. Весь народъ тебѣ завидуетъ. Хлѣба-то, хлѣба что набралъ! Въ десять лѣтъ не съѣшь.

Мужикъ. Вотъ спасибо Потапу. Показываетъ на работника. Его счастье. Послалъ я его лѣтомъ пахать, а онъ возьми да въ болотѣ вспаши. Я его ругалъ. Да уговорилъ онъ меня посѣять. Посѣяли—и вышло къ лучшему. А вотъ и нынче опять угадалъ, на горахъ посѣялъ.

Сосѣдъ. Да точно знаетъ, какой годъ будетъ. Да набралъ же ты хлѣбца! Молчаніе. А я вотъ пришелъ кт.

тебѣ осьминку ржи попросить. Дошелъ весь, на лѣто отдамъ.

Мужикъ. Что жъ, возьми.

Работникъ толкаетъ мужика. Не давай.

Мужикъ. Будетъ толковать-то, бери.

Сосѣдъ. Спасибо; сбѣгаю за мѣшкомъ.

Работникъ въ сторону. Все не бросаетъ старой повадки—даетъ. Не во всемъ меня слушаетъ. Ну, дай срокъ, перестанетъ скоро давать.

Уходитъ сосѣдъ.

СЦЕНА 5-я.

Мужикъ присаживается на порогъ. Отчего же доброму человѣку не дать?

Работникъ. Дать-то — дать, да назадъ не возьмешь. Долги давать — подъ гору кидать, а собирать — на гору вытягивать. Такъ-то старики говорятъ.

Мужикъ. Не замай. Хлѣба много.

Работникъ. Такъ что жъ, что много?

Мужикъ. Не то что до новины, а и на два года хватить. Куда же его?

Работникъ. Какъ куда? Да изъ хлѣба изъ этого тебѣ такое добро сдѣлаю, что ты цѣлую жизнь радоваться будешь.

Мужикъ. Что жъ ты сдѣлаешь?

Работникъ. Да питье сдѣлаю. Такое питье, что если силъ нѣтъ, силы прибавится; если ѣсть хочется, сътъ сдѣлаешься; если сонъ не беретъ, заснешь сейчасъ; если скучно весело станетъ; если заробѣлъ, смѣлости дастъ. Вотъ какое питье сдѣлаю!

Мужикъ. Врешы!

Работникъ. Вотъ то-то врешы! Такъ же не вѣрилъ, какъ я тебѣ велѣлъ хлѣбъ сначала въ болотѣ, а потомъ на горахъ сѣять. Теперь узналъ. Такъ же и про питье узнаешь.

Мужикъ. Да изъ чего же его дѣлать будешь?

Работникъ. Да вотъ изъ самаго хлѣба этого.

Мужикъ. А не грѣхъ это будетъ?

Работникъ. Вона! Какой же тутъ грѣхъ? Все на радость человѣку дано.

Мужикъ. И гдѣ ты, Потапъ, такого ума большого набрался? Смотрю я на тебя, человѣкъ ты не мудренькій, работающій. Вотъ два года живешь, ты и не разувался никакъ ни разу. А все-то ты знаешь. Какъ ты до всего дошелъ?

Работникъ. Да бывалъ повсюду.

Мужикъ. Такъ и силы отъ него, отъ питья-то, прибудеть?

Работникъ. Вотъ увидишь, — все отъ него хорошее.

Мужикъ. Такъ какъ же дѣлать-то будемъ?

Работникъ. Дѣлать его не хитро, когда знаешь. Только надо котель достать да чугуновъ два.

Мужикъ. А на вкусъ-то она пріятная?

Работникъ. Сладкая какъ медъ. Отвѣдаешь разокъ, ты съ ней вѣкъ не разстанешься.

Мужикъ. Ой ли? Пойду къ куму, у него котель былъ. Надо попытаться.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ сарай, въ серединѣ стоитъ замазанный котель на огнѣ съ чугуномъ и краномъ. Мужикъ и работникъ.

СЦЕНА 1-я.

Работникъ держитъ стаканъ подъ краномъ, пьетъ вино. Ну, хозяинъ, готово.

Мужикъ сидитъ на корточкахъ, глядитъ. Вотъ штука-то! Изъ тѣста вода пошла. Что жъ это ты воду прежде спускаешь?

Работникъ. Это не вода, это она самая и есть.

Мужикъ. Что же свѣтлая? Я думалъ, она будетъ красная, какъ пиво. А это ровно вода.

Работникъ. Да ты понюхай духъ-то.

Мужикъ нюхаетъ. Ухъ, духовитая! Ну-ка, ну-ка, какъ она во рту-то будетъ, дай отвѣдать. Рветъ изъ рукъ.

Работникъ. погоди, прольешь. Завертываетъ кранъ-самъ пьетъ, пощелкиваетъ языкомъ. Пospѣла, на — пей.

Мужикъ пьетъ сначала чуть-чуть, еще, еще и выпиваетъ в ю. Подаетъ стаканъ. Ну-ка еще. Съ малости вкусу не разберешь.

РАБОТНИКЪ смѣется. Аль полюбилось?

Наливаетъ еще.

Мужикъ пьетъ. Ну штука! Надо бабу позвать. Эй, Марѳа, иди! Готова! Иди, иди, что ль!

СЦЕНА 2-я.

БАБА, дѣвочка и прежніе.

БАБА. Ну, чего? Что орешь?

Мужикъ. Да ты вотъ отвѣдай, чего мы накурили. Подаетъ. Понюхай, чѣмъ пахнетъ.

БАБА нюхаетъ. Вишь ты!

Мужикъ. Пей!

БАБА. Какъ бы чего отъ нея не было?

Мужикъ. Пей, дура!

БАБА пьетъ. И то хороша!

Мужикъ захмелѣлъ немного. То-то хороша. Да ты погоди, что будетъ. Потапъ сказывалъ, что отъ нея вся усталъ изъ тѣла выходитъ. Молодые старыми сдѣлаются... то, бишь, старые молодыми сдѣлаются. Вотъ я всего два стаканчика выпилъ, и то всѣ кости расправились. Куражится. Видишь? Погоди, мы съ тобой, какъ каждый день ее пить станемъ, опять молоды будемъ. Ну, Машенька!

Обнимаетъ ее.

БАБА. Ну, тебя! Ты и то одурѣлъ отъ нея.

Мужикъ. А, то-то! Говорила, что мы съ Потапомъ хлѣбъ губимъ, а мы какую штуку спроворили. А? Говори, хороша?

БАБА. Да какъ же не хороша, коли старыхъ на моло

дыхъ передѣлываетъ. Вишь, какой вселый сталъ! И мнѣ весело стало. Подтягивай! И... и... и..

Поетъ.

Мужикъ. То-то! Всѣ молодые, всѣ веселые будемъ.

БАБА. Надо свекровь звать, а то она все ругается да скучаетъ. И ее передѣлать. Она помолодѣетъ, добрѣе будетъ.

Мужикъ пьяный. Зови мать, зови сюда. Эй, ты, Машка! Бѣги, бабу зови да и дѣду вели идти. Скажи, я велю, чтобы слѣзаль съ печи, что онъ валяется! Молодымъ сдѣлаемъ. Ну живо! Чтобъ одна нога здѣсь, другая тамъ. Стрѣлой! Дѣвчонка бѣжить.

Мужикъ бабѣ. Ну-ка еще по стаканчику!

Работникъ наливаетъ и подноситъ.

Мужикъ выпиваетъ. То сверху помолодѣли, въ языкѣ, потомъ въ руки прошла. Теперь до ногъ дошла. Чую, ноги помолодѣли. Вишь, сами пошли.

Начинаетъ выплясывать.

БАБА выпиваетъ. Ну-ка, ты мастеръ, Потапушка, заиграй!

Потапъ беретъ балалаку, играетъ. Мужикъ и баба пляшутъ.

Работникъ играетъ на аванценѣ и смѣется, подмигиваетъ на нихъ. Перестаетъ играть, они все пляшутъ. Заплатишь мнѣ за краюшку; готовы молодцы, не отвертятся. Пускай посмотреть.

СЦЕНА 3-я.

Входятъ свѣжая старуха и старый бѣлый старикъ и прежніе.

Старикъ. Что вы, очумѣли, что ли? Люди работаютъ, а они плясать.

БАБА пляшетъ и бьетъ въ ладоши. Ихъ, ихъ, ихъ! Припѣваетъ. Согрѣшила передъ Богомъ. Одинъ Богъ безъ грѣховъ!

СТАРУХА. Ахъ ты, паскудница! Печь не убрана, а она плясать!

МУЖИКЪ. Ты, матушка, погоди. Что у насъ тутъ сдѣлалось! Старыхъ на молодыхъ передѣлываемъ. Вотъ, на! Выпей только!

Подаетъ.

СТАРУХА. Воды-то въ колодцѣ много. Нюхаетъ. Чего же ты туда напустилъ? Вишь, духъ-то какой!

МУЖИКЪ и БАБА. Да ты выпей.

СТАРУХА пробуетъ. Ишь ты! А не помрешь отъ нея?

БАБА. Вовсе оживешь. Совсѣмъ молодая станешь.

СТАРУХА. Ну! Пьетъ. А хороша! Лучше пива. Ну-ка, батюшка, покушай и ты.

Дѣдъ садится и качаетъ головой.

РАБОТНИКЪ. Оставьте его! А вотъ бабушкѣ еще стаканчикъ надо.

Подноситъ бабушкѣ.

СТАРУХА. Какъ бы чего не сдѣлалось? Ой, жжетъ она! А тянетъ.

БАБА. Выпей! Почуешь, какъ она по жиламъ пойдетъ.

СТАРУХА. Ну ужъ, видно, попытать.

Выпиваетъ.

БАБА. Что, дошла до ногъ-то?

СТАРУХА. И то доходить. Вотъ она, тута! И то легость отъ нея. Ну-ка еще выпиваетъ еще. Важно! И то совсѣмъ молодая стала.

МУЖИКЪ. Я тебѣ говорилъ.

Старуха. Эхъ, старика моего нѣтъ! Поглядѣлъ бы онъ еще разокъ, какая я молодая была.

Работникъ играетъ. Мужикъ и баба пляшутъ.

Старуха выходитъ въ середку. Развѣ такъ пляшутъ? Я вотъ покажу. Пляшетъ. Вотъ какъ. Еще этакъ да вотъ такъ. Видали?

Дѣдъ подходитъ къ котлу и выпускаетъ наземь вино.

Мужикъ замѣчаетъ это и бросается къ дѣду. Что жъ ты это, злодѣй, надѣлалъ? Добро такое упустилъ! Ахъ ты, старый хрѣнь! Толкаетъ его и подставляетъ стаканъ. Все упустилъ.

Дѣдъ. Зло это, не добро. Хлѣбъ тебѣ Богъ зародилъ себя и людей кормить, а ты его на дьявольское питье перегналъ. Не будетъ отъ этого добра. Брось ты эти дѣла. А то пропадешь и людей погубишь! Это, думаешь, питье? Это огонь, сожжетъ онъ тебя.

Беретъ лучину изъ-подъ котла, зажигаетъ. Разлитое вино горитъ. Всѣ стоятъ въ ужасѣ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА 1-я.

Изба мужика. Одинъ работникъ съ рогами и копытами.

Работникъ. Хлѣба много, дѣвать некуда, а вкусъ-то ужъ онъ въ немъ разобралъ. Теперь опять накурили, въ бочку слили и отъ людей спрятали. Даромъ поить людей не будемъ. А кого намъ нужно, то попоимъ. Нынче вотъ я научилъ стариковъ-міроѣдовъ позвать, попоить ихъ, чтобы они его отъ дѣда отдѣлили, ничего бы дѣду не дали. Нынче и срокъ мой вышелъ, три года прошло, и дѣло мое готово. Пускай самъ старшой приходитъ смотрѣть. Не стыдно и ему показать.

СЦЕНА 2-я.

Изъ-подъ земли выходитъ старшой.

Старшой. Ну, нынче срокъ! Заслужилъ ты краюшку? Я тебѣ обѣщалъ придти самъ посмотреть. Обработалъ мужика?

Работникъ. Обработалъ совсѣмъ. Самъ посуди. Сейчасъ вотъ сюда соберутся. Садись въ печку, смотри что они дѣлать будутъ. Останешься доволенъ.

Старшой лѣзетъ въ печку. Посмотримъ!

СЦЕНА 3-я.

Выходятъ хозяинъ и четыре старика; сзади баба. Садятся за столъ. Баба накрываетъ и ставитъ студень и пироги. Старик и здороваются съ работникомъ.

1-й старикъ. Что жъ, много еще питья надѣлалъ?

Работникъ. Да, накурили сколько нужно. Что жъ добру даромъ пропадать?

2-й старикъ. И хорошо удалось?

Работникъ. Еще лучше той.

2-й старикъ. И гдѣ ты учился?

Работникъ. По свѣту ходишь,—всему научишься.

3-й старикъ. Такъ, такъ — дошлый.

Мужикъ. Кушайте!

Баба подноситъ.

БАБА приноситъ графинъ, наливаетъ. Просимъ милости!

1-й старикъ пьетъ. Будьте здоровы! Ахъ, хорошо, по суставамъ пошло,—ну, питье!

То же дѣлаютъ три старика одинъ за другимъ.

Старшой выльзаетъ изъ устья печи, работникъ становится съ нимъ рядомъ.

Работникъ старшому. Смотри теперь, что будетъ. Я бабѣ ногу подставлю, она прольетъ стаканъ. То онъ краюшки не пожалѣлъ,—смотри теперь, что за стаканчикъ вина будетъ.

Мужикъ. Ну, баба, наливай еще, подноси чередомъ: куму, потомъ дядѣ Михайлѣ.

БАБА наливаетъ и идетъ вокругъ стола; работникъ под-

ставляетъ ей ногу, она спотыкается и проливаетъ стаканъ. Ай, батюшки, пролила! И тебя же тутъ нелегкая принесла!

Мужикъ на бабу. Экая косолапая чертовка! Сама— какъ безрукая, а на людей говоришь. Ишь, добро какое на полъ льешь!

БАБА. Да вѣдь ненарокомъ.

Мужикъ. То-то ненарокомъ; вотъ, дай встану, я те научу, какъ вино наземь лить. На работника. Да и ты, проклятый, около стола чего вертишься? Иди къ чорту!

БАБА вновь наливаетъ и подносить вино.

Работникъ подходитъ къ печи и говорить старшому. Видишь: то послѣдней краюшки не пожалѣлъ, а теперь за стаканчикъ чуть жену не прибилъ и меня къ тебѣ, къ чорту, послалъ.

Старшой. Хорошо, очень хорошо. Хвалю!

Работникъ. Погоди еще. Дай они всю бутылъ выпьютъ — посмотри, то ли еще будетъ. И теперь гладкія слова, масляныя, говорятъ, а вотъ сейчасъ начнутъ другъ къ дружкѣ подольщаться, всѣ, какъ лисицы, хитры сдѣлаются.

Мужикъ. Такъ какъ же, старички, какъ же вы мое дѣло разсудите? Жилъ у меня дѣдъ, кормилъ я его, кормилъ, а онъ теперя сошелъ къ дядѣ и хочетъ свою часть дома взять, дядѣ отдать. Разсудите, какъ лучше. Вы люди умные. Безъ васъ мы какъ безъ головы. Ужъ противъ васъ во всей деревнѣ нѣтъ людей. Вотъ хоть бы Иванъ Федотычъ,— вѣдь и люди говорятъ, что первый человекъ. А я тебѣ, Иванъ Федотычъ, правду говорю: больше отца-матери люблю. А Михайла Степанычъ — старинный другъ.

1-й старикъ къ хозяину. Съ хорошимъ человѣкомъ и говорить хорошо, ума наберешься. Такъ-то съ тобой. Вѣдь и противъ тебя не найдешь человѣка.

2-й старикъ. Потому умный и ласковый; за то и люблю.

3-й старикъ. Ужъ какъ я тебя жалѣю, что и словъ нѣтъ. Я нынче бабѣ и говорю.

4-й старикъ. Дружокъ, истинно дружокъ.

Работникъ толкаетъ старшего. Видишь! Все врутъ. Какъ врозь, такъ другъ дружку ругаютъ. А теперь, видишь, какъ подмасливаютъ, какъ лисицы хвостами виляютъ. А все отъ питья.

Старшой. Хорошо пить! Очень хорошо! Коли они такъ врать будутъ, всѣ наши будутъ. Хорошо, хвалю.

Работникъ. Погоди, дай другую бутылъ выпьютъ, то ли еще будетъ!

БАБА подноситъ. Кушайте на здоровье.

1-й старикъ. Не много ли будетъ? Будьте здоровы! Пьеть. Съ хорошимъ человѣкомъ и выпить лестно.

2-й старикъ. Нельзя не выпить. Будьте здоровы, хозяинъ съ хозяйшкой.

3-й старикъ. Дружки! здравствуйте!

4-й старикъ. Вотъ такъ брага! Гуляй! Все сдѣлаемъ. Потому во всемъ моя воля.

1-й старикъ. Твоя-то не твоя, а какъ постарше тебя скажутъ.

4-й старикъ. Старше да глупѣе. Поди ты туда, откуда пришелъ!

2-й старикъ. Чего ругаешься? Эхъ ты, дура!

3-й старикъ. Онъ вѣрно говорить. Потому хозяинъ

насъ угощаетъ не спроста. Ему дѣло нужно. Дѣло можно разсудить. Только ты угости. Почетъ сдѣлай. Потому я тебѣ нуженъ, а не ты мнѣ. Ты свиньѣ братъ.

Мужикъ. Самъ съѣшь! Что горло дерешь? Не видали, что ли? Жрать-то вы всѣ здоровы!

1-й старикъ. Ты что гордыбачишь? Вотъ я те носъ-то поправлю на сторону.

Мужикъ. Кто кого?

2-й старикъ. Эка невидаль! Ну те къ чорту! Не хочу съ тобой и говорить,—уйду.

Мужикъ держать. Да ты что компанію разстраи-ваешь?

2-й старикъ. Пуси! Свистну!

Мужикъ. Не пушу! Какую ты имѣть праву?

2-й старикъ. А вотъ какую!

Бьетъ.

Мужикъ старикамъ. Заступитесь!

Свалка. Мужикъ и старики, всѣ вмѣстѣ, вдругъ говорятъ.

1-й старикъ. Потому, значить, гу.....ляемъ!

2-й старикъ. Все я могу!

3-й старикъ. Давай еще!

Мужикъ кричить бабѣ. Давай еще бутылъ!

Всѣ садятся опять за столъ и пьютъ

Работникъ старшому. Теперъ видѣль? Заговорила въ нихъ волчья кровь. Какъ волки всѣ злы сдѣлались.

Старшой. Хорошо питье! Хвалю!

Работникъ. Погоди: дай еще 3-ю бутылъ выпьютъ, то ли еще будетъ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ШЕСТОЕ.

Сцена представляетъ улицу. Справа старушки сидятъ на бревнахъ, между ними дѣдъ. Въ серединѣ водятъ хороводы бабы, дѣвки и парни. Играютъ плясовую и пляшутъ. Изъ избы слышатся шумъ, пьяные крики; выходитъ старикъ и кричитъ пьянымъ голосомъ; за нимъ хозяинъ, уводитъ его назадъ.

СЦЕНА 1-я.

Дѣдъ. Ахъ, грѣхи, грѣхи! Чего еще нужно? Будни работай, пришелъ праздникъ — помойся, сбрую оправь, отдохни, съ семейными посиди, поди на улицу къ старикамъ, общественное дѣло посуди. А молодежь, что жъ, и поиграй! Вонъ хорошо играютъ, смотрѣтъ весело. Честно, хорошо. Крикъ въ избѣ. А то это что? Только людей смущаютъ да чертей радуютъ. А все отъ жиру!

СЦЕНА 2-я.

Изъ избы вываливаются пьяные, идутъ къ хороводамъ, кричатъ, хватаютъ дѣвокъ.

Дѣвки. Брось, дядя Карпъ! Что ты!

Парни. Уйти надо на проулокъ. А то какая же тутъ игра!

Уходятъ всѣ, кромѣ пьяныхъ и дѣда.

Мужикъ идетъ къ дѣду, показывается шишъ. Что, взялъ? Все мнѣ старики обѣщали присудить. Тебѣ вотъ что! На, выкуси. Все мнѣ отдали, тебѣ ничего, вотъ они скажутъ.

1-й, 2-й, 3-й, 4-й старики въ одинъ голосъ.

1-й старикъ. Потому я всю правду могу разсудить.

2-й старикъ. Я всякаго переспорю, потому я самъ съ усамъ!

3-й старикъ. Другъ, дружокъ, дружочекъ!

4-й старикъ. Ходи изба, ходи печь, хозяйшкѣ негдѣ лечь! Гуляемъ!

Ухватываются старики по-двое и, шатаясь, идутъ и уходятъ: одна пара, потомъ другая. Хозяинъ идетъ къ дому, не доходитъ и спотыкается, падаетъ и бормочетъ что-то непонятное, подобно хрюканью. Дѣдъ съ мужиками поднимается и уходитъ.

СЦЕНА 3-я.

Выходитъ старшой съ работникомъ.

Работникъ. Видалъ? Теперь заговорила свиная кровь. Изъ волковъ свиньями подѣлались. Показываетъ на хозяина. Лежить, какъ боровъ въ грязи, хрюкаетъ.

Старшой. Заслужилъ! Сначала какъ лисицы, потомъ какъ волки, а теперь какъ свиньи сдѣлались. Ну, ужъ питье! Скажи жъ, какъ ты такое питье сдѣлалъ? Должно, ты туда лисьей, волчьей и свиной крови пустилъ?

Работникъ. Нѣтъ, я только хлѣба лишняго зародилъ. Какъ было у него хлѣба съ нужду, такъ ему и краюшки

не жаль было; а какъ стало дѣвать некуда, и поднялась въ немъ лисья, волчья и свиная кровь. Звѣриная кровь всегда въ немъ была, только ходу ей не было.

Старшой. Ну, молодецъ! Заслужилъ краюшку. Теперь только бы вино пили, а они у насъ въ рукахъ всегда будутъ.

Занавѣсъ.

КНИГОТОРГОВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КУЛЬТУРА“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Невскій проспектъ, № 28, домъ комп. Зингеръ.

Телефонъ № 426-75.

Адресъ для телеграммъ: Культура—Петербургъ.

КАТАЛОГЪ

ИЗДАНИЙ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА В. М. САБЛИНА.

Мартъ 1911 г.

I. Учебники.

- Вильсонъ, В.** Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учреждений. Предисловіе проф. М. Ковалевскаго. Переводъ подъ редакціей А. С. Яценко, съ прилож. текста конституціон. актовъ . 3 р. 75 к.
- Коганъ, П. С.** Очерки по исторіи западной литературы.
Томъ 1, изд. 4-е	1 „ 50 „
Томъ 2, изд. 3-е	1 „ 50 „
Томъ 3, ч. 2	1 „ 25 „
- Коганъ, П. С.** Греческая литература 1 „ 25 „
- Майеръ, Георгъ.** Избирательное право, въ 2-хъ част. Историческая и общая части съ предисловіемъ Георга Йеллинека. 3 „ — „
- Новгородцевъ, П. И., проф.** Исторія философіи права. Конспектъ лекцій. 1 „ 25 „

Оствальдъ, В. Школа хим. Перв. ч., перев. Евг. Раковского	1 р.	— к.
Оствальдъ, В. Школа химии. Вторая часть	1 "	— "
Познышевъ, С. В., проф. Особенная часть русского уголовнаго права	2 "	25 "
Риги, А. Современная теорія физическихъ явленій (ра- діоактивность, іоны, электроны)	— "	80 "
Сельско-хозяйственный анализъ. Составили: проф. Сельск. - Хозяйств. Инст. Демьяновъ, ассистенты Виноградовъ и Егоровъ. Часть 1-я. Почва . .	2 "	— "
Сельско-хозяйственный анализъ. Составили: проф. Демьяновъ, ассистенты Виноградовъ и Егоровъ. Часть 2-я. Удобрение и кормовыя вещества . .	1 "	75 "
Ферри, Э. Уголовная социологія. Редак. проф. Познышева	3 "	— "
Цингеръ, А. В. Начальная физика. Первая ступень.	1 "	75 "
Въ коленкор. перепл.	2 "	— "
Штарке. Опытное учение объ электричествѣ	2 "	— "

II. Науки и искусство.

Бельше. Происхождение человѣка. Перев. подъ редакц. Синицаго.	— р.	50 к.
Бинз и Симонъ. Развитие интеллекта у дѣтей . . .	— "	75 "
Боборыкинъ, П. Д. Европейскій романъ въ XIX столѣтіи. „Романъ на западѣ за двѣ трети вѣка“.	3 "	— "
Езерскій, Н. Избранныя стихотворенія для дѣтей. Кн. I. Младшій возрастъ	— "	60 "
Тоже. Кн. II. Старшій возрастъ	— "	75 "
Жеваль, Э. Среди слѣпыхъ. Практическіе совѣты для лицъ, потерявшихъ зрѣніе. Пер. Оршанскаго. . .	— "	60 "
Кей, Эленъ. Женское движеніе	1 "	— "
„ Вѣкъ ребенка.	1 "	50 "
„ Любовь и бракъ	1 "	50 "
Ковалевскій, М. Учение о личныхъ правахъ. Изд. 2-е	— "	40 "
Луи, П. Рабочій и государство.	1 "	75 "
Люблинскій, проф. Итоги современнаго искусства и литературы	1 "	50 "
Морозовъ, Н. А. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. 3-е изд., значительно дополненное	1 "	50 "
Науманъ. Демократія и императорская власть. . . .	1 "	50 "
Ольстонъ. Краткій очеркъ современныхъ конституцій съ приложеніемъ очерка конституціи Англій . .	— "	15 "

Ольшевскій. Бюрократія	1 р. 50 к.
Орlando. Принципы конституціоннаго права.	1 „ 50 „
Роде. Гауптманъ и Ницше. Критическій очеркъ	— „ 40 „
Свентоховскій, А. Исторія утопій.	1 „ 50 „
Сизеранъ. Англійская живопись. Роскошное иллюстрированное изданіе.	2 „ 75 „
Штирнеръ, М. Единственный и его достояніе.	— „ 75 „
Шуманъ, А. Кроликъ, его разведеніе, уходъ за нимъ и примѣненіе его.	— „ 50 „

III. Художественная литература.

БИБЛИОТЕКА КЛАССИКОВЪ СОВРЕМЕННОЙ МЫСЛИ.

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ.

1. Польскіе, нѣмецкіе, датскіе и итальянскіе писатели:

Пшибышевскій Станиславъ.

Томъ 1.	Поэмы: Аметисты. Въ долину слезъ. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Introibo. Рапсодія I. Epirpsychidion. Рапсодія 2. Свѣтлыя ночи. Рапсодія 3. У моря. Cupio Dissolvi. Изд. 2-е	1 р. 75 к.
Томъ 2.	Сыны земли. Малярія. Сумерки. Ultima Thule. Изд. 2-е	1 „ 50 „
Томъ 3.	Номо Sapiens. Изд. 3-е	2 „ — „
Томъ 4.	Драмы: Пляска любви и смерти. Золотое руно. Счастье. Мать. Гости. Снѣгъ. Изд. 2-ое.	2 „ — „
Томъ 5.	Критика: Къ психологіи индивидуума. Шопень и Ницше. Ола Галссонъ. Пути души. Мунхъ. Вступленіе. Афоризмы и прелюдіи. Эдвардъ Густавъ Вигеландъ. Шопень. Пламенный. Памяти Юлія Словацкаго. Съ Куявскихъ полей. Изд. 3-е.	1 „ 75 „
Томъ 6.	Дѣти сатаны. De profundis. Изд. 2-е	2 „ — „
Томъ 7.	Заупокойная месса. Стихотворенія въ прозѣ. Вѣчная сказка. Изд. 2-е	1 „ 50 „
Томъ 8.	Биографія. Обрученіе (драма). Тиртей. Стезею Каина.	1 „ — „
Томъ 9.	Судный день (романъ).	2 „ — „
Томъ 10.	Пиръ жизни. Синагога Сатаны	1 „ — „

Цѣна отдѣльныхъ томовъ въ роскошныхъ переплеткахъ на 50 к. дороже.

Тетмайеръ Казиміръ.

Цѣна отдѣльныхъ томовъ въ роскошныхъ переплетахъ на 50 к. дорожѣ.

Томъ 1.	Ангель смерти (романъ). Изд. 2-е	1 р. 50 к.
Томъ 2.	Гибель (продолж. Ангела смерти).	1 " 50 "
Томъ 3.	На горныхъ уступахъ	1 " 25 "
Томъ 4.	На горныхъ уступахъ. Бездна	1 " — "
Томъ 5.	Отрывки. Стихотворенія въ прозѣ. Панна Мэри. Изд. 2-е	1 " — "
Томъ 6.	Меланхолія	1 " — "
Томъ 7.	Марыня изъ Грубаго	1 " — "
Томъ 8.	Король Андрей	1 " 50 "
Томъ 9.	Игра волнъ	1 " — "
Томъ 10.	Яюсикъ Литмановскій	1 " — "

Бангъ Германъ.

Томъ 1.	У дороги	1 р. — к.
Томъ 2.	Фрэкень Кайя. Жизнь и смерть	1 " — "
Томъ 3.	Эксцентрическія новеллы	1 " — "
Томъ 4.	Вѣлый домъ. Разказы	1 " — "
Томъ 5.	Михаэль	1 " — "

Шницлеръ Артуръ.

Томъ 1.	Сказка,—(драма). Смерть,—(новелла). Мгновенія жизни,—(драма). Литература,—(комедія). Изд. 3-е	1 р. — к.
Томъ 2.	Завѣщаніе,—(драма). Поручикъ Густель,—(новелла). Анатолий,—діалоги. Роковой вопросъ. Рождественскій подарокъ. Эпизодъ. Сувениръ. Прощальный ужинъ. Агонія. Утро Анатоля передъ свадьбой. Жена философа. Послѣднее свиданіе. Бенефисъ. Цвѣты. Мертвые молчать. Изд. 3-е	1 " — "
Томъ 3.	Трилогія: Парацельсъ. Подруга. Зеленый попугай. — Покрывало Беатриче. Одинокой тропой. Изд. 2-е	1 " 50 "
Томъ 4.	Верта Гарлянь. Храбрый Касьянь. Канунъ Нового года. Общая добыча. Изд. 2-е	1 " — "

Томъ 5.	Забава, — (драма). Интермеццо, — (драма). — Разказы. Изд. 2-е	1 р. — к.
Томъ 6.	Новеллы. Крикъ жизни. Хороводъ. Маріонетки.	1 „ — „
Томъ 7.	Дорога къ волѣ	1 „ — „
Томъ 8.	Графиня Мицци. Пьеро	1 „ — „
Томъ 9.	Молодой Медардъ	1 „ — „

Манъ Генрихъ.

Томъ 1.	Конецъ тирана (<i>Учитель Унратъ</i>).	1 р. — к.
Томъ 2.	Маленькій городъ, кн. I	1 „ — „
Томъ 3.	Маленькій городъ, кн. II	1 „ — „
Томъ 4.	Флейты и кивжалы.	1 „ — „

д'Аннунціо Габріэле.

Томъ 1.	Огонь	1 р. — к.
Томъ 2.	Джіоконда (драма). Пескарскія новеллы	1 „ — „
Томъ 3.	Мертвый городъ (драма). Новеллы	1 „ — „
Томъ 4.	Дѣвы скаль (романъ).	1 „ — „
Томъ 5.	Невинный (романъ).	1 „ — „
Томъ 6.	Слава (драма). Эпископо (разск.). Пескарскія новеллы	1 „ — „
Томъ 7.	Торжество смерти (романъ)	1 „ 50 „
Томъ 8.	Дочь Іоріо (драма). Дѣвственная земля	1 „ — „
Томъ 9.	Сильнѣ любви. Факель подъ мѣрой	1 „ — „
Томъ 10.	Наслажденіе.	1 „ 50 „
Томъ 11.	Корабль. Сонъ весенняго утра. Сонъ осен- няго вечера.	1 „ — „
Томъ 12.	Можетъ быть—да, можетъ быть—нѣтъ	1 „ 50 „

II. Англійскіе, шведскіе и норвежскіе писатели:

Уайльдъ Оскаръ.

Томъ 1.	Сказки и разказы. Изд. 2-е	1 р. 50 к.
Томъ 2.	Портретъ Доріана Грея (романъ). Изд. 2-е.	1 „ 50 „
Томъ 3.	Сказки. Стихотворенія въ прозѣ. Саломея. De profundis (тюрьма). Изд. 2-е.	1 „ 50 „

Цѣна отдѣльных томовъ въ роскошныхъ переплеткахъ на 50 к. дороже.

Томъ	4.	О социализмѣ. Герцогиня Падуанская. Вѣрзь лэди Уайндермеръ. Изд. 2-е	1 р. 50 к.
Томъ	5.	Исканія	1 „ 50 „
Томъ	6.	Идеальный мужъ. Женщина безъ всякаго значенія. Изд. 2-е	1 „ 50 „
Томъ	7.	Преступленіе лорда Артура Сэвиля. Сфинксъ безъ загадки. Натурщикъ. Портретъ м-ра W. H. La Sainte Courtisane. Возрожденіе искус- ства въ Англіи	1 „ 50 „
Томъ	8.	Тривиальная комедія. Баллада Рэддингской тюрьмы. Возрожденіе исторической критики.	1 „ 50 „

Шоу Бернардъ.

Томъ	1.	Цезарь и Клеопатра. Ученикъ Дьявола . .	1 р. — к.
Томъ	2.	Человѣкъ и сверхчеловѣкъ	1 „ — „
Томъ	3.	Трущобы. Мужъ рока	1 „ — „
Томъ	4.	Профессія г-жи Ворренъ. Шоколадный сол- датикъ	1 „ — „
Томъ	5.	Кандида. Ни за что бы вы не сказали . .	1 „ — „
Томъ	6.	Волокита. Маленькія драмы	1 „ — „
Томъ	7.	Соціалистъ любитель	1 „ — „
Томъ	8.	Профессія Кэшеля Байрона	1 „ — „
Томъ	9.	Врачъ на распутьи. Обращеніе кап. Броссбюнда.	1 „ — „
Томъ	10.	Любовь артиста. (Двойной томъ.)	2 „ — „

Лагерлѣфъ Сельма.

Томъ	1.	Сказка о сказкѣ. Іеста Берлингъ (романъ), ч. I.	1 р. — к.
Томъ	2.	Іеста Берлингъ (романъ), часть II	1 „ — „
Томъ	3.	Невидимыя узы (легенды)	1 „ — „
Томъ	4.	Чудесное путешествіе, ч. I	1 „ — „
Томъ	5.	Чудесное путешествіе, ч. II	1 „ — „
Томъ	6.	Чудеса антихриста (романъ).	1 „ — „
Томъ	7.	Іерусалимъ, кн. I (романъ)	1 „ — „
Томъ	8.	Іерусалимъ, кн. II (романъ).	1 „ — „
Томъ	9.	Легенды о Христѣ	1 „ — „
Томъ	10.	Герои Кунгахеллы. Повѣсти и рассказы . .	1 „ — „
Томъ	11.	Сказки и легенды.	1 „ — „
Томъ	12.	Деньги г-на Арнэ. Рассказы.	1 „ — „

Стриндбергъ Августъ.

Томъ 1.	О современной драмѣ и современномъ театрѣ. Фрекенъ Юлія. Кредиторы. Одинокій. Изд. 2-е	1 р. — к.
Томъ 2.	Современ. басни. Самумъ. Кто сильнѣй. Парія. Королева Кристина	1 " — "
Томъ 3.	Супружескія идилліи. Пасха. Совата призраковъ	1 " — "
Томъ 4.	Красная комната (романъ)	1 " — "
Томъ 5.	Колдунья. Отецъ. Зарница.	1 " — "
Томъ 6.	Передъ смертью. Узы. Швейцарскія новеллы.	1 " — "
Томъ 7.	Исповѣдь глупца	1 " — "
Томъ 8.	Готическія комнаты	1 " — "
Томъ 9.	Дѣтская сказка. Серебряное озеро	1 " — "
Томъ 10.	Островитяне (романъ)	1 " — "
Томъ 11.	Легенды. Виттенбергскій соловей	1 " — "
Томъ 12.	Историческія миниатюры	1 " — "

Цѣна отдѣльныхъ томовъ въ роскошныхъ переплеткахъ на 50 к. дороже.

Гамсунъ Кнутъ.

Томъ 1.	Повѣсти и рассказы: Рабы любви. Сынъ солнца. Закхей. По ту сторону океана. Отъявленный плутъ. Отецъ и сынъ. Царица Савская. Дама изъ Тиволи. Тайное горе. Кольцо. На улицѣ. Бѣзъ Тру. Почтовая лошадь, и др. Изд. 3-е	1 р. — к.
Томъ 2.	Редакторъ Линге (романъ.) Изд. 3-е	1 " — "
Томъ 3.	Повѣсти и рассказы: Голось жизни. Маленькія приключенія. Страхъ смерти. Уличная революція. Въ преріи. Привидѣніе. Гастроль. Завоеватель. Викторія. Изд. 3-е	1 " — "
Томъ 4.	Голодь (романъ). У царскихъ вратъ (драма). Изд. 3-е	1 " — "
Томъ 5.	Панъ (романъ). Вечерняя заря. Изд. 3-е.	1 " — "
Томъ 6.	Въ сказочной странѣ. Изд. 3-е	1 " — "
Томъ 7.	Новъ (романъ). Изд. 2-е.	1 " — "
Томъ 8.	Фантазеръ. Въ странѣ полумѣсяца. Изд. 3-е.	" — "
Томъ 9.	Загадки и тайны. (Мистеріи). Изд. 2-е.	1 " — "
Томъ 10.	Драма жизни. Царица Тамара. Изд. 2-е	1 " — "
Томъ 11.	Борьба страстей. Изд. 2-е	1 " — "

Цѣна отдѣльных томовъ въ роскошныхъ переплетахъ на 50 к. дороже.

Томъ 12.	Духовная жизнь Америки. Бродячая жизнь.	
	Изд. 2-е	1 р. — к.
Томъ 13.	Бенони	1 " — "
Томъ 14.	Роза	1 " — "

III. Французскіе и бельгійскіе писатели:

Мирбо Октавъ.

Томъ 1.	Дневникъ горничной. Изд. 2-е	1 р. — к.
Томъ 2.	Садъ пытокъ. Изд. 3-е	1 " — "
Томъ 3.	Себастьянъ Рокъ. Изд. 2-е	1 " — "
Томъ 4.	Автомобиль 628-ЕВ. Изд. 2-е	1 " — "
Томъ 5.	Годгоа. Изд. 2-е	1 " — "
Томъ 6.	Аллегоріи и фарсы. Изд. 2-е	1 " — "
Томъ 7.	Записки неврастеника	1 " — "
Томъ 8.	Аббатъ Жюль	1 " — "
Томъ 9.	Очагъ	1 " — "
Томъ 10.	Разказы	1 " — "

Франсъ Анатоль.

Томъ 1.	Садъ Эпикюра	1 р. — к.
Томъ 2.	Таисъ. Клію. Изд. 2-е	1 " — "
Томъ 3.	Валтасаръ. Изд. 2-е	1 " — "
Томъ 4.	Харчевня „Королева Педокъ“. Изд. 2-е	1 " — "
Томъ 5.	Господинъ Бержере въ Парижѣ. Изд. 2-е	1 " — "
Томъ 6.	На бѣломъ камнѣ	1 " — "
Томъ 7.	Красная лилія. Изд. 2-е	1 " — "
Томъ 8.	Театральная исторія	1 " — "
Томъ 9.	Аметистовый перстень	1 " — "
Томъ 10.	Подъ придорожнымъ вязомъ	1 " — "
Томъ 11.	Ивовый манекенъ	1 " — "
Томъ 12.	Преступленіе Сильвестра Боннара	1 " — "

Роденбахъ Жоржъ.

Томъ 1.	Выше жизни.	1 р. — к.
Томъ 2.	Прялка тумановъ	1 " — "
Томъ 3.	Мертвый Брюгге. Мистич. лилія	1 " — "
Томъ 4.	Призваніе. Искусство въ изгнаніи	1 " — "
Томъ 5.	Дерево. Миражъ. Избранное меньшинство	1 " — "

Лоти Пьеръ.

Томъ	1.	Госпожа Кризантеъ (романъ)	1 р. — к.
Томъ	2.	Исторія одного ребенка (романъ).	1 " — "
Томъ	3.	Матрость (романъ).	1 " — "
Томъ	4.	Изгнанница (романъ)	1 " — "
Томъ	5.	Исландскій рыбакъ (романъ)	1 " — "
Томъ	6.	Третья молодость г-жи Сливы (романъ)	1 " — "
Томъ	7.	Женитьба Лоти (романъ).	1 " — "
Томъ	8.	Три дамы изъ Казбаха (романъ).	1 " — "
Томъ	9.	Рамунчо (романъ).	1 " — "
Томъ	10.	Книга милосердія и смерти (романъ)	1 " — "
Томъ	11.	Мой братъ Ивъ (романъ).	1 " — "
Томъ	12.	Исторія спаги (романъ)	1 " — "

Метерлинкъ Морись.

Томъ	1.	Портретъ и предисл. автора. Драмы: Принцесса Маленъ. Вторженіе смерти. Аглавена и Селизетта. Ариана и Синяя Борода. Intérieur. Изд. 3-е	1 р. — к.
Томъ	2.	Драмы: Пеллеасъ и Мелизанда. Смерть Тентажиля. Алладина и Паломидъ. Семь принцессъ. Сестра Беатриса. Мойна Ванна. Жуазель. Изд. 3-е	1 " 50 "
Томъ	3.	Сокров. смирен. Мудрость и судьба. Изд. 3-е	1 " — "
Томъ	4.	Сокровенный храмъ. Правосудіе. Эволюція тайны. Царство матеріи. Прошлое. Счастье. Будущее. Жизнь пчель. Изд. 2-е	1 " 50 "
Томъ	5.	Двойной садъ. Разумъ цвѣтовъ. Изд. 2-е	1 " — "
Томъ	6.	Чудо св. Антонія. Синяя птица. Избіеніе младенцевъ. Изд. 2-е	1 " — "

Отдѣльные изданія.

Андреевъ Л.	Разсказъ о семи повѣщенныхъ. Съ рисункомъ худ. Рѣпина	— р. 50 к.
Берентъ.	Гнилушки (романъ)	2 " — "
Боборыкинъ П. Д.	Великая разруха (романъ)	1 " 25 "
Ведекиндъ Ф.	Собраніе сочиненій. Т. I. Лулу. Духъ земли. Ящикъ Пандоры. Пляска мертвыхъ.	1 " — "
Выспанскій С.	Варшавянка, драма. Переводъ В. А. Высоккаго	— " 40 "

Цѣна отдѣльныхъ томовъ въ роскошныхъ переплеткахъ на 50 к. дорожѣ.

Гальбе Мансъ. Потокъ, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ; литографированное изданіе для театровъ. Переводъ В. М. Саблина	—	р. 50	к.
Гарборгъ Арнз. Собраніе сочиненій.			
Т. I. Усталые.	1	"	— "
Т. II. У мамы	1	"	50 "
Т. III. Крестьяне-студенты	1	"	— "
Гауптманъ Гергартъ. Собраніе сочиненій.			
Т. I. Эмануэль Квинтъ, часть I.	1	"	— "
Т. II. Тоже, часть II.	1	"	— "
Т. V. (первый полумомъ) Крысы.	1	"	— "
Эльга, (драма)	—	"	75 "
Красный пѣтухъ, (драма)	—	"	60 "
Дойль Конанъ. Новые рассказы о Шарлокъ Холмсѣ.	—	"	50 "
Зудерманъ Германъ. Да здравствуетъ жизнь!— Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ, съ разрѣшенія автора, В. М. Саблина. Изд. 2-е	—	"	75 "
Иенсенъ Юганнесь В. Собраніе сочиненій.			
Т. I. Паденіе короля.	1	"	— "
Т. II. Мадамъ д'Ора.	1	"	— "
Т. IV. Эйперъ Элькеръ	1	"	— "
Качкачевъ А. Б. Въ мірѣ грезъ	—	"	75 "
Кей Элленъ. Очерки	1	"	— "
Корона. Сборникъ.			
<i>Содержаніе:</i> Ник. Русовъ. Мистикъ. — Андрей Бѣлый. Усталость. — Ник. Поярковъ. Красный двѣтокъ. — Александръ Блокъ. Подруга свѣтлая и др.			
Лабишь Э. и Делакуръ. Копилка, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, переводъ В. М. Саблина	—	"	40 "
Метерлинкъ Морисъ: <i>Слѣпыя</i> , драма. Переводъ В. М. Саблина. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянецъ	—	"	75 "
<i>Вторженіе</i> , драма. Переводъ В. М. Саблина. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянецъ	—	"	75 "
<i>Внутри</i> , драма. Переводъ В. М. Саблина. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянецъ	—	"	50 "
<i>Девятнадцать пьесенъ.</i> Переводъ Георгія Чулкова. Обложка, рисунки, заставки работы Дудлэ. Нумерованные экземпляры	5	"	— "
Неумерованные	3	"	— "
Нотари. Три вора	—	"	50 "
Патеръ У. Воображаемые портреты	—	"	75 "

Плевако Ө. Н. Рѣчи судебныя, застольныя и политическiя, подъ редакцiей прис. пов. Н. К. Муравьева , съ портретомъ Ө. Н. Плевако . Томъ 1-й. Изд. М. А. Плевако	2 р. 50 к.
Тоже, т. 2-й	2 " 50 "
Шибышевскiй Станиславъ . Синагога сатаны	1 " — "
Радищевъ А. Н. Собранiе сочиненiй. Томъ 1-й	2 " — "
" " " " Томъ 2-й	2 " 50 "
Реймонтъ, В. Собранiе сочиненiе.	
Т. I. Комедiантка	1 " 50 "
Т. II. Броженiе, кн. I	" — "
Т. III. Тоже, кн. II	" — "
Т. IV. Разказы	" — "
Рербергъ . Лекцiи объ искусствѣ	2 " — "
Ригеръ-Налковская . Женщины (романъ)	1 " — "
Ростанъ Э. Шантеклеръ. Пер. А. Вознесенскаго и Н. Чернова	1 " — "
Стражевъ В. О печали свѣтлой	— " 60 "
Путь голубиный	— " 40 "
Стриндбергъ, А. Кредиторы (драма).	— " 50 "
Танъ . Чукотскiе разказы	1 " — "
На тракту	— " 10 "
Треплевъ . Фактъ и возможность. Этюдъ о М. Горькомъ , съ портретомъ М. Горькаго	— " 30 "
Треплевъ . Молодое сознание. Этюдъ о Вл. Г. Короленко , съ портретомъ Вл. Г. Короленко	— " 40 "
Треплевъ . Три этюда: Радость земли. Механизмъ. Бѣгство отъ земли	— " 50 "
Князь Урусовъ С. Д. Записки губернатора	1 " 50 "
Чулковъ Георгiй . Кремнистый путь, стихотв. и поэмы	1 " — "
Фибихъ, Клара . Собранiе сочиненiй. Т. I. Хлѣбъ на- сущный	1 " — "
Т. II. Передъ росой и разсвѣтомъ	1 " — "
Шамовъ И. К. Пѣвчiя птицы	1 " 75 "

Современная Библиотечка.

№ 1. Ола Ганссонъ . <i>Sensitiva amorosa</i>	— р. 50 к.
№ 2. Ола Ганссонъ . Видѣнiя молодого Офига	— " 50 "
№ 3. Ю. Аго . Одинокiй	— " 50 "
№ 4. Арнэ Гарборгъ . Горный воздухъ	— " 50 "
№ 5. А. Гауиландъ . Море	— " 50 "

№ 6.	А. Гаукландъ. Дремучіе лѣса	— р.	50 к.
№ 7.	Г. Бангъ. Вѣллы домъ	— „	50 „
№ 8.	Ж. Роденбахъ. Искусство въ изгнаніи	— „	50 „
№ 9.	Сельма Лагерлефъ. Ингридъ	— „	50 „
№ 10.	Г. Бангъ. Странные разсказы	— „	50 „
№ 11.	І. Якобсенъ. Новеллы	— „	50 „
№ 12.	Вилье де-Лиль Аданъ. Жестокіе разсказы	— „	50 „
№ 13.	Ж. Роденбахъ. Мистическія лиліи	— „	50 „
№ 14.	С. Лагерлефъ. Герои Кунгахеллы	— „	50 „
№ 15.	С. Обстфельдеръ. Кресть	— „	50 „
№ 16.	С. Выспанскій. Судьи	— „	50 „
№ 17.	Я. Врхлицкій. Разноцвѣтные осколки	— „	50 „
№ 18.	Я. Вассерманъ. Кларисса Мирабель	— „	50 „
№ 20.	Ола Ганссонъ. Дорога къ жизни	— „	50 „
№ 21.	Ола Ганссонъ. Ангель Хранитель	— „	50 „
№ 22.	Ола Ганссонъ. Морскія птицы	— „	50 „

IV. Дѣтскія книги.

Бесковъ Элиза. На лыжахъ. Зимняя сказка, съ роскошными цвѣтн. иллюстр.	1 р.	— к.
Боснійскія народныя сказки.	Въ папкѣ	— „ 75 „
Тоже. Часть I	Въ папкѣ	— „ 40 „
Тоже. Часть II	Въ папкѣ	— „ 40 „
Волховской Ф. Дюжина сказокъ	1 „	25 „
Гавалевичъ М. и Стахевичъ П. Легенды о Богородицѣ. Иллюстр. изд. въ худож. обложкѣ	1 „	— „
Гомулицкій В. Воспоминанія синяго мундирчика. Съ иллюстраціями.	Въ папкѣ	1 „ 25 „
Въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ.	1 „	50 „
Готторнъ Н. Первая книга чудесъ.	Въ папкѣ	1 „ — „
Готторнъ Н. Вторая книга чудесъ. (Сказки Тэнгльюда). Въ папкѣ	1 „	— „
Гоу Грегсонъ. Маленькій искатель приключеній. Въ папкѣ	1 „	— „
Гриммъ Бр. Сказки и легенды, въ переводѣ А. А. Федорова-Давыдова. 2-е изд. <i>Одобрена Уч. К. Мин. Нар. Пр.</i> для средн. и низш. уч. зав. Томъ I. и II. За два тома	3 „	— „
Въ коленкор. перепл	4 „	— „
Езерскій, Н. Стихотв. для дѣтей. Кн. I. Младш. возр.	— „	60 „

Езерскій, Н. Стихотв. для дѣтей. Кн. II. Старш. возр.	—	р. 75 к.
Календарь-годовикъ. Рис. художн. М. Н. Яковлева . . .	1	" — "
Кеннеди Г. Индѣйскія сказки. Въ папкѣ	2	" — "
Въ роскошн. коленкор. перепл.	2	" 25 "
Киплингъ Р. Вотъ такъ сказки!	2	" — "
Киплингъ Р. Джунгли. Книга I	1	" 50 "
Джунгли. Книга II	1	" 50 "
Киплингъ Р. Какъ было написано первое письмо. Въ папкѣ.	—	" 40 "
Киплингъ Р. Верблюдь. Въ папкѣ	—	" 40 "
Коллоди Ц. Приключенія паяца. Иллюстр. изд. Въ папкѣ.	1	" — "
Лагерлефъ С. Бѣгство въ Египеть. Въ папкѣ.	—	" 20 "
Лагерлефъ С. Вилеемскій младенець. Въ папкѣ.	—	" 25 "
Лагерлефъ С. Въ Назаретѣ Въ папкѣ.	—	" 20 "
Лагерлефъ С. Въ Храмѣ. Въ папкѣ.	—	" 20 "
Лагерлефъ С. Господь и св. Петръ. Въ папкѣ.	—	" 20 "
Лагерлефъ С. Видѣнїе Императора. Въ папкѣ.	—	" 20 "
Лагерлефъ С. Колодець мудрецовъ. Въ папкѣ.	—	" 20 "
Лагерлефъ С. Красношейка Въ папкѣ.	—	" 20 "
Лагерлефъ С. Легенды о Христѣ. <i>Допущена</i> въ ротнїя библіотеки военно-учебныхъ заведенїй. Въ папкѣ.	2	" — "
Лагерлефъ С. Покрывало Вероники Въ папкѣ.	—	" 30 "
Лагерлефъ С. Свѣча отъ гроба Господня Въ папкѣ.	—	" 25 "
Лагерлефъ С. Сказки и легенды Въ папкѣ.	1	" 50 "
Лагерлефъ С. Чудесное путешествіе на гусяхъ. Ч. I.	1	" — "
Лагерлефъ С. Чудесное путешествіе на гусяхъ. Ч. II.	1	" — "
Лонгъ В. Вѣлый волкъ Въ папкѣ.	—	" 75 "
Лонгъ В. Вѣлый медвѣдь Въ папкѣ.	—	" 40 "
Лонгъ В. Дикій гусь Въ папкѣ.	—	" 40 "
Лонгъ В. Лосось-скакунъ Въ папкѣ.	—	" 40 "
Лонгъ В. Младшїй братецъ медвѣдя. Иллюстр. изд. Въ пап- кѣ. 1 р. 75 к. Въ роскошн. коленкор. переплетѣ.	2	" — "
Лонгъ В. На крайнемъ сѣверѣ. Въ роскошномъ пере- плетѣ 2 руб. Въ папкѣ	1	" 75 "
Лонгъ В. Хитрецъ-рыболовъ Въ папкѣ.	—	" 40 "
Лондонъ Дж. До Адама. Иллюстрир. изданїе. Въ папкѣ.	1	" 50 "
Лондонъ Дж. Собака-привидѣнїе. Роскошн. иллюстрир. изданїе въ худож. обложкѣ.	1	" — "
Мало Г. Безъ семьи. Съ иллюстр., въ худож. обложкѣ. Книга I	1	" — "
Тоже. Книга II	1	" — "

Макманусъ С. Ирландскія сказки	Въ папкѣ.	1 р.	25 в
Въ роскош. коленкор. перепл.		1 "	50 "
Макманусъ С. Горбунъ Кривулька.	Въ папкѣ.	— "	40 "
Макманусъ С. Богатый Дональдъ и бѣдный Джекъ. Въ папкѣ.		— "	40 "
Макманусъ С. Мельникъ Малисъ.	Въ папкѣ.	— "	40 "
Макманусъ С. Плѣшемъ.	Въ папкѣ.	— "	50 "
Макманусъ С. Приключенія Сіада.	Въ папкѣ.	— "	40 "
Макманусъ С. Сумка вѣдьмы.	Въ папкѣ.	— "	40 "
Неручевъ А. Колобокъ. Книжка-картинка въ краскахъ.		— "	50 "
Неручевъ А. Мужикъ и огурцы. Книжка-картинка. .		— "	50 "
Неручевъ А. Теремокъ. Книжка-картинка въ краскахъ.		— "	50 "
Робинзонъ Перри. Черный медвѣдь.	Въ папкѣ.	1 "	75 "
Сэтонъ-Томпсонъ Э. Животныя герои.	Въ папкѣ.	2 "	— "
Сэтонъ-Томпсонъ Э. Жизнь гонимыхъ	Въ папкѣ.	1 "	25 "
Тоже въ роскошномъ коленкор. переплетѣ.		1 "	75 "
Сэтонъ-Томпсонъ Э. Мои дикіе знакомые. Въ папкѣ.		2 "	— "
Въ коленкор. перепл.		2 "	25 "
Сэтонъ-Томпсонъ Э. По слѣдамъ оленя. Иллюстр. изд.		— "	75 "
<i>Допущена Уч. К. Мин. Нар. Пр. въ ученическія</i>			
<i>библіотеки низш. учебныхъ заведеній.</i>			
Сэтонъ-Томпсонъ Э. Шакаль Тито.	Въ папкѣ.	— "	75 "
Сэтонъ-Томпсонъ Э. Кенгуровая крыса. Иллюстр. изд.		— "	20 "
Сэтонъ-Томпсонъ Э. Серебряное пятнышко. Иллюстр.			
изд. Въ худож. обложкѣ.		— "	20 "
Сэтонъ-Томпсонъ Э. Снѣгъ. Иллюстр. изд.		— "	20 "
Сэтонъ-Томпсонъ Э. Путешествіе дикой утки. Иллюстр.			
изд. Въ худож. обложкѣ.		— "	20 "
Сэтонъ-Томпсонъ Э. Иноходецъ. Иллюстр. изд.		— "	20 "
Сэтонъ-Томпсонъ Э. Легенда объ оленѣ. Иллюстр. изд.		— "	20 "
Сэтонъ-Томпсонъ Э. Лисица. Иллюстр. изд. Въ худ. облож.		— "	20 "
Сэтонъ-Томпсонъ Э. Бинго. Иллюстр. изд. Въ худ. облож.		— "	20 "
Сэтонъ-Томпсонъ Э. Волкъ изъ Виннипега. Иллюстр.			
изд. Въ худож. обложкѣ.		— "	20 "
Уайльдъ Оскаръ. День рожденія Инфанта. Роскошное			
изданіе съ премированными рисунками В. Я. Су-			
реньянца. Въ роск. пер.		1 "	— "
Уайльдъ Оскаръ. Молодой король. Роскошн. издан.			
съ премир. рис. В. Я. Суреньянца. Въ роск. пер.		1 "	— "
Федоровъ-Давыдовъ А. А. Веселые мореплаватели.			
Иллюстрированное изданіе	Въ папкѣ.	1 "	50 "

Федоровъ-Давыдовъ А. А. Зимній сонъ. Иллюстрированное изданіе въ папкѣ	1 р. — к.
Федоровъ-Давыдовъ А. А. Сказка о подземномъ народѣ. Съ роскошными иллюстраціями въ краскахъ.	1 „ 50 „
Шэрпъ Эвелина. Исторія Вѣтряного Пѣтушка. Роскошное иллюстрированное изданіе, въ перепл.	2 „ 50 „
Хассаль Дж. Два друга. Съ иллюстр. въ краск. Въ папкѣ.	1 „ — „

Книжки для раскрашиванія: 1. Друзья. 2. Птицы.	
3. Кошки и собаки. Каждая по	— „ 75 „
Книжки для раскрашиванія: 1. Домашнія животныя.	
2. Дикія животныя. 3. Птицы. Каждая по	— „ 50 „

ПОРТРЕТЫ ПИСАТЕЛЕЙ и ВИДЫ РОССИИ въ КРАСКАХЪ.

Исполнен. художн. Суреньянцева. Съ предложеніемъ контурныхъ изображеній тѣхъ же рисунковъ. Для раскрашиванія, вырѣзыванія, наклеиванія, выпиливанія, вышиванія и др. художественныхъ работъ для мальчиковъ и дѣвочекъ. **Шесть серій:** *Первая серія.* В. А. Жуковскій, И. А. Крыловъ, Н. М. Карамзинъ, А. С. Грибоѣдовъ. Видъ Московскаго кремля (отъ Тайницкой башни.) Троице-Сергіевская Лавра. *Вторая серія.* Т. Г. Шевченко, А. В. Кольцовъ, Н. А. Некрасовъ, И. С. Никитинъ. Исаакіевскій соборъ въ Петербургѣ. Зимній пейзажъ. *Третья серія.* Ф. М. Достоевскій, И. А. Гончаровъ, Л. Н. Толстой, И. С. Тургеневъ. Новодѣвичій монастырь въ Москвѣ. Лѣтній пейзажъ. *Четвертая серія.* Д. И. Фонвизинъ, Екатерина II, Г. Р. Державинъ, М. В. Ломоносовъ. Красная площадь въ Москвѣ. Памятникъ Петру Великому въ Петербургѣ. *Пятая серія.* А. С. Пушкинъ, М. Ю. Лермонтовъ, Н. В. Гоголь. К. Р. Памятникъ Екатеринѣ II въ Петербургѣ. Вечерній пейзажъ. *Шестая серія.* С. Я. Надсонъ, В. М. Гаршинъ, А. К. Толстой, Д. В. Григоровичъ. Петропавловская крѣпость въ Петербургѣ. Видъ Московскаго кремля (отъ Александровскаго сада).

Цѣна каждой серіи въ футлярѣ съ четырьмя портретами и двумя видами и контурн. изображеніями къ нимъ одинъ рубль.
 Вся коллекція состоитъ изъ 6 футляровъ, 24 портретовъ и 12 видовъ.

10 стѣнныхъ картинъ для дѣтей, въ краскахъ, по
рисунамъ *В. Я. Суреньянца*. Размѣръ картинъ:
1 арш. 6¹/₂ верш. длины и 7¹/₂ верш. ширины. Цѣна всей серіи 3 р. — к.

Отдѣльныя картины по — „ 35 „

Содержаніе картинъ: 1) На Ледовитомъ океанѣ; 2) Довъ-Кихотъ; 3) Парадъ; 4) Аэро-статика; 5) Семья; 6) Спортъ; 7) На турнирѣ; 8) На синемъ морѣ; 9) На сѣверныхъ оленяхъ; 10) Враги.

ЗА АПРѢЛЬ СЕГО ГОДА

— ВЫШЛИ —

Н О В Ы Я К Н И Г И:

Л. Н. Толстой. Собраніе сочиненій, съ 1881 года, 1-я серія, съ богато иллюстрированной біографіей Л. Н. Толстого, составленной спеціально для этого изданія П. И. Бирюковымъ, въ 12 томахъ. Цѣна за каждый томъ 1 р. — к.
Вышли томы II, III, IV, VIII, XI и XII.

В. Лазурскій. Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ Цѣна. — „ 80 „

К. Леонтьевъ. О романахъ Л. Н. Толстого. Писано въ Оптиной Пустыни въ 1890 г. Цѣна . . . 1 „ — „

Б. Грифцовъ. Три мыслителя (Розановъ, Достоевскій и Шестовъ). Цѣна 1 „ — „

І. Фейнъ. Прив.-доцентъ вѣнскаго университета. *Замѣтки по горловымъ и носовымъ болѣзнямъ для практическихъ врачей.* Съ 40 рисунками и 2 таблицами. Съ предисловіемъ д-ра А. О. Бжляева. Цѣна 1 „ 25 „

A
BIBLIOTEKA
UNIERSYTECKA
GDAŃSK

GXX

860102/A

Nie pożyczaj się do domu 7